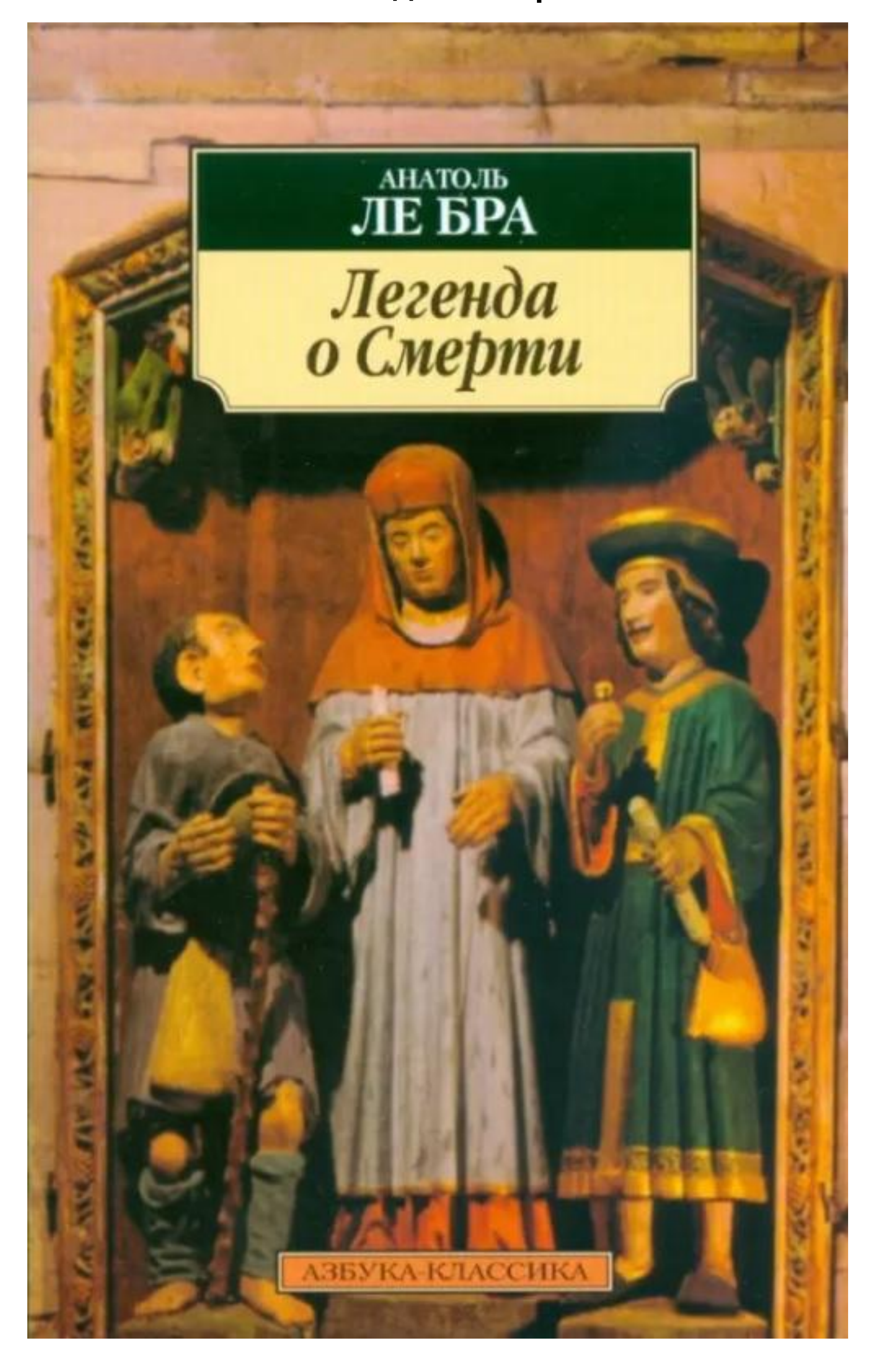
Анатоль ле Бра
Легенда о Смерти



Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, поведет вас в мир особенный — таинственный, фантастический, даже мистический... В самом ее названии — «Легенда о Смерти» — есть что-то торжественное и жуткое, страшная, но манящая тайна. Вместе с тем, этот мир абсолютно реален, предельно конкретен — с селами и хуторами, городами и рыбацкими деревушками, мир, люди в котором не сказочные персонажи, а обыкновенные жители этих мест — фермеры, пахари, моряки и рыбаки, почтенные хозяйки и молоденькие служанки, кузнецы, ткачи, сельские священники... Мир тружеников земли и моря, добывающих хлеб насущный привычным трудом, как испокон веку заведено это здесь, на краю Европы, в маленькой стране по имени Бретань.

Экономический район современной Франций, Бретань — «особая страна», сохранившая свою «отдельность», свою неповторимую культурную самобытность с древнейших времен и, по сути, до сегодняшнего дня. Может быть, как считают многие, в силу своей особой географии. Почти все 34 с небольшим тысячи кв. км (всего лишь!) территории Бретани располагаются на Арморикансом полуострове — на узкой полосе каменистой земли (шириной не более 150 км) между Ла-Маншем и Бискайским заливом, уходящей чуть более чем на 275 км от континентальной Франции в открытый океан, в Атлантику, обрушивающую свирепые волны на скалистые берега бесчисленных бухт, заливов и островов. Море властвует над этой землей силой могучих приливов и отливов, то затопляя берега, то отступая от них на многие километры, оставляя обнаженными дно и камни. Морские ветры и туманы проходят от берега к берегу полуострова, проникая сквозь тенистые рощи Аргоата, Лесного края, прокатываясь через песчаные ланды[1] добираясь до невысоких лесистых вершин Черных гор и Арре и разбиваясь о неприступные гранитные стены коренастых крестьянских домов, высоких церквей и крепостных башен. Гранит — везде, он отзванивает под ногами из-под зеленого покрова трав, его твердость, его серо-коричневые цвета объединяют своей суровостью многоцветье природы и жизни. Суровая Бретань — страна воинов, моряков, пиратов, землепашцев...

Но где-то в полумраке лесов, в диких зарослях, вырвавшись из таинственной глуби сырой земли, бегут, разливаясь и неумолчно журча, холодные и быстрые ручьи и меж сплетенных ветвей вдруг поблескивает темное зеркало потаенного лесного озерца... На склоне дня, под скользящими лучами солнца, опускающегося в океан, оживают тени скал на волнующейся поверхности моря и живыми красками переливается цветущий вереск на обрывающихся в море равнинах Корнуайя — крайнего запада Бретани, который последним видит, как заходит солнце над континентальной Европой. Бурное кипящее пеной море у пристани, огни маяков за пеленой тумана, дождь, который бесконечными зимними ночами настойчиво стучит в окна, словно прося приюта... Да мало ли что еще будит воображение «сурового бретонца», обретая душу и претворяясь в живые голоса и поэтические образы. «Бретонцем не рождаются, им становятся, слушая ветер, пение ветвей, песни людей и моря», — так сказал однажды бретонский поэт и романист XX в. Ксавье Гралль. Бретань — страна поэзии, легенд и сказаний...

Уже на заре европейской истории в Бретани звучали песни бардов — лэ, исполняемые под аккомпанемент маленьких кельтских арф. В народных сказаниях Бретани родились многие сюжеты средневековых рыцарских романов «бретонского цикла» — романов о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. Вместе с Англией Бретань стала, по выражению одного из исследователей средневековой литературы, «обетованной страной рыцарских подвигов, любовных приключений и фантастических происшествий». Каждый бретонец и сегодня покажет вам дорогу в лес Броселианд — место действия легенд артуровского цикла, — а в нем — и замок феи Вивиан, и усыпальницу волшебника Мерлина, и колдовские

---

[1] Ланда — равнина, пустошь.

источники и озера... В конце концов, это Бретань внушила романтическую «смутность страстей» «отцу» литературы французского романтизма Рене Шатобриану, который провел свое детство на бретонском берегу в мрачном средневековом замке Комбург и нашел вечный приют на пустынном островке возле города корсаров Сен-Мало.

Душа Бретани — в творчестве ее народа, в созданных в незапамятные времена и бережно, с глубокой верой и серьезностью передаваемых из поколения в поколение песнях, преданиях, легендах и сказаниях. Большинство бретонцев — селяне и «рабочие моря», люди, и в старину, и ныне живущие в тесном единении с природой, подчиненные ее власти и ее ритмам. Три четверти года были наполнены для них трудом, но приходила хмурая арморикансая зима с дождями и злыми ветрами на опустевших полях и в лесах, с бурями на море, и наступала пора длинных зимних вечеров, собиравших возле очага, на большой кухне — в сердце всякого крестьянского или рыбацкого дома — всю семью: и домочадцев, и зашедших на огонек соседей, и застигнутых непогодой путников. Вот тогда-то и приходило время «раздуть огонь на угольях сказаний». Они звучали из уст почтенной главы и наставницы семьи — бабушки, матери отца, хранительницы традиций. Их разносили по городам и селам бродячие сказители, распевая и рассказывая в тавернах, на ярмарках, на праздниках и торжествах. Но это не просто сказки, развлекавшие простодушных слушателей. Бретонские сказания — это записанная в памяти народа его история, его вера, его мудрость и его поэзия. Это народные «школы» и «университеты», народная философия и мировоззрение, это заповеди Бретани — основа основ ее духовности, ее духовного единства и неповторимости.

Вот такие народные рассказы вы и прочтете в этой книге. На ее обложке стоит имя, но имя не автора рассказов, а составителя книги — известного писателя, ученого, историка французской и бретонской литературы, фольклориста Анатоля Ле Бра. Он собрал эти предания, сделал литературную обработку, перевел на французский язык, и они стали фактом письменной литературы — «большой» литературы Франции.

Исследователь и поэт, преподаватель литературы, университетский лектор и сказочник, «Чародей», как называли его современники и друзья, Анатоль Ле Бра (1859-1926) принадлежит поколению творческой интеллигенции Бретани рубежа XIX и XX вв., поднявшему на новый, общеевропейский научный уровень дело возрождения и утверждения бретонского языка, литературы и истории. Это движение, возникшее еще в XVIII в. на волне поднимающегося национального самосознания и поиска «бретонской идеи», в XIX в. приобрело целенаправленный исследовательский историко-филологический характер. Собирание устного фольклора и старинных рукописей шло параллельно с изучением истории Бретани, ее языка и диалектов, с созданием и публикацией грамматик и словарей, с поиском места бретонского языка в группе живых кельтских языков. В итоге в 1903 г. в университете города Ренна — нынешней столицы Бретани — была создана кафедра кельтских языков, за которой в скором времени последуют многочисленные научные учреждения современной Бретани, занимающиеся проблемами ее истории и культуры.

Сын сельского учителя, получивший начальное образование в школе отца, а знание латыни — от сельского священника, бывшего, однако, дядюшкой известного писателя-символиста Вилье де Лилль-Адана, Анатоль Ле Бра провел детство и отрочество в старинной провинции Трегор на севере Бретани (департамент Арморикансий Берег). Связи с родиной он никогда не порывал. Здесь, в близкой и хорошо знакомой ему среде крестьян и рыбаков, которых он считал «самыми славными людьми нашего народа», он говорил только на родном бретонском языке. Он дышал «воздухом Бретани», впитывая с младенчества ее традиции, уклад, разумеется, древние предания и сказки, которые станут впоследствии главным предметом его ученых и литературных занятий, воспринимая все это особенно обостренно в столь свойственной времени атмосфере все возрастающего национального самоутверждения. Но «истинный сын Бретани», Ле Бра никогда не был узким националистом. Воображение бретонца, «кельтское» чувство таинственного и мистического, сделавшие его тонким ценителем и знатоком народной литературы Бретани, сочетались в

нем с богатой эрудицией гуманитария и рационализмом человека современной ему французской культуры. Он был приобщен к ней с детства, обучаясь сначала в Бретани, в Сен-Бриё, в лицее, который носит теперь его имя, а затем в Париже, в привилегированном лицее Святого Людовика, где он получил диплом словесника, преподавателя французской литературы. Он был учеником, с одной стороны, последовательного позитивиста Эрнеста Ренана (1823-1892), своего соотечественника, уроженца Трегье, философа и историка, автора написанной с позиций рационалистической критики знаменитой восьмитомной «Истории происхождения христианства» (1863-1883), а с другой стороны — Франсуа Мари Люзеля (1821-1895), крупнейшего собирателя бретонских баллад, песен и сказок, создателя методических основ бретонской фольклористики. Ле Бра стал выдающимся писателем Бретани, принципиальным защитником независимости и самобытности ее национальной культуры и языка и даже «отцом- основателем» первой национальной партии Бретани — Бретонского регионального союза, созданного им и его единомышленниками в августе 1898 г. Но в летописи

французской филологии и литературы начала XX в. он остался еще и как знаменитый лектор лингвистической организации Франции «Альянс Францез», блестящий пропагандист французского языка и литературы. Почти пятнадцать лет, с 1904 по 1919 г., выступая с лекциями в Швейцарии, а затем в Канаде и в Соединенных Штатах, он, как пишет один из его биографов, «служил делу Франции». Эту «двойственность», а лучше сказать, широту интересов Ле Бра проявил и в своих научных исследованиях, занимаясь одновременно и проблемами связи Бретани с французским литературным романтизмом, и историей кельтских театральных мистерий.

Но все же главное дело жизни Анатоля Ле Бра — бретонская литература, тот вклад, который он сделал в ее возрождение и современное становление. Может показаться странным, что писатель, для которого родным языком был бретонский, писал по-французски. Но это и был способ сделать бретонскую литературную традицию общечеловеческим достоянием, поставить литературу Бретани в один ряд с великой французской и мировой литературой. Ле Бра писал по-французски, но только о Бретани. Бретань, ее история, люди, обычаи, ее города и деревни, ее памятники — предмет его статей, путевых заметок, эссе, увлекательных репортажей и отдельных книг, отмеченных знанием и зоркой наблюдательностью («Les îles bretonnes» — «Бретонские острова», «Un Voyage à 1 île de Sein» — «Путешествие на остров Сейн», «Vieilles chapelles de la Bretagne» — «Старинные часовни Бретани», «Au Pays des Pardons» — «В краю Пардонов»[2]). Бретань, и только Бретань — место действия романов и повестей Ле Бра, бретонцы — его персонажи и герои («Le gardien du feu» — «Страж огня», «Fille de fraudeurs» — «Дочь контрабандистов», «L’Evèque Audrein» — «Епископ Одрен»). Но главное — это душа и память Бретани, воплощенные в старинных преданиях, легендах, народных повествованиях, которые были единственным источником вдохновения писателя — его сюжетов, образов, ситуаций, характеров, отношений. «Contes du soleil et de la brume» — «Сказки солнца и тумана», «Vieilles histoires du Pays breton» — «Старинные истории бретонского края», «Contes et histoires de Bretagne» — «Сказки и предания Бретани», «Les Saints bretons de la Montagne Noire à la Montagne d’Arez» — «Бретонские святые от Черных гор до гор Арре», — все это талантливо использованные, с редким художественным чувством и деликатностью переработанные и воссозданные на французском языке богатства бретонского народного творчества. С самого начала своей писательской деятельности Ле Бра был убежден, что создание новой, современной литературы Бретани было немыслимо без обращения к ее прошлому, к древним кельтским и раннехристианским народным истокам ее

[2] Пардон — крестный ход в Бретани, одна из главных и повсеместно распространенных в Бретани народных христианских церемоний. Она начинается с мессы, обычно под открытым небом, за которой следует торжественная процессия с пением, хоругвями и изображениями святых, которые несут мужчины и женщины в национальных костюмах. Старинная традиция, это и своеобразная манифестация бретонской культуры.

культуры. «Terre du Passé» — «Земля Прошлого» — не случайное название одного из произведений Анатоля Ле Бра. Непрерывающаяся цепь народной жизни, дыхание древности в сегодняшнем бытии, — такой виделась родина писателю. Это волновало в нем воображение художника и исследователя.

Поиски источников, собирание и изучение бретонского фольклора, филологические изыскания стали обязательным элементом творческого процесса для Ле Бра с первых его шагов в литературе. В Кемпере, где в начале 1880-х гг. Ле Бра начинал свою карьеру, работая преподавателем литературы в местном лицее и публикуя первые очерки, сказки и новеллы в местных журналах, судьба свела его с Франсуа Мари Люзелем. Знаменитый фольклорист привлек начинающего филолога и литератора к поискам народных религиозных песен, опубликованных им позднее, в 1890 г., и в процессе этой работы приобщил его к своим методам кропотливого и педантичного собирания и записи текстов. Ле Бра оказался удачливым собирателем фольклора: владение бретонским языком, доброжелательность, тактичность и глубокое уважение к своим землякам, крестьянам, морякам, обеспечило ему успех. Именно тогда, записывая песни и баллады для сборника Люзеля, Ле Бра услышал рассказы, положившие начало работе над самым значительным его произведением — книгой «Легенда о Смерти». Ее первая публикация в 1893 г. под названием «Легенда о Смерти армориканских бретонцев» принесла Анатолю Ле Бра известность. Он продолжал работать над книгой в течение многих лет, формируя и дополняя ее разделы новыми текстами. «Пятнадцать лет подряд, — пишет он в предисловии, — я неустанно копался в народной памяти, пройдя с этой целью всю Бретань... Эти деревни и встречи стоят перед моими глазами: то это лавка сапожника-саботьера в Аргоате... то вахта на маяке острова Сейн — дежурный сторож на вахтенной скамье и яркий свет фонаря, проходящий по волнам вздымающегося моря...»

Они встают и перед глазами читателя — эти сцены повествования, неторопливого, обстоятельного и увлекательного, хотя нигде в книге они не описаны прямо. Они возникают из самой ткани текста, из брошенных по ходу рассказа — случайно, к слову, — упоминаний вещей, мест, имен, из каких-то очень личных ссылок на знакомых людей, на как будто всем известные обстоятельства, из особенной простой и доверительной интонации невидимого рассказчика. Невидимого, но почти реально ощутимого. Это лишь одна — из многих! — необычайно привлекательных сторон этой книги. Она легко читается — читается, как слушается. В ней все время «звучат» голоса рассказчиков, и среди них — главный, женский, голос, в котором легко угадывается образ немолодой бретонской крестьянки, много видевшей и испытавшей, мудро, по-доброму, не без юмора смотрящей на жизнь. А какое ощущение теплоты, симпатии окутывает этот образ! И это притом, что в книге нет ни единого слова, прямо относящегося к главной рассказчице. Таков талант писателя, его власть над словом. Своих информантов — так принято называть народных сказителей и рассказчиков, которых записывают фольклористы, — он сделал литературными персонажами, героями своей книги. Его главная «героиня» — известная бретонская сказительница, «королева сказочников» Мархарит Фюлюп (1837-1909) из деревни Плюзенет в провинции Трегор. Искалеченная в детстве рука помешала Мархарит заниматься крестьянским трудом, и она стала профессиональной «паломницей» — исполняла паломнические обеты вместо тех, кто не мог их совершить. Об этой профессии и о паломнице, подобной Мархарит, Ле Бра рассказывает в одной из глав своей «Легенды о Смерти», посвященной паломничеству душ. Мархарит обошла пешком почти всю Бретань, везде заучивая и исполняя народные песни, сказки, легенды. Она знала их множество, иногда очень редких, почти забытых. Ее отыскал Люзель, которому она передала большое число песен, вошедших в его сборники. Он и представил Мархарит своему сотруднику и ученику. Однако для Анатоля Ле Бра Мархарит Фюлюп стала не исполнительницей песен и баллад, не сказительницей, а рассказчицей. Тексты, собранные им в эту книгу, иначе как рассказами не назовешь. Не сказки, не предания и даже не легенды, хотя писатель и назвал свою книгу «Легендой», а именно рассказы. Ле Бра очень тонко уловил и очень точно передал в

литературной обработке их ровный повествовательный характер и убедительную простоту, жизненную достоверность. Они звучат здесь как свидетельства очевидцев и непосредственных участников происшедшего, как откровенные и доверительные воспоминания о реально случившемся.

И все же для Ле Бра эти рассказы — Легенда. Здесь-то и сказался ученик Ренана. Трезвый, критически настроенный ум историка-позитивиста — и, скорее всего, атеиста, что так типично для человека французской культуры конца XIX в., — не мог позволить писателю принять как реальность мистические мотивы и сюжеты, вплетенные в канву повествований наравне с жизненными реалиями. Для него это фантастический элемент народного сознания, плод поэтического воображения. Но наделенный сам «душой бретонца» и, главное, художника и поэта, Ле Бра не мог не проникнуться поэзией народной веры, того простодушного, но мощного и всеобъемлющего религиозного чувства, которое пронизывает собою эти рассказы, поднимая их на уровень почти эпических преданий. Отсюда, наверное, и идет особое, редкостное ощущение красоты и правды «Легенды о Смерти», какой бы пугающе таинственной и грозной ни была тема, объединяющая эти предания.

Тема Смерти изначально предполагает тайну, мистику, первозданный ужас перед неизвестностью и неизбежностью. Но когда рассказ за рассказом читаешь Легенду, «сладкий ужас», всегда связанный с эстетикой такой темы, постепенно сменяется чувствами более спокойными и более глубокими, значительными. Конечно, в этих рассказах во множестве присутствуют даже не атрибуты, а чрезвычайно выразительные образы смерти, обрисованные столь же конкретно, зрительно, почти осязаемо, как реалии повседневного земного бытия. «Рабочий смерти» Анку в широкополой шляпе, бросающей тень на безглазый череп, в громыхающей повозке и с косой, заточенной наружу; призраки и привидения, ночные явления мертвецов; кладбищенские голоса, звоны колоколов и мистические мессы в мертвых церквах; страшная книга «Агриппа», подписанная самим дьяволом, и сам дьявол, и ад... Ад — что может быть таинственнее, невообразимее, сколько фантазии и слов истратило человечество, чтобы создать его непостижимый, ужасающий образ. И вдруг из бретонского повествования узнаешь, что дорога в ад «большая, широкая и содержится всегда в полном порядке; она всегда готова принять путника», словно речь идет о дороге из Сен-Бриё в Морлэ, а главное, что вдоль нее — «девяносто девять постоялых дворов... где любезные и хорошенькие служанки... наливают всякие ликеры!»; сумеет путник устоять, «не пьет без удержу» (и невольно всплывает фраза из другого рассказа — «жены рыбаков всегда опасаются, не остались ли их мужья напиваться где-нибудь в кабаке») и к последнему постоялому двору приходит трезвым, он может вернуться обратно: «ад больше не имеет на него прав». И всего-то? Нет, ужасы ада и блаженства рая остаются здесь незыблемыми в своей сути. Но форму в народном воображении они принимают конкретную и очень бретонскую: «Представьте себе лес башенок, таких же легких и стройных, как башни Бюлата или Крейскера... Флюгера вращались над башенками и издавали — нет, не скрип, а сладостные звуки». Это рай. А замок, горящий пламенем, с невыносимым запахом серы — это ад... Главное же, всё мистическое, потустороннее предстает здесь не в туманных видениях, не в провидческих снах и откровениях, а воочию, как часть здешней, посюсторонней, жизни, в едином ряду ее дел, событий и вещей. И вот мертвый пахарь пашет свои земли, чтобы вернуть им привычный цветущий вид, какой они имели при его жизни. А старый хозяин фермы после смерти остается жить в своем доме, хранит яблоки, шутит над полюбившейся ему молоденькой служанкой, подружившейся с ним, да еще и становится отцом последнего своего сына. Потому что то, что в католицизме называется чистилищем, искуплением земных грехов, по бретонским понятиям душа тоже проходит здесь, на земле, и более того, рядом с домом, возле села или фермы, ибо «она должна после смерти делать то, что привыкла делать при жизни», пока не исполнит свое послушание.

Так миры живых и мертвых смыкаются в единую общность, даже в одну общину. У

каждого из них свое пространство: мертвые внутри стен приходского участка[3], живые — за его стенами — и свое время: живым — день, мертвым — ночь. Но миры эти проницаемы. Этот сюжет — общение живых и мертвых, проходящий через всю книгу, пожалуй, самый волнующий и человечный. Он и страшит до замирания сердца, и трогает, порой до слез, и завораживает, и внушает надежду. В конце концов, все они — и живые, и мертвые — земляки, соседи, родственники. Их объединяет земля, по которой они ходят и в которой они лежат, море, которое несет им и жизнь, и смерть, небо, под которым проходит их жизнь и куда уходят их души, — анаон. И уходят не навсегда. «Подожди, мой друг, когда я приду к новому воскресению, — говорит душа телу, прощаясь с ним в балладе, которой завершается глава об исходе души, — я ухвачусь за твою руку и... обрету силу любви, чтобы увлечь тебя за собою». Смерть, какой бы пугающе грозной она ни ощущалась, в поэтизированном мировоззрении бретонца оказывается не концом жизни, а ее частью, ее продолжением в мире ином. Да и мир иной со всей его неизведанной тайной оказывается где-то здесь, поблизости от мира этого, аналогичен ему и связан с ним в единый круговорот бытия, некий цикл, подобный природному: восход-закат, тепло-холод, свет-тьма, жизнь-смерть-жизнь...

По существу, это языческая концепция, свойственная мировоззрению древних народов, живших в ощущении глубокого и нерасторжимого единства с природой. Ее столь важное, определяющее место в христианском сознании бретонцев заставляет вспомнить о кельтских истоках бретонской религиозности.

Бретонцы — кельты, единственные на европейском континенте прямые потомки древнего народа, дважды на разных этапах европейской истории колонизовавших Арморикaнский полуостров. В первый раз кельты обосновались в Арморике в V в. до н. э. в процессе массового переселения кельтских племен с обширных территорий, которые они занимали в бассейне Рейна и в верховьях Дуная. Часть из них переправилась через Ла-Манш и создала свои поселения на территории нынешних Англии, Шотландии, Ирландии. Оттуда, с юго-западных земель Британии, пошла обратная волна переселения кельтов с Британских островов в Арморику. В течение столетия, с середины V в. до середины VI в., теснимые англо-саксами бритты Корнуолла и Уэльса переправлялись через Ла-Манш, занимая земли западной части полуострова (нынешняя Нижняя Бретань, территория собственно бретонского языка). Здешних, арморикaнских кельтов (галлов), подвергшихся частичной романизации во времена господства Рима над Арморикой в первых веках нашей эры, бритты вытеснили в восточную часть полуострова (современная Верхняя Бретань, территория языка галло, галльского диалекта бретонского языка). Название «Арморика» уступило место новому имени — Бретань. С приходом бриттов в Бретани по-настоящему распространяется и утверждается христианство. Мощную волну эмиграции островных бриттов в VI в. возглавили их духовные вожди — бриттские и ирландские монахи и священники. Миссионеры и пламенные проповедники, они не только словом поддерживали волю и укрепляли души вверившихся им людей, но активно взялись за организацию церковных общин и монастырей — центров, постепенно превратившихся в города, вокруг которых стали расти села, деревни — вся сохранившаяся до наших дней социально-административная структура Бретани. Эти города, бурги, местечки, монастыри и церкви и сегодня носят имена основателей — бретонских святых и прежде всего главных из них — «отцов Родины», семи святых покровителей Бретани[4]. Бретань изначально формировалась как христианская общность, христианская страна, но на очень мощной кельтской этнической и религиозной

---

[3] Приходский участок — духовный и административный центр бретонского села или городского района — огороженный невысокой каменной стеной с монументальными въездными воротами ансамбль, состоящий из церкви, кладбища за нею и небольшой площади перед нею с гранитным распятием (голгофа) и поминальной часовни (оссуарий).

[4] Например, города Сен-Бриё, Сен-Мало, Сен-Поль-де- Леон, церкви Св. Корантена в Кемпере, Св. Тюгдюаля в Трегье и пр.

основе. Христианство не изгнало из души и сознания кельта древние религиозные устои предков, как не изгнало оно кельтских жрецов-друидов, таинственно «исчезнувших», растворившихся в новом христианском сообществе[5], но не случайно «воскресших» в наши дни: их образ, их значение остались в народной памяти, в сознании, их духовная власть естественно перешла новым христианским лидерам. Авторитет сельского приходского священника в Бретани со времен отцов-основателей и до наших дней остается непререкаемым и преобладает над авторитетом светской власти.

Все это сделало христианство Бретани по-бретонски своеобразным. Здесь почитаемы в первую очередь свои, бретонские, а не общие католические святые, исполняются свои, бретонские, церковные ритуалы — большие праздничные процессии-пардоны, Тромени[6] и Тро-Брез[7]. Но самое существенное — это то, что христианская догма легла на прочное основание кельтской метафизики, на оставшиеся незыблемыми представления о природном, космическом, божественном мироустройстве. Эти представления не только не противоречили в главном христианским идеям, а напротив, подтверждали, обогащали их, умножая силу христианского чувства, горячую веру бретонца, придавая ей ту самую окраску, которую и окрестили «своеобразием» бретонской христианской религиозности.

Из этого сочетания, сращения религиозных идей сложилось и бретонское понятие Смерти. Христианская идея смерти как «рождения в вечность», перехода в особую форму бытия в определенном смысле совпадала с кельтским представлением о потусторонней жизни как о продолжении жизни земной. Но в отличие от отвлеченного, по существу, философско-символического христианского определения вечной жизни как «вечного света», как «царствия небесного», кельты мыслили ее более конкретно и «располагали» ее несколько ближе — где-то на неведомом краю земли или на дальних островах за морем — так, в старинных кельтских легендах, например, родился образ Авалона, таинственного острова усопших. Древние, «праотеческие» идеи, — скорее даже не сами идеи, а их следы, отголоски, память о них, оставшиеся в бретонском христианском сознании, не меняя в нем сути христианских образов смерти и вечной жизни, ослабили, смягчили их суровый ригоризм, приблизили их к более простым человеческим, природным представлениям. Отсюда и свое, особенное отношение бретонца к смерти, которое окрашивает страницы народных рассказов теплотой и мудрой человечностью.

Самое замечательное в этих рассказах о Смерти, что главенствующее в контексте такой темы естественное человеческое чувство страха, по сути дела, не имеет отношения к смерти как таковой. Страшит не смерть, а обстоятельства смерти. Они мастерски воссоздаются в слове, в описании ситуации, в диалогах, в ритмических повторах фраз, усиливающих, нагнетающих чувство. И все то, что заставляет замирать от ужаса, слушая или читая «Легенду о Смерти», — неумолимое море, уносящее с приливом человеческую жизнь, собаки, гонящиеся за грешницей, ищущей спасения у креста, баллада грозного Анку, не щадящего ни пахаря, ни принца, ни самого Иисуса и Святую Деву, и сам Анку — высокий худой человек с седыми волосами, которым может оказаться тот, кто умер последним в своем приходе, — все это, в конечном итоге, художественный образ, поэзия. Страшит и то, что ждет после смерти, — неизвестность посмертной участи души. Ее надо заслужить по эту сторону смерти. И страница за страницей Легенды заполняются образами греха,

---

[5] Друидизм, в частности, стал основой бретонского знахарства, друиды превратились в лекарей.

[6] Тромени (от брет. *tro-minihi)* — букв. *Tro-tour* — «проход» и *minihi* от лат. *monachia* «монастырский» — религиозная процессия.

[7] Тро-Брез (Tro Breiz) — паломничество через *(tro)* Бретань, которое по традиции каждый истинный бретонец должен совершить хотя бы раз в жизни, к могилам святых основателей Бретани в столицах семи бретонских епархий: в Ванн (св. Паттерн), в Кемпер (св. Корантен), в Сен-Поль-де-Леон (св. Поль Аурелиен), в Трегье (св. Тюгдюаль), в Дол-де-Бретань (св. Самсон), в Сен-Бриё и в Сен-Мало.

добродетели, искупления — «послушания», — всего того, во что христианская вера и народная мудрость вложили понятия нравственных ценностей.

Сама же смерть — неизбежный факт, естественно вплетенный в живую ткань бытия, рубеж, «середина долгой жизни», как говорили предки-кельты, за которой — бессмертие. Смерть — это таинство прощания души с телом, и в душе бретонца оно вызывает чувство более сильное, чем страх, — почтение и глубокое уважение. Это главная мысль, главное содержание «Легенды о Смерти». В увлекательной образности повествований заключен великий духовный опыт народа, это его уроки, его наставления, обычаи, правила, заповеди, скрепляющие поколения прочными узами нравственных традиций. Это глубоко понял Анатоль Ле Бра. Составляя свою «Легенду о Смерти», он сформулировал основные темы этой «народной школы нравственности» и сгруппировал рассказы последовательно по соответствующим главам — от предзнаменований смерти до завершающей темы рая. Главная же заслуга Ле Бра — точность и образная выразительность сделанного им перевода рассказов Легенды с бретонского на французский язык, принесшая ему, по мнению французской критики, славу писателя, сумевшего «облечь в слова вечные голоса ветра, моря, леса и легенды».

Удалось ли и нам передать голос Бретани в русском переводе, судить вам, наши читатели.

Людмила Торшина

ГЛАВА I
ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Знамения[8] предрекают смерть. Но знамение обычно дается не тому, кому смерть угрожает. Знамение утром предвещает ее скорый приход — не позже чем через восемь дней. Вечером — все случится нескоро, может быть, через год и даже больше. Никто не умирает без предупредительного знака, посланного кому- нибудь из родных, друзей или соседей. Знамения — это как тень того, что должно произойти. Если бы мы были меньше заняты своими делами и происшествиями вокруг нас в этом мире, мы бы больше знали о том, что происходит в другом. Люди, не признающие знамений, получают их не меньше, чем те, кому они даны всегда. А не признают они их только потому, что не умеют ни видеть их, ни понимать; а может быть, потому, что они их боятся, оттого и не хотят ничего видеть и понимать в иной жизни.

* * *

Некоторые люди обладают особым даром видеть. Во времена моей молодости показывали пальцем — не без тайного страха — на тех, кто был наделен этой таинственной силой. *Hennes ben eus ar pouar!* Он тот, кто имеет дар! В этой особой категории людей первое место принадлежит тем, кто «прошел через освященную землю[9] и ушел из нее до своего крещения».

Вот, например, такой случай.

Родился ребенок. Отправились к ректору[10], и он назначил час крещения. Но вы же

---

[8] Смысл слова «предзнаменование, знамение» передается в бретонском языке по-разному в зависимости от района Бретани. Чаще всего — в значении *seblanchou* «видение», *sinaliou* «предзнаменование», *traou spont* «страшный знак». — *Прим. автора.*

[9] Освященная земля — территория приходского участка, кладбище (погост).

[10] Ректор — приходский священник, настоятель церкви в Бретани.

знаете, что деревенские за временем не следят. Отец и мать семейства, крестный и крестная плетутся по дороге, застревая в каждом кабачке, какие попадаются на пути, и приходят в село гораздо позже назначенного времени. А кюре устал их ждать понапрасну или отправился исполнять другие свои обязанности. Наше семейство подходит к церкви, а она заперта. Теперь их очередь поскучать, дожидаючись. Однако не жарко. Ребенок плачет. Мать заявляет, что, если они еще здесь останутся, новорожденный может помереть. И они уходят, чтобы где-то укрыться, в ближайшую харчевню. Там, выпивая свой стаканчик, они ждут возвращения священника. Вот так младенец прошел через освященную землю приходского кладбища и ушел из нее, оставшись не крещенным. И он приобретет дар видеть. Такое случается часто. Вот почему бретонцы обладают способностью видеть то, что не видно глазам большинства людей.

Звук падения предметов: мисок, тарелок, стаканов — вещей, которые, падая, разбиваются, — это знак смерти родственника или друга, находящегося в пути. Плотники, которые делают гробы, знают заранее, кто в округе должен умереть днем, а кто ночью. Они узнают об этом по звуку стучащих друг о друга досок, доносящемуся с чердака.

В округе Пемполь жены моряков, когда долго не получают вестей от своих мужей, отправляются на богомолье к святому Лу Младшему в общину Ланлу между Плуэзеком и Плуга. Они ставят святому свечу, которую приносят с собою. Если с мужем все благополучно, свеча горит радостно. Если муж мертв, свеча горит печальным пламенем, дрожит и внезапно гаснет.

Нередко больной человек, сам или его, как это называют, «дух» (его двойник), становится предсказателем собственной смерти. Он является в этом случае в самых причудливых формах и обличьях, например в виде лошади, белой или черной, в зависимости от того, ждет ли его в ином мире спасение или гибель. Одну умиравшую женщину увидели сидящей в рубахе на яблоне довольно далеко от дома; именно в этот момент у нее началась агония.

* * *

Когда без видимой причины человек вдруг вздрагивает, обычно говорят: «Анку[11] прошел». Если вас внезапно окликнут или если вы неожиданно натолкнетесь на что-нибудь, вы ведь инстинктивно вздрогнете? Это значит, что смерть, уже посягнувшая на вас, оставила вас, чтобы овладеть кем-то другим.

* * *

Неожиданно навернувшиеся на глаза слезы — знак того, что скоро вам придется оплакивать кого-то из близких.

Восемь предзнаменований одной смерти

Всякий раз перед тем, как умирал кто-нибудь из моих близких, я получала знак. Больше всего я была потрясена предзнаменованиями смерти моего мужа. Они были разные, пока семь месяцев он болел.

Однажды вечером я задержалась возле него допоздна и задремала от усталости на скамье рядом с постелью. Внезапно я проснулась от какого-то звука — будто окно распахнулось. «А, — подумала я, — ветер проказит». И правда, по моему лицу прошелся

---

[11] Анку — образ Смерти в Бретани. См. подробно в гл. III.

легкий ветерок, сырой и холодный, словно из подвала. Я вспомнила, что оставила сушиться чесаный лен в палисаднике, на изгороди, и сказала себе: «Только бы не развеял ветер мой лен!» Я поспешно поднялась. К моему великому удивлению, окно было плотно закрыто. Я бросилась к двери и открыла ее. Была светлая ночь, полная звезд. Лен по-прежнему висел на изгороди, деревья в палисаднике стояли неподвижно. Ни тени ветра.

Я не слишком встревожилась из-за первого знака, каким бы таинственным он мне ни показался. Через несколько дней после этого, к вечеру, я вязала, сидя на пороге дома вместе с соседкой. Вдруг я услышала, что муж зовет меня. А он лежал в постели у очага, в другом конце дома. Я побежала к нему. «Тебе что- то нужно?» — спросила я. Он не ответил, и я увидела, что он крепко спит, лицом к стене. Я вернулась к соседке.

— Вы слышали, как Люка меня только что звал?

— Ну да.

— Странно. Он спит, как барсук.

Прошло что-то около двух месяцев. Мужу не становилось ни лучше, ни хуже. Той ночью, только я загасила свет со своей стороны и начала потихоньку засыпать, как услышала на чердаке, прямо над головой, чьи-то шаги, очень осторожные. Потом — словно кто-то шепчется. Потом такой звук, будто доски передвигают. И наконец, постукивание молотка, вбивающего гвозди.

Все это было очень странно, так как люк, ведущий на чердак, сделали всего неделю назад, да и потом, на чердаке если что и было, так это кучка овса, несколько маленьких вязанок, но ни одной доски. Я крикнула громко:

— Это кто там шумит наверху и мешает спать добрым христианам?

А затем перекрестилась и стала ждать... Но как только я заговорила, шум прекратился.

На следующее утро отправилась я на реку стирать простыни. От нас до Генди дороги нет, а только узкая тропинка, которая почти все время идет по склону, заросшему ольхой. Только я ступила на тропинку, как услышала за собою шаги, прерывистое дыхание и шум ветвей ольхи над головой. И что странно: я ясно узнала походку моего мужа — его походку, когда он был здоров и возвращался домой после работы на одной из окрестных ферм.

Я обернулась.

Никого!!!

Я провела все утро за стиркой.

На обратном пути я ничего не слышала. Но белье, которое я несла, стало давить на мои плечи такой тяжестью, что я бы поклялась, что полотно превратилось в свинец. Потом я поняла, что это значило. Среди этих простыней была та, что через три дня стала саваном для моего бедного мужа. И все эти три дня знамения следовали почти беспрерывно. В первую ночь сильно хлопала дверь, в дом проникал гул толпы, слышалось топанье множества ног вверх и вниз по лестнице. Следующей ночью — звук далеких колоколов, свет, горящий бледным пламенем у изголовья кровати, где мы спали, потом церковное пение, доносившееся с полей.

Я дошла до того, что не могла сомкнуть глаз.

Но самой ужасной стала последняя ночь. Мой муж, которому, казалось, не стало хуже, запретил мне сидеть возле него. Как только я убедилась, что он заснул, я тоже попыталась задремать. Но именно в этот момент раздался грохот телеги. Это было тем более странно, что по соседству с нашим домом не было никакой дороги. Когда мы здесь поселились, нам пришлось возить мебель на тачке. Однако было ясно, что повозка направляется именно к нашему дому. Скрип плохо смазанных осей становился все более отчетливым. Скоро я услышала его чуть ли не под навесом. Я поднялась на колени. В стене, у которой стояла наша банк-тоссель *(banc-tossel)* [12] было слуховое окно. Я выглянула в него, думая, что

---

[12] Банк-тоссель (*брет .*) — старинная бретонская кровать, сооружение с деревянными стенками, высотою чуть ниже человеческого роста, закрывающими ложе с трех сторон, и с дверными створками — с четвертой.

увижу проезжающую телегу. Но увидела я лишь белое поле, освещенное луной, да черные деревья вдоль канавы. Оси, однако, продолжали скрипеть, а телега грохотать. Она проехала вокруг дома один раз, потом второй, потом третий. На третий раз раздался ужасающий стук в дверь. Муж проснулся: «Кто там?» Я не хотела его пугать и ответила: «Не знаю». Но сама я дрожала от страха. Надо думать, что от страха не умирают, раз я пережила ту ночь. Мой муж скончался на следующее утро, в субботу, когда колокола звонили десять часов.

Быки

Это было незадолго до «Великой революции». Я это знаю от своей матери, ей было тогда шестнадцать лет, и она никогда не лгала.

Она была коровницей на одной ферме в Бриё. Я не могла бы сказать точно, как называлась ферма, но она, должно быть, находилась недалеко от Ла Плэна. Помнится, хозяина звали Уанн. Человек он был почтенный, и сверх того — ученый. Он учился в коллеже в Пон-Круа, готовился стать священником. Но предпочел остаться хлебопашцем, поскольку, без сомнения, не чувствовал в себе призвания. Однако он не позабыл того, чему учился в молодости, и его уважали в округе за то, что он умел читать любые книги. Говорили даже, что он может общаться на любом языке с любым человеком.

Однажды утром он сказал старшему возчику:

— Снаряди мне пару самых молодых быков, попробую продать их на ярмарке в Плейбене.

Всегда он был такой. Продать ли, купить ли, он решал это только в последнюю минуту, и всегда ему везло. Поговаривали, что у него был свой личный «дух», который в нужный момент шептал ему на ухо, что делать. Потому и торговал замечательно.

Ну, так значит, возчик надел ярмо на двух самых молодых быков и оседлал лошадь для хозяина. И тот отправился в путь, не забыв дать каждому на ферме поручение. Его жена, выйдя на порог, чтобы его проводить, сказала моей матери: «Вот помяните мое слово, Тина, за этих двух бычков муж принесет мне сто экю».

Мою матушку послали в поле пасти коров, за которыми она ходила. Как туман спустился, она вернулась. Тропинка, по которой она шла, пересекала проезжую дорогу. Когда она приблизилась к перекрестку, то увидела хозяина, возвращавшегося с ярмарки. Она очень удивилась, увидев, что он возвращается с теми же быками, от которых собирался избавиться. Но вы знаете, что в Нижней Бретани с хозяевами не стесняются говорить свободно.

— Сдается мне, Уанн, — сказала матушка, — что ярмарка в Плейбене ничего вам не принесла.

— Да нет, ошибаешься, — отвечает хозяин каким- то странным голосом, — принесла, и даже больше, чем я желал.

«Ну да, как же...» — подумала матушка. Во всяком случае, вид у него был нерадостный; лошадь свою он пустил идти свободно, а уздечку забросил ей на шею. А сам шел в задумчивости, скрестив руки на груди и голову наклонив. А быки его сопровождали, один слева, другой справа, и как-то торжественно: они, должно быть, потеряли ярмо, которое их связывало. Впрочем, оба были животные хорошие и послушные. Их еще не запрягали ни в плуг, ни в повозку, потому что Уанн приберегал их на продажу, но по твердой походке, по тому, как они тянули морду к земле, видно было, что они уже готовы к доброй работе. Но сейчас у них тоже был такой вид, будто они, как и хозяин, думают о чем-то печальном.

Какое-то время все шли молча, коровы впереди. Матушка все себя спрашивала, что хотел сказать хозяин, что же это такое принесла ему ярмарка в Плейбене — даже больше, чем он желал? Хозяин с быками занимал почти всю ширину дороги, матушка шла по траве вдоль канавы.

Вдруг Уанн позвал ее.

— Тина, — сказал он, — я сам отведу коров. А ты сверни на эту дорогу и беги в село. Зайдешь сначала к плотнику, закажешь ему гроб шести футов длины и два ширины. А потом отправишься в приход, попросишь любого священника, который там будет, взять Дары последнего причастия и идти с тобою к нам, если можно, поскорее.

Матушка посмотрела на хозяина с изумлением. У того из глаз текли по щекам слезы.

— Иди, — сказал он, — и побыстрее.

Матушка сняла сабо, взяла их в руки и побежала во всю прыть по боковой дороге в село.

Через час она уже возвращалась на ферму, в сопровождении одного из викариев. На пороге сидела хозяйка фермы.

— Вы опоздали, — сказала она викарию, — муж скончался.

Матушка не могла поверить своим ушам. Хозяйка все же пригласила викария войти. Матушка проскользнула за ними в кухню. На раскатанном на столе матрасе лежал мертвый хозяин. На нем еще была его дневная одежда. Викарий окропил его святой водой и стал читать поминальные молитвы.

Когда он ушел, матушке приказали отправляться спать, поскольку готовились обмывать покойника. Кровать матушки стояла в комнатке внизу дома, от кухни ее отделяла тонкая деревянная перегородка. Не нужно вам и говорить, что спать матушка не имела ни малейшего желания. Она притворилась, что легла, и закрыла за собою дверцы. Но когда прошло немного времени, она снова поднялась в одной рубашке и приникла ухом к перегородке. В кухне оставались только вдова Уанна и две соседские старухи, которые обычно готовили покойников к погребению. Со двора слышались голоса людей, живших в доме и приходивших из ближних мест, чтобы провести ночь возле усопшего. Все спрашивали друг друга, как это мог умереть ни с того ни с сего такой крепкий мужчина. Это интересовало и мою мать. И очень скоро она все узнала, так как не пропустила ни словечка из рассказа фермерши старухам в кухне, пока они обмывали тело Уанна.

— Вы же знаете, — говорила фермерша, — ему всегда везло в торговле. И когда я увидела, что он возвращается с быками, я не удержалась от упрека. «Уанн, — сказала я ему, — на этот раз ты промахнулся». «Этот первый раз будет и последним», — ответил он. «Это уж как Богу угодно», — сказала я. Он странно так посмотрел на меня и говорит: «Скоро ты пожалеешь, когда увидишь, как быстро это станет угодно Богу, к тебе придет большое горе. Да, — продолжал он, немного помолчав, — первый раз, что мне не удалась торговля, будет и последним, потому что ярмарки на моем веку больше не будет. Завтра меня похоронят».

Я хотела сказать ему, что все это чепуха, но вдруг вспомнила странные слова, которые он мне когда-то говорил: «Первый, кого предупредят о моей смерти, буду я сам», он это часто повторял. Я смотрю, он такой разбитый, что меня страх взял — видать, получил он свой знак. И я спросила, вся дрожа: «Что же с тобой произошло сегодня утром?»

«Клянусь Богом, — сказал он, — мы спускались к Шатолену, когда вдруг быки, которые до этого шли мирно по дороге, остановились и принялись шумно храпеть. Потом один говорит другому, на своем бычьем языке: „Нас ведут в Шатолен? “ — „Да, — отвечает другой, — но этим же вечером нас приведут обратно в Ла Плэн“. Я поставил их на ярмарочной площади. Люди начали крутиться вокруг них, каждый говорил: „Отличная парочка телков“, но никто не спрашивал цены. Так было весь день. Долго я старался унять свое нетерпение, но когда увидел, что ярмарка опустела и наступил вечер, я не смог удержаться от проклятий. По правде, в этот момент, думаю, я отдал бы моих быков задаром, если бы только нашел того, кто бы их взял. И когда черный с серым бык начал рыть копытом землю, я ударил его ногой в брюхо. А он взглянул на меня краешком глаза, печально, и говорит мне: „Уанн, через два часа станет темно, а через четыре вы будете мертвы. Вернемся поскорее на ферму: вам надо приготовиться к покаянию, а нам — к завтрашней работе, нам везти вас на кладбище“».

Вот что рассказал мой муж, — добавила хозяйка, — другой бы разозлился на быка, а он был человек умный и последовал его совету. Вот и скончался не в канаве у большой дороги,

словно животное, а в своем доме, при священнике и со Святыми Дарами, как добрый христианин.

— Упокой, Господи, его душу! — прошептали старушки.

Матушка перекрестилась и вернулась в кровать.

На следующий день быки потащили похоронные дроги в Бриё. Все это происходило незадолго до «Великой революции». Считают, что именно после нее быки больше не разговаривают, разве только в полночь накануне Рождества.

Булавки

Вы ведь знаете, что такое парадные чепцы, которые носят женщины в торжественных случаях в провинции Трегье и Коэло. И знаете, конечно, как загибают назад их концы — крылья, когда носят траур по кому-нибудь из родственников. Необходимо это представлять, чтобы понять вот такой знак.

Вот что случилось в одном доме в Ивиасе, лет сорок тому назад, в воскресенье на Пасху. Девушка из этого дома (ее звали Мария-Луиза) наряжалась к мессе. Она вытащила из шкафа свою самую красивую одежду, приготовленную для такого большого праздника, и один из самых нарядно расшитых своих катиолей — так здесь называются парадные чепцы. Некоторым женщинам, чтобы заколоть чепец, нужна помощница, а то и несколько. Мария-Луиза обычно справлялась сама, и мало было катиолей, которые так красиво держались на голове, как у нее. Так вот, тем утром она стояла перед зеркалом. Ее чепец был уже наполовину надет. Она очень гладко расчесала волосы надо лбом и уложила косы в донышко чепчика. Оставалось только сложить крылья чепца и заколоть их булавками. Она без труда соединила концы, у нее ведь были, как я сказала, ловкие руки. Но когда она взялась за булавки, то это уже была другая история. Она зажала булавки зубами, чтобы освободить руки. Обычно ей было достаточно одной булавки, чтобы прочно закрепить свой головной убор. Берет она одну булавку, и та выскальзывает у нее из пальцев. Она берет другую, вкалывает ее на нужное место... Динь!.. Булавка выскакивает, падает на пол с тихим звоном, а крылья чепца ложатся на плечи Марии-Луизы.

Мария-Луиза пытается заколоть их третьей булавкой, четвертой... двенадцатая пошла в ход. Напрасный труд. Такое впечатление, что булавки отказываются скреплять крылья чепца, а крылья чепца не желают быть заколотыми. Вот уже второй раз отзвонил колокол к мессе. Девушка боялась опоздать в церковь, а ведь это неприлично в пасхальный-то праздник. Раздосадованная, она решается наконец сделать то, чего никогда не делала, — позвать служанку, чтобы та помогла ей справиться с чепцом. Служанка приходит. Но она могла бы точно так же оставаться внизу и заниматься своей работой в кухне. Ей, как и хозяйке, не удалось закрепить булавки. Сколько их она воткнула в чепец, столько же дождем выпало оттуда. Вкалывая каждую булавку, она говорила: «Ну вот, на этот раз все». Мария-Луиза каждый раз со вздохом облегчения опускала руки, которыми она придерживала крылья чепца, а они тут же распадались.

— Еще булавку, еще!

Они уже кучей лежали у ног Марии-Луизы.

В третий раз раздался колокольный звон.

Мария-Луиза опоздала в церковь. Вечером она исповедовалась настоятелю, рассказав ему, что случилось. Настоятель сказал: «Запомните этот день».

Прошло немного времени, и девушка из Ивиаса узнала, что ее жених, служивший солдатом в Алжире, умер в то пасхальное воскресенье, около десяти часов утра.

Колыбель

Мария Гурью жила в деревне Мин-Ган (Белый Камень) недалеко от Пемполя. Муж ее рыбачил в Исландии. Тем вечером Мария Гурью легла спать, поставив колыбельку, где спал ее ребенок, на прикроватную скамью[13]. Она уже спала какое-то время, как вдруг сквозь сон ей послышался плач ребенка. Она открыла глаза, посмотрела.

Jésus — ma-Doué! Господи Боже! Комната была ярко освещена, и какой-то мужчина, склонившись над колыбелью, тихонько укачивал малыша, напевая ему вполголоса матросскую песенку.

— Вы кто? — воскликнула испуганная Мария.

Человек поднял голову. Жена Гурью узнала мужа.

— Как, ты вернулся?..

Он всего лишь месяц тому назад уехал.

Она заметила на его одежде струйки воды, сильно пахло морем.

— Осторожней, — сказала она, — малыш будет мокрым.

И она уже поставила ноги на пол и взялась за юбку, чтобы натянуть ее на себя. Но странный свет, наполнявший дом, внезапно погас. Мария на ощупь нашла спички, чиркнула и увидела, что мужа нет.

Больше ей не пришлось его увидеть. Первый же из промысловиков, вернувшийся из Исландии, сообщил ей, что корабль, на который нанялся ее муж, погиб со всем добром той ночью, когда она увидела Гурью, склонившегося над колыбелью сына.

Лицо на воде

Я была тогда очень молодая, но помню все так, точно это было вчера. Мне уже шестьдесят восемь стукнуло, а тогда было лет двенадцать. Меня взяли из милости пасти коров на ферму Коат-Без в приходе Керфентен. Тем утром послали меня со стадом на луг на берег Стера, где накануне убрали сено. Пока мои коровы щипали траву там и сям, я уселась на высокий бережок речки и, чтобы время скоротать, развлекалась, баламутя воду хлыстом, которым я обычно гнала коров.

Вдруг я вздрогнула. Передо мной, в воде, которая в этом месте была тихая и прозрачная, я увидела — ну вот так же четко, как сейчас вас вижу, — как отразились лицо и плечи моего хозяина. Я заметила даже, что он был мрачный. Я испугалась, что он меня будет ругать за то, что я здесь бездельничаю, и не осмелилась головы повернуть. Так прошло минуты три-четыре. В конце концов, удивленная тем, что меня не ругают и не бьют, — а хозяин славился тем, что был скор и на такое, — я собралась с духом и поднялась. Представьте мое изумление, когда я обнаружила, что на лугу, кроме меня и коров, никого нет. Так быстро исчезнуть хозяин не мог — разве что сквозь землю провалился! Но ни малейшего сомнения не было: это его лицо я только что видела в речной воде.

Весь остаток дня у меня из ума не шло это странное приключение.

Когда пал ночной туман, я с коровами вернулась домой. Первый, на кого я наткнулась, открывая ворота Коат-Без, был как раз мой хозяин. «Там он ничего не сказал, — подумала я, — так сейчас мне попадет».

Ничуть! Наоборот, он встретил меня, что-то весело говоря, вместе со мной погнал коров в стойло и показал — по-доброму, — как надо привязывать коров, с чем до этого я справлялась плохо. Видя его в такую благоприятную минуту — вот уж правда! — я разговорилась.

— Должно быть, очень жарко вам было сегодня днем, Жан Дерьен, когда вы шли на луг. Вы, наверное, тоже, как я, хотели смочить ноги в речке, это освежает.

— Что это ты рассказываешь? — удивился он. — Я не ходил на луга. Сегодня была

[13] Прикроватная скамья крепится к внешней стороне одной из стенок банк-тоссели — бретонской кровати.

ярмарка в Сен-Тремере, я только что оттуда.

Тут я заметила, что он одет в свою воскресную куртку.

— Ой, я думала... мне показалось... — растерянно забормотала я.

К счастью, в этот момент прогудел рожок к ужину.

За столом я не разжимала губ. Но в голове у меня была буря, уверяю вас.

Я улеглась спать в дальнем конце кухни вместе со старшей служанкой. Мы с нею спали на одной кровати. Когда мы укрылись одеялом, я обратилась к своей соседке: «Беда нависла над этим домом». И я ей рассказала, как все было. Она обозвала меня сумасшедшей, но я видела, что она забеспокоилась не меньше, чем я. Когда начало светать, еще до петухов, я услышала, что с другого конца кухни, где была хозяйская кровать, зовут старшую служанку. Я толкнула ее локтем, она вскочила. Через мгновение она вернулась, чтобы сообщить мне, что только что скончался Жан Дерьен. Он умер от удара.

Пруд

Жан Тремье из деревни Кергонь, что недалеко от Кемпера, всю неделю бывал работящим батраком, но как воскресенье, так это чудо, если он не засидится до поздней ночи за стаканчиком в корчме Пенара, в его приходе. Чаще всего приходилось ужинать без него. Иногда его еще ждали, когда уже и миски были вымыты, и молитва прочитана. Тогда Перина, его хозяйка, приказывала дочке Жозик: «Одень-ка плащ да иди за своим пьяницей-отцом, а то он, чего доброго, оставит свои ноги в кабаке или утопнет в пруду». Действительно, у дороги в старом брошенном карьере был пруд. Вот почему Жозик подчинялась всегда нехотя. Она заранее боялась, что ей придется идти мимо этой громадной ямы с водой, где, говорят, видели «ночных призраков» и откуда слышались «страшные звуки». Но все-таки она шла, потому что за недовольную гримасу мать могла ее и побить; и потом, она очень любила своего отца, он всегда был ласков с нею, и если ее посылали за ним, ей не нужно было его долго тянуть за куртку, чтобы заставить вернуться домой.

Ну так вот, в тот вечер луна светила ярко и пруд, обычно темный, блестел, как новая монета. Поэтому Жозик, вместо того чтобы, как обычно, отвернуться, когда шла мимо, взглянула в сторону воды. Она немало удивилась, увидев на том берегу пруда прачку, она стояла по колено в деревянном корыте и, засучив рукава, готовилась стирать белье. Девочка не различила ее лица; но, так как на ней был чепец и местная крестьянская одежда, Жозик решила, что это кто-то из нашего прихода. И она осмелилась окликнуть ее, как было заведено.

— Вы, кажется, стираете? — сказала она.

— Да, Жозик, — ответила женщина, назвав девочку по имени, словно она ее знала.

— Не очень-то подходящее время вы для этого нашли, — сказала девочка, еще больше успокоившись.

Женщина ответила:

— В нашем ремесле не выбирают.

— Срочная работа?

— Да, Жозик, это саван, в котором завтра похоронят того, за кем вы идете.

И, сказав это, женщина развернула перед нею покров, который становился все шире и шире, пока не закрыл собою весь пруд.

Жозик, обезумев от страха, со всех ног бросилась в село. Запыхавшись, она вбежала в лавчонку, куда, как она знала, отец обычно делал свой «последний заход», словно во время крестного хода. Она была уверена, что найдет отца мертвым; но совершенно успокоилась, увидев, что отец даже не был так пьян, как обычно. Поддерживая его, она потащила отца домой. Когда они подошли к воде, там уже не было ни прачки, ни покрова. Жозик подумала: «Это была какая-то соседка, ручаюсь. Ей не хотелось, чтобы видели, как она стирает в воскресенье, в такое время, она побоялась, что я ее узнаю, и стала говорить мне все эти

страшные вещи, чтобы я убежала». И поэтому Жозик ничего не сказала ни отцу, ни матери, тем более что та уже легла спать, когда они вернулись. И Жозик спокойно стала укладываться в постель, а ее пьяница-отец, как всегда, уселся в уголке возле очага, чтобы съесть свой ужин, заботливо оставленный ему в теплой печи... Что произошло потом? Бог его знает. Только Перина вдруг проснулась ночью и увидела, что мужа рядом нет. Она окликнула его сердито, думая, что он заснул, сидя на табуретке у огня. Но он не отвечал, и она встала, чтобы его растолкать. При свете лучины, которая продолжала гореть, она увидела, что он держит на коленях почти полную миску. Он и правда спал, но только таким сном, когда уже не хочется ни есть, ни пить — последним сном! *Doué da bardono d'an anaon!* Помилуй, Господи, его душу!

Затяжечка Жозона Бриана

Жозон Бриан жил тогда в Кермаркере. Я вам говорила, что ему было лет шестьдесят. У него водилась привычка после ужина и молитвы посидеть в уголочке у очага и хорошенько затянуться табачком. Тем вечером, когда он собрался набить свою трубку, он заметил не без досады, что в его кисете осталось табаку лишь несколько крошек.

Жена ему и говорит, с кровати, где она уже лежала:

— Оставь ты это, ради Бога, Жозон. Завтра выкуришь свою трубку с большим удовольствием.

— Не в моем возрасте менять привычки, — отвечает ей фермер.

— Подумай, все в доме уже спать улеглись.

— Тем хуже! Сам пойду в село за табаком.

Как сказал, так и сделал.

В село Пенвенан надо идти мимо Барр-ан-Еоль, а вы знаете, что это место плохое. Есть у нас поверье, что на перекрестке дорог припозднившихся людей подстерегает *groac'h* — старуха-колдунья. Многим она причиняла зло. Не доходя до этого места, Жозон Бриан на всякий случай снял сабо и пошел босиком, чтобы не привлечь внимания старухи.

Он уже миновал белый межевой камень, на котором обычно сидела колдунья из Барр-ан-Еоль, как увидел четырех мужчин, которые несли гроб.

«Что это за ночные похороны?» — подумал Жозон. Он сначала было хотел остановить носильщиков и спросить, но, поразмыслив, предпочел пропустить их, молча стоя у канавы.

В селе он застал торговца еще на ногах, купил у него табаку и вернулся домой. Возвращаясь, он снова прошел через Барр-ан-Еоль без помех. Гроак'х — колдунья, видно, была занята другими. Выйдя на вязовую аллею, которая вела от дороги к усадьбе Кермаркер, он слегка удивился, увидев, что ворота открыты; он был уверен, что, уходя в село, закрыл их за собою. Он всегда этого требовал от своих рабочих на ферме и сам никогда не упускал сделать из-за всякой живности — лошадей, коров, баранов, которых люди из Пенвенана слишком охотно пускали пастись в его владениях.

Он тихонько выбранился, свел друг с другом концы загородки и прочно скрепил их цепью. После этого он двинулся дальше по аллее, идя в глубокой тени от деревьев и думая о доброй затяжке табачку, которую он сейчас сделает у очага, протянув ноги к еще горячим угольям. Он воистину заслужил это!

Но, войдя во двор, он застыл от изумления. Гроб, с которым он только что встретился, стоял поперек двери, а четверо мужчин неподвижно застыли по обе стороны от него — по двое у каждого конца.

Жозон Бриан не был трусом. Он воевал во времена «Старого» Наполеона[14]. Он шагнул прямо к мужчинам.

---

14 «Старый» Наполеон *(брет., народн.)* — император Наполеон I (1769-1821).

— Вы ошиблись адресом, — сказал он им, — здесь никто не заказывал домовину.

— Тот, кто нас послал, никогда не ошибается! — в один голос ответили они. И казалось, что этот голос шел из земли мертвых.

— Ну это мы сейчас узнаем! — воскликнул Жозон Бриан.

Он перешагнул через гроб и открыл дверь. Но только он переступил порог, как вдруг споткнулся и испустил долгий вздох. Когда его подняли, вся кровь вытекла у него из носа. Он успел еще рассказать, что с ним случилось, и сообщить свои последние желания, лишь не успел сделать свою последнюю затяжечку. Говорят, что это ее он требует всякий раз, как дымит печь в Кермаркере.

Похороны

Мари Крек’хкадик, девушка лет пятнадцати-шестнадцати, прислуживала на ферме Кервезенн, в Бриё. Неподалеку от Кервезенна в одинокой хижине тихо угасал слепой старик, который по бретонским понятиям приходился Мари дядей, и она иногда ходила его навещать.

Однажды утром она возвращалась из Кемпера, куда каждый день возила молоко на ручной тележке. Дело было зимой, и уже почти стемнело. Вдруг прямо перед ней возник шарабан, которым правил знакомый ей крестьянин, ведя лошадь за уздечку. Она только и успела, что отступить к канаве со своей тележкой. Шарабан проехал мимо, и она увидела, что в нем лежит гроб. За шарабаном шел человек с крестом, за ним священник, ректор из Бриё, а за ними похоронный кортеж. Мари немало удивилась, увидев, что все это были самые близкие родственники ее дяди.

— Что это! Кажется, мой дядя скончался!

Она возвратилась в Кервезенн опечаленная и немного обиженная тем, что ее даже не известили о смерти старика, которого она очень любила.

Хозяйка, заметив ее огорчение, спросила:

— Что это с вами, Мари? Что-то случилось?

— Я только что увидела похороны дяди, а мне даже и не сообщили о его смерти.

Хозяйка рассмеялась.

— Вы, наверное, милая, во сне все увидели. Если бы ваш дядя умер, все в округе об этом знали бы.

— Хорошо бы, — ответила Мари, — только я сама хочу в этом убедиться!

И она бегом побежала к хижине.

Она нашла старика, как всегда, лежащим в закрытой кровати у очага. Правда, лицо у него пожелтело и он едва дышал. Одна из его дочерей, которая была там вместе с другими родственниками, предложила Мари провести вместе со всеми эту ночь у его постели, добавив, что, возможно, это будет его последняя ночь. Мари тут же села подле старика.

За день она сильно утомилась и через час или два задремала. Вдруг ей показалось, что что-то тяжелое стукнуло в дверь. Она сразу проснулась и увидела, что все остальные спят глубоким сном. Дверь между тем была открыта. И Мари увидела, как невидимые руки внесли и поставили на прикроватную скамью гроб. Замерев от страха, Мари сидела на своем месте, не издавая ни звука. Она даже зажмурилась. Но когда она перестала видеть, она услышала... она услышала, как таинственные руки роются в стружках, которые стелют под покойником в гробу, и в пеньке, которую ему обыкновенно кладут под голову вместо подушки. В это мгновение ее дядя испустил последний вздох.

На рассвете оказалось, что он уже холодный.

Потрясенная, Мари Крек’хкадик вернулась в Кервезенн, чтобы попросить у хозяйки разрешения пойти на похороны. Но хозяйка ответила, что клиенты в городе ждут их молока и что Мари всего лишь дальняя родственница покойного и она вполне исполнила свой долг, проведя ночь у его смертного одра. Бедная девушка должна была подчиниться. Взяв свою

тележку, она отправилась в Кемпер. И тут она встретила похоронную процессию — на этот раз настоящую, — и на том же самом повороте дороги! Боясь, что ее могут упрекнуть за то, что она не пришла, Мари бросилась в поле за открытую изгородь. Она ждала там, глядя через ветви утесника, росшего по склону, как удалялась процессия. Она уже собиралась покинуть свое укрытие, как вдруг застыла на месте, как пригвожденная: по дороге, шатаясь, шел старик с желтым, как воск, лицом. Это был ее дядя, ее слепой дядя, который следовал за собственными похоронами.

От ужаса Мари Крек'хкадик упала без чувств. Час спустя люди, шедшие через поле, нашли ее лежащей в придорожной канаве. Полумертвую, они принесли ее в Кервезенн.

Знамение обручальным кольцом

Мари Корник из Бреа вышла замуж за капитана дальнего плавания, которого любила всей душой. Но к несчастью, ремесло заставляло его жить подолгу вдали от нее. Мари Корник проводила дни и ночи в думах об отсутствующем муже. Как только он уходил в плавание, она закрывалась в доме и никого не хотела видеть, кроме своей матери, которая оставалась с нею, та даже журила ее иногда за слишком уж большую привязанность к мужу. Она все время повторяла: «Слишком любить — нехорошо, Мари. По крайней мере, наши предки так считали. Слишком много — стоит мало».

На что Мари тоже отвечала ей поговоркой: «Нет ничего лучшего на свете, чем любить и быть любимым».

Молодая женщина выходила из дому только по утрам, чтобы пойти в церковь, она регулярно посещала мессу и молилась Богу и Богородице и всем святым Бретани, прося вернуть мужа в Бреа живым и невредимым.

Сад, окружавший ее дом, примыкал к кладбищу. Она приказала сделать дверь в стене и стала ходить через кладбище из дому в церковь и из церкви домой, чтобы не проходить через поселок под взглядами любопытных кумушек.

Однажды ночью она внезапно проснулась. Ей показалось, что прозвонил колокол.

— Никак уже звонят к ранней мессе? — спросила она себя.

Комнату заливал неясный свет. Была зима, и Мари подумала, что это раннее утро, и давай скорее подниматься, одеваться и бегом в церковь. Войдя, она очень удивилась, что церковь полна народу, а еще больше тому, что мессу служил чужой священник. Мари наклонилась к уху своей соседки.

— Извините, что я вас беспокою, — сказала она, — почему такая торжественная служба? Я была на большой мессе в последнее воскресенье и проповедь внимательно слушала, но что-то не помню, чтобы объявляли о празднике на этой неделе...

Но соседка была так углублена в молитву, что Мари Корник не смогла добиться ответа.

Тут вдруг началось какое-то движение среди присутствующих. Это служка прокладывал себе путь в тесных рядах толпы. В одной руке он держал свою алебарду, в другой — медное блюдо. Протягивая его прямо к носу каждого, он жалостливо бормотал:

— На Анаон[15], подайте на Анаон, на помин грешных душ.

Монеты так и падали дождем в медную тарелку.

Мари Корник смотрела, как все ближе подходил к ней собиратель милостыни.

— Странно, — думала она, — я никого здесь не узнаю, даже служку. И что-то я не слышала, чтобы кто-то сменил Пипи Лора, в прошлое воскресенье это он нес алебарду... По правде, мне начинает казаться, что я сплю.

Едва она это подумала, как служка подошел к ней. Она быстро опустила руку в карман. Ужас! В спешке она забыла взять свой кошелек. Сборщик милостыни отчаянно тряс блюдо.

---

15 Anaon *(брет.)* — душа, обиталище душ, чистилище.

— На Анаон, подайте на Анаон, на помин бедных дорогих грешных душ! — восклицал он.

— Боже мой, — пробормотала Мари Корник, готовая провалиться сквозь землю от стыда, — у меня нет ни су при себе.

Тогда служка сказал ей сурово:

— На такую мессу не приходят без своего обола[16] для усопших душ.

Несчастная женщина вывернула свои карманы, чтоб показать, что они совсем пустые.

— Видите, у меня ни ломаного гроша!

— Но вы должны дать хоть что-нибудь, это необходимо!

— Но что, что я могу дать? — прошептала она из последних сил.

— У вас обручальное кольцо. Положите его на блюдо.

Мари не осмелилась сказать «нет». Она чувствовала, как все смотрят на нее. И она стянула свое венчальное кольцо с пальца. Но как только она положила его на блюдо, странная тоска сжала ее сердце. Она закрыла лицо руками и тихо заплакала. Сколько простояла она так — Мари не могла бы сказать.

...Тем временем пробило шесть часов. Священник церкви в Бреа, открывая входные двери, был сильно удивлен, увидев женщину, стоявшую на коленях у одной из колонн. Он тотчас узнал ее и, подойдя к ней, тронул за плечо:

— Что вы здесь делаете, Мари Корник?

— Я? Но... святой отец... я... слушаю мессу...

— Мессу?! Да вы хоть слышали, началась ли она?

Только тут Мари Корник огляделась вокруг. От многочисленной толпы, которая только что наполняла церковь, не осталось никого. От изумления она чуть не лишилась чувств. Священник добрыми словами приободрил ее.

— Мари, — сказал он ей, — расскажите мне, что произошло.

Она рассказала ему все, не пропуская ни одной детали. Когда она умолкла, священник сказал печально: «Ну что же, Мари, тот, кто лишил вас вашего обручального кольца, унес его недалеко». Говоря это, он прошел за балюстраду хора и стал подниматься по ступенькам к алтарю. Он приподнял покров. Кольцо лежало на престоле.

— Возьмите его, — сказал он, возвращая кольцо молодой женщине, — и идите домой. Как сильно вы любили, так горько вам придется и плакать.

Две недели спустя Мари Корник узнала, что она стала вдовой. Корабль, которым командовал ее муж, потерпел крушение у берегов Англии в ночь, когда она присутствовала на странной службе, в тот самый час, когда «служка мертвых» вынудил ее расстаться с обручальным кольцом.

ГЛАВА II
ПЕРЕД СМЕРТЬЮ

Как узнать о времени прихода смерти

Есть такое средство узнать, хотя бы приблизительно, время, когда человек должен умереть: надо опустить в воду какого-нибудь священного источника крест из ивовых прутиков. Если крест держится на воде, смерть не замедлит прийти, если он тонет — срок ее прихода еще далек: тем дальше, чем быстрее крест погрузится в воду.

* * *

---

[16] Обол — мелкая медная монета в Древней Греции и в Византии, символ скромной христианской милостыни.

В округе Сен-Жан-Тролимон (на мысу Каваль) был когда-то обычай нарезать и намазывать маслом столько кусочков хлеба, сколько человек в доме. Глава семьи брал эти кусочки, подбрасывал их в воздух один за другим, приговаривая каждый раз: «Этот для того-то... Этот для другого...» и так далее. И так, пока не будут названы все живущие в доме, в том числе и он сам. Каждый тогда наклонялся и поднимал свой кусочек. И горе тому, чей кусок падал маслом вниз: он мог быть уверен, что умрет в течение года.

* * *

В Плега-Герран, у проселочной дороги в Герлескен, есть источник, который называют Фентенан-Анку (Источник Смерти). Тому, кто хочет узнать о своей участи, достаточно прийти первой майской ночью и, как только пробьет полночь, наклониться над водой. Если ему суждено умереть скоро, то вместо своего живого лица он увидит в воде отражение головы скелета.

Действия, которые влекут за собою смерть

Беременная женщина не должна становиться крестной матерью. Она сама или ее ребенок умрут в течение года.

* * *

Когда новобранец уходит на целый год, если он обернется, чтобы взглянуть последний раз на шпиль колокольни или на трубу своего дома, то это знак того, что живым он их больше не увидит.

* * *

Люди, нашедшие клад, наслаждаются им недолго. Их участь, или, как говорят, «их планета», «планида», — умереть через год после сделанной находки.

Сокровище мертвеца

Хозяйка одной фермы в Плунеур-Ланверн, Мари-Жанна То, всякий раз, как она шла через свой палисадник, видела за изгородью со стороны дороги мужчину из окрестных мест, уже пять лет как умершего. Он делал ей рукой какие-то знаки, словно звал за собою куда-то. В один прекрасный день, потеряв терпение, она расхрабрилась и направилась к нему, спрашивая:

— Ну, что такое? Что вам от меня нужно?

Он сделал ей знак, чтобы она вышла за изгородь.

— Честное слово, — сказала она себе, — я хочу наконец выяснить, в чем дело.

И вот она пошла следом за мертвецом. Так он довел ее через пустошь к обрыву, где была большая скала. Встав на колени, мужчина принялся разгребать землю руками. Закончив, он обернулся к женщине и показал ей яму, которую он только что выкопал. Она наклонилась и увидела груду блестящих новеньких золотых монет. Никогда она не видела такого богатства. Пока она с восхищением и завистью смотрела на золото, мертвый исчез.

— Раз уж он открыл мне этот клад, то наверняка для того, чтобы я им воспользовалась, — решила Мари-Жанна То.

И, загребая горстями лежащие перед нею монеты, она наполнила ими свой фартук. Возвратившись домой, он высыпала их в ящик своего шкафа. И вот вечером она говорит мужу:

— Ты хотел новую лошадь, так теперь ты можешь купить четыре, нет, десять, даже

больше, потому что мы разбогатели.

— Это как? — спросил он, обрадовавшись.

И она рассказала все, что произошло. Но лицо фермера потемнело.

— Если ты дорожишь своей жизнью, быстро беги и положи деньги туда, где ты их взяла.

— Но почему?

— Потому что, если ты от них не избавишься, тебе суждено будет умереть в этот год.

Наутро она побежала на высокую ланду, чтобы положить золото на место. Но несколько дней спустя, когда ей понадобилось взять белье в шкафу, она услышала звон монет и с изумлением увидела, что сокровище мертвеца вернулось к ней.

— Этого-то я и боялся, — сказал муж. — Беги к священнику, может быть, он тебе что-то посоветует.

Но священник прервал ее, едва она произнесла первые слова.

— Я ничего не могу сделать для вас, — заявил он. — Вы освободили этого мертвого и теперь сами очень скоро должны будете занять его место. Так что приготовьтесь умереть по-христиански и распорядитесь, чтобы деньги положили вместе с вами в гроб. Только так вы спасетесь.

И на самом деле, она очень скоро скончалась, хотя совсем и не болела. И ее похоронили вместе с сокровищем мертвеца, чтобы оно больше никого не погубило.

Жизнь, которая уходит и возвращается вместе с морем

Мой отец был габарьером[17]. Изо дня в день он спускался на своей габаре вниз по реке Жоди до моря за морскими водорослями или за песком. Однажды вечером габара застряла в речном иле. Отец, несмотря на холод — дело было в декабре, — прыгнул в воду, чтобы освободить габару, и, вернувшись домой, свалился с лихорадкой, от которой он уже не избавился.

— Мне конец, — сказал он нам однажды утром. — Жить мне осталось не больше четырех дней.

Заметьте, что до этой беды он был мужчина крепкий, в самой поре. И то, что он должен умереть таким молодым, приводило его в отчаяние, особенно потому, что он знал, в какой бедности нас оставляет.

Были, однако, минуты, когда к нам возвращалась надежда, потому что к нему, казалось, возвращаются жизнь и румянец.

— Тебе лучше, Туаль? — спрашивала мать.

Тогда он усмехался печально.

— Это вода поднялась, Маривонна, — отвечал он, качая головой, — посмотришь, когда начнется отлив.

И правда. Жизнь приходила к нему и уходила, то сильнее, то слабее, вместе с приливом и отливом. Он говорил, чтобы мы этому не удивлялись, что это обычное дело для моряков, когда они, как он, собираются покинуть этот мир.

На заре четвертого дня, когда я принесла ему горячий суп, он спросил меня:

— Сегодня сильный прилив, да, Бетрис?

— Да, отец. А как ты узнал?

— Это оттого, что конец мой близок, дочка. Унеси суп, сегодня я ничего не буду есть.

У него слезы были на глазах, и я сама с трудом сдерживалась, чтобы не заплакать.

Подошла матушка:

— Я хотела этим утром пойти постирать, но, если я тебе нужна, я останусь.

---

[17] Габарьер — владелец и матрос небольшой речной баржи — габары.

— Нет, — ответил он, — иди стирай. Главное, вернись к полудню. Мне нужен только священник, и Бетрис сходит за ним, когда придет время.

Матушка, не возражая, ушла в прачечную и увела с собою моих младших братьев и сестер, чтобы они не шумели в доме. И я осталась одна возле больного. Время от времени он мне говорил:

— Бетрис, пойди посмотри, куда подошло море?

Поскольку наше жилище было в пятнадцати шагах от берега, мне надо было только открыть окно, чтобы увидеть, насколько высоко поднялась вода в реке. Я возвращалась к кровати и объявляла:

— Черный бакен в воде.

Или:

— Тина наполовину скрылась под водой.

Когда он услышал, что вода уже коснулась первых камней пристани, он сказал мне: «Пора идти за священником».

Я хотела подождать возвращения матери, но он не позволил. Я вернулась очень скоро, поскольку пробежала к Трогери, не останавливаясь передохнуть, и меньше чем через полчаса привела священника. Отец исповедовался, принял Святые Дары и попросил священника похлопотать за нас перед добрыми людьми из нашего прихода, когда его не будет. А потом добавил, почти весело:

— Вы можете сказать Янну Гамму, чтобы он начинал копать.

Янн Гамм был могильщиком в приходе.

Когда мать пришла с малышней из прачечной, отец сказал ей:

— Ну вот, Маривонна, священник только что ушел; все счета мои улажены.

И, обратясь ко мне:

— Прилив, должно быть, полный, Бетрис?

— Да, вода стоит очень высоко.

И правда, было слышно, как вода тихо плещет о высокий берег реки. Тогда отец сказал матери:

— Можешь предупредить соседей, пора начинать молитвы по умирающему.

Бедный наш дорогой человек, как замечательны были его смирение и набожность, голос его примешивался к голосам женщин, читавших молитвы. Но он становился все тише и тише. И все случилось, как он предсказал: с отливом жизнь его оборвалась.

Конец света

Рядом с Иль-Грандом (остров Большой) есть островок, по-французски его называют остров Кантон, по-бретонски — Энес-Агантон или Агатон. Там можно видеть два гранитных креста, поставленных в ста пятидесяти шагах друг от друга. Есть поверье, что каждые семь лет они приближаются друг к другу на длину ржаного зерна: когда они соприкоснутся, настанет конец мира.

* * *

Посреди большого пляжа Сен-Мишель-ан-Грев возвышается монолитный крест, врытый в песок, при каждом приливе его покрывает море. Его называют *Croaz al Lew-drez* (Крест в одной миле от Песчаного берега). Он уходит в землю каждые сто лет на длину пшеничного зерна. Когда он полностью исчезнет в песке, будет конец света.

* * *

В конце света появится Антихрист. Он родится от союза священника-расстриги и

доброй монахини.

Агония

Когда состояние больного оказывается безнадежным, все домашние становятся на колени возле его постели и начинают читать молитвы по умирающему.

Обычно не ждут ни последнего вздоха умирающего, ни даже пока он потеряет сознание, чтобы зажечь у его изголовья «святую свечу», и, как только начинается агония, этой свечой делают крест над его лицом. Говорят, это для того, чтобы помочь душе расстаться с телом.

* * *

Когда умирающему слишком трудно упокоиться, есть верное средство прекратить его агонию: нужно поднять его с постели и поставить его босые ноги на голую землю. Когда его снова поднимут и он потеряет связь с землей, силы, не отпускавшие его жизнь, иссякнут.

* * *

В области Гурен молиться за умирающего ходят в капеллу Сен-Мен, что стоит при дороге в Рудуайек. В капелле есть статуя святого Дибоана, его имя значит «Тот, кто излечивает от всякой болезни». Сначала идут к этой статуе поклониться и рассказать о беде. Потом отправляются к источнику святого, текущему в глубине долины. От источника-то и получают предсказание, знамение. Но для этого сначала нужно полностью вычерпать воду миской. После этого надо наклониться к тому отверстию в земле, где таится вода. Если, пробиваясь, она зашумит, значит, умирающий вот-вот скончается, если же, наоборот, вода изливается из земли бесшумно, значит, можно быть уверенным, что больной вернется к жизни.

Умирающий, которого причастил перед смертью мертвый священник

Ломм Гренн был поденщиком на ферме Керниз. В те времена часов не было ни у богатых, ни, тем более, у бедных. Ломм Гренн привык узнавать время, когда ему идти на работу, по цвету неба. Как только он видел, что оно светлеет, он поднимался, одевался и отправлялся в путь. Однажды ночью, проснувшись, он подумал, что уже светает, и быстро вскочил с постели.

Дело было зимой. Ломм вышел из дому совсем сонным. Идя по большой дороге, он повстречал священника с Дарами и с мальчиком из церковного хора, звонившим в колокольчик.

Проходя мимо Ломма, священник сказал ему:

— Следуйте за мною.

Нельзя не повиноваться священнику, несущему Дары умирающему. Ломм пошел следом за ним, с непокрытой головой, бормоча слова молитвы.

Священник и мальчик вошли в какой-то загон.

«Э, — подумал Ломм, — это, кажется, Трегло, кто- то здесь заболел, наверное, старик Гильше».

Это и в самом деле была усадьба Трегло, и действительно старик Гильше. Он лежал там на своей кровати и казался уже совсем неживым. Двое мужчин, сидевшие рядом с ним, по правде говоря, крепко спали. Они открыли глаза только тогда, когда священник стал причащать умирающего. Ломм, преклонивший колена на пороге дома, не мог удержаться,

чтобы про себя не осудить их.

Священник, закончив службу, перекрестился и обратился к старому Гильше:

— Добрый человек, я давно должен был вас причастить. Я это сделал. Теперь мы квиты.

Смысла этих слов Ломм Гренн не понял.

Тем временем священник собрался уходить.

— Идите на вашу работу, — сказал он поденщику. — Вы придете туда очень рано.

Когда Ломм пришел в Керниз, он и вправду увидел на ногах только одну служанку в кухне.

— Как вы сегодня рано! — сказала она ему. — Никто еще не вставал, и я даже огня не развела, чтобы приготовить похлебку.

— Тем лучше, — ответил Ломм, — по крайней мере, никто не скажет, что я лентяй.

И пока готовилась похлебка, он пошел задать корму лошадям. Когда он возвратился завтракать, он услышал, как один из сидевших за столом сказал:

— Слышали новость? Старик Гильше умер этой ночью без причастия.

— Но это не так! — вскричал Ломм. — Гильше умер, как подобает христианину, я сам был при нем, когда священник его причащал. Я видел, как он его благословил.

И Ломм стал рассказывать, как это было.

— Вот тебе раз! — воскликнул работник, который сообщил новость. — Да я только что встретил одного из тех, кто дежурил возле Гильше, их было двое, и они оба так крепко заснули, что даже не заметили, когда Гильше отдал Богу душу! Того, которого я встретил, зовут Ив Мене, он шел в село за крестом и очень боялся, что скажет ему теперь настоятель.

— Нет, я сам должен в этом разобраться, — прошептал Ломм Гренн, — пойду-ка я к священнику.

И он отправился к священнику домой.

Когда он закончил свою историю, настоятель церкви сказал:

— Могу только утверждать, что священник, за которым вы пошли, не из этого мира. Легкомыслие обоих дежуривших могло бы стать причиной вечного осуждения старика Гильше. Но у Бога всегда есть что-то в запасе, чтобы спасти человеческую душу.

Ломм Гренн вернулся к своей работе. Но с той поры он стал задумчивым и серьезным, почти печальным. Весной он умер.

Женщина и две собаки

Это произошло в те времена, когда полотно Нижней Бретани славилось больше всех других. И не было тогда ни в Пенвенане, ни в округе прядильщицы более искусной, чем Фан Ар Мерре из Крек'х-Авеля. По средам она ходила в Трегье продавать свою пряжу. Как-то однажды, во вторник, она подумала: «Завтра надо встать пораньше». И с этой мыслью легла спать.

Среди ночи она проснулась и очень удивилась, увидев, что было уже совсем светло. Она поспешила встать, оделась, бросила на плечи мешок с мотками пряжи и пустилась в путь.

Дойдя до подъема к Кроаз-ан-Брабант, она столкнулась с каким-то молодым мужчиной. Они обменялись своим «здравствуйте» и вместе дошли до придорожного креста.

Там мужчина взял Фан Ар Мерре за руку и сказал: «Остановимся здесь». Он оттеснил ее к обочине, к самому краю, и встал перед нею, словно хотел от чего-то защитить. И почти тут же Фан Ар Мерре услышала страшный шум. Никогда ей не доводилось слышать такого грохота. Можно было подумать, что в разных направлениях мчится целая сотня груженых телег.

Грохот становился все ближе и ближе. Фан дрожала всем телом. Но тем не менее она старалась увидеть, что это было такое.

Какая-то женщина мчалась по дороге, не переводя дыхания, так быстро, что концы ее чепца бились, словно крылья птицы. Ее босые ноги едва касались земли; как дождь, падали с них капли крови. Распущенные волосы разметались за спиной, она в отчаянии размахивала руками и страшно кричала. Это был крик, исполненный такой муки, что Фан Ар Мерре похолодела до кончиков ногтей. Женщину преследовали две собаки, казалось, они спорили, кому достанется ее сожрать. Одна из собак была белая, другая — черная. Это от них шел такой страшный грохот. На каждый их прыжок отзывалось чрево земли.

Женщина мчалась к кресту.

Фан Ар Мерре увидела, как она бросилась к ступеням распятия. В это мгновение черная собака успела схватить ее за подол юбки. Но женщина, рванувшись, обхватила обеими руками крест и вцепилась в него изо всех сил. Черная собака тотчас пропала, издав напоследок ужасный лай.

Белая собака осталась сидеть возле несчастной и принялась зализывать ее раны.

Молодой мужчина обернулся тогда к Фан Ар Мерре:

— Вот теперь вы можете продолжить ваш путь. Сейчас только полночь. Больше не пытайтесь увидеть то, что вы видели. Я не всегда рядом, чтобы вас прикрыть. Есть такие часы, когда нельзя быть на дороге. Когда придете в Кервену, войдите в тамошний дом, вы найдете в нем человека, готовящегося умереть. Проведите остаток ночи у его изголовья, читайте молитвы за него и не уходите оттуда до зари. А я — ваш ангел-хранитель.

ГЛАВА III
АНКУ

Анку — это рабочий смерти.

* * *

Человек, умерший последним в году в своем приходе, становится Анку этого прихода.

Анку представляют то как очень высокого, очень худого мужчину с длинными седыми волосами, с лицом в тени широкой шляпы, то как скелет в саване, с головой, которая все время вращается вокруг позвоночного столба, словно флюгер, чтобы Анку мог одним взглядом охватить всю местность, которую он обязан пройти.

* * *

Тот ли, этот ли, но в руке он держит косу. Она отличается от обычной косы тем, что острой стороной повернута наружу. Поэтому когда Анку «косит», он не тащит косу к себе, как это делают косцы и жнецы. Он ее бросает впереди себя.

Повозка Анку примерно такая же, как телеги, на которых в старину везли хоронить покойников. Обычно в нее впряжены цугом две лошади: передняя — тощая, изнуренная, едва держится на ногах, а коренная — сытая, с блестящей шерстью и хорошо тянет.

Анку стоит стоймя в повозке.

Его сопровождают два спутника, оба они идут пешком. Один ведет за узду головную лошадь. Другой обязан открывать заграждения на полях, ворота во дворы, двери домов. И он же грузит на повозку мертвых, которых «скосил» Анку.

Повозка смерти

Это было вечером, в июне, в погоду, когда лошадей на ночь отпускают пастись.

Один молодой мужчина из Тезелана вывел своих лошадей на луга. Когда он возвращался, посвистывая, — а ночь была светлая, взошла полная луна, — он услышал, как

навстречу ему по дороге едет повозка, ее плохо смазанная ось поскрипывала: *жик, жик!*

Он сразу понял, что это могла быть только повозка Анку.

— Вот и хорошо, — сказал он себе, — наконец-то я своими глазами увижу эту телегу, о которой столько говорят!

И он скатился в канаву и спрятался там в зарослях орешника. Оттуда он мог видеть все, оставаясь незамеченным.

Повозка приближалась.

Ее тащили три белые лошади, запряженные цугом. Повозку сопровождали двое мужчин, оба в черной одежде и в широкополых шляпах. Один из них вел под уздцы головную лошадь, другой стоял на передке телеги.

Когда телега поравнялась с зарослями орешника, где прятался молодой мужчина, тележная ось издала сухой треск.

— Стой! — сказал мужчина с телеги тому, кто вел лошадей. Тот крикнул: «Тпру!» — и повозка замерла на месте.

— Чека у оси сломалась, — заговорил Анку, — пойди вон в тот орешник, срежь ветку, чтобы заменить ее.

«Я пропал!» — подумал мужчина. Вот когда он пожалел о своем глупом любопытстве.

Однако наказание последовало не сразу. Возчик отрезал ветку, зачистил ее, вставил в ось, и лошади продолжили свой путь.

Мужчина мог вернуться к себе живым и невредимым. Но к утру его схватила какая-то неизвестная лихорадка, а на следующий день его похоронили.

Приключение Габа Луки

Габ Лука был поденщиком в Рюн-Рью. Каждый вечер он возвращался в Кердренкенн, где жил с женой и пятью ребятишками в самой бедной хижине этой нищей деревни. А все потому, что на прожитие своей семьи Габ ежедневно зарабатывал тяжким трудом не более десяти су. Однако это не мешало ему быть веселым и терпеливым. Хозяева Рюн-Рью очень его уважали. К концу недели они всегда приглашали провести с ними субботний вечерок, выпить стаканчик грога или сидра и закусить жареными каштанами. А как десять пробьет, все отправлялись по домам. Фермер вручал Габу его недельную плату, а хозяйка добавляла к ней какой-нибудь подарочек его домашним в Кердренкенне.

Как-то в субботний вечер хозяйка сказала Габу:

— Габ, я отложила для вас мешок картошки. Отнесите его от меня вашей жене Мадлене Денес.

Габ Лука поблагодарил ее, взвалил мешок на спину и отправился в дорогу, пожелав каждому доброй ночи.

Из Рюн-Рью в Кердренкенн три четверти лье пути. Габ сначала шел легко. Светила луна, и добрый стаканчик, который он выпил, согревал ему желудок. Он насвистывал какую-то бретонскую песенку, чтобы не скучать, с удовольствием представляя себе радость Мадлены Денес, когда она увидит этот замечательный мешок с картошкой. Завтра они наварят ее полный горшок, добавят к ней кусок сала, и вся семья получит славное угощение.

Так он прошел примерно четверть лье. Но тут действие стаканчика улетучилось, и Габ ощутил, как к нему возвращается усталость после тяжелого дня. Ему начало казаться, что мешок с картошкой слишком давит ему на плечи. Вскоре у него уже не стало сил насвистывать.

«Хоть бы какую-нибудь повозку встретить, — думал он, — да вот не везет мне».

Он подходил в это время к распятию на перекрестке Керантур, где от главной дороги отходит маленькая дорожка на Низилзи, ведущая к ферме с тем же названием.

«Слава Богу, — сказал себе Габ, — я хоть присяду на минутку на ступенях, дух переведу».

Он снял свой груз, сел рядом, размял брикет табаку и закурил свою трубку.

Вокруг далеко простирались поля, стояла тишина.

Вдруг в Низилзи завыли собаки.

«С чего это они так воют?» — подумал Габ Лука.

И тут он услышал грохот повозки по каменистой дорожке. Плохо смазанные оси скрипели: *жик-жак, жик-жак!*

«Ну, кажется, мое желание услышано, — сказал себе Габ, — должно быть, это с фермы едут за песком в Сен-Мишель-ан-Грев. Они довезут мешок до порога моего дома».

Тут показались лошади, а за ними и повозка. Они были ужасно тощими, изможденными, эти лошади. Ясное дело, это не были лошади из Низилзи, те всегда были гладкие, вычищенные. А повозка! — дно у нее было из нескольких разъехавшихся досок, а шаткие борта — из решета. Очень высокий человек — настоящий верзила, такой же тощий, как его лошади, правил этой жалкой повозкой. Широкая войлочная шляпа затеняла его лицо. Габ его не признал. Но все же окликнул:

— Приятель, не найдется ли местечка в твоей повозке для вот этого мешка? У меня спина просто трещит. Мне недалеко, только до Кердренкенна!

Возчик прошагал мимо, ничего не ответив. «Наверное, не расслышал, — сказал себе Габ, — эта ужасная повозка так гремит!»

Но Габ не мог пропустить такой удобный случай, он поспешил загасить свою трубку, сунул ее в карман куртки, схватил мешок с картошкой и побежал догонять повозку, ехавшую довольно быстро. Он таки догнал ее, забросил в нее мешок и выдохнул с облегчением. Но что это? Мешок выскользнул между досками днища и упал на землю.

— Да что это за повозка такая, — с досадой сказал Габ.

Он подобрал мешок и решил снова его забросить на повозку, теперь подальше. Но дно телеги оказалось чересчур непрочным, мешок вновь провалился, зацепив Габа, и они вместе покатились по земле.

Странная упряжка продолжала между тем двигаться своей дорогой. Ее таинственный возница даже головы не повернул.

Габ не стал их догонять. Когда они исчезли из виду, он в свою очередь тоже двинулся в сторону Кердренкенна и пришел туда полумертвый от страха.

— Что с тобой? — спросила его Мадлен Денес, видя его совсем разбитым.

Габ Лука рассказал ей, что с ним приключилось.

— Да все просто, — сказал ему на это жена. — Ты повстречался с Анку.

Габа бросило в жар.

На следующее утро он услышал, как в селе зазвонили церковные колокола. Хозяин Низилзи умер прошлой ночью, около десяти — половины одиннадцатого.

Видение Пьера Ле Рёна

Во времена, о которых я вам рассказываю, портных на селе было немного. Часто за нами приходили издалека. Да еще, чтобы нас заполучить, приходилось договариваться заранее, за несколько недель.

Я пообещал прийти поработать в Миниги, в трех лье от моего дома, на одной ферме, которая называлась Розвильенн.

Я тронулся в путь в воскресенье после обеда, сразу как закончилась вечерня в церкви, с тем чтобы прийти в Розвильенн к ужину. Меня попросили остаться на целую неделю. Я собирался начать работу с утра в понедельник.

— А, это вы, Пьер, — встретила меня Катрин Гамон, хозяйка, когда я вошел в кухню.

— Я, Катель... А что это я не вижу Марко, вашего мужа? Он что, еще не вернулся из села?

— Да он туда и не ходил... Вот уже две недели как слег и не шевелится.

И она показала на закрытую кровать у очага. Я подошел и, встав коленями на прикроватную скамью, раздвинул занавески. Старый Марко лежал неподвижно, вытянувшись во весь рост на постели. Лицо его было искажено болезнью. Я подумал про себя: «Лицо как у мертвого». Но я постарался улыбнуться и подбодрить его, как это обычно делают в подобных случаях.

— Эй, Марко, что это ты здесь делаешь? В твоем- то возрасте и с твоим характером!.. Так себе позволить свалиться, такой мужчина, крепкий как дуб!..

Он мне ответил что-то неразборчивое; он дышал с трудом, голос был такой слабый, что слов я не расслышал.

— Ну, как вы его нашли, Пьер? — спросила меня Катрин, когда я возвратился на свое место за столом рядом с работниками фермы.

— Э, — ответил я, — он, конечно, так себе, но у таких крепышей всегда найдутся какие-то силы в запасе.

Я не стал говорить, что у меня в уме мелькнуло, не желая пугать Катель. Отправляясь спать, я подумал: «Это конец!.. Не пройдет и недели... По правде сказать, Пьер, не сошьешь ты больше подштанников своему старому клиенту из Розвильенна».

С этими печальными мыслями я закутался в одеяло.

В Розвильенне со мной обращались не как с портным, а как с гостем. Вместо того чтобы уложить меня в кухне или на конюшне, как это часто было с моими собратьями, меня устраивали в лучшей комнате дома. Самая обширная комната еще тех времен, когда Розвильенн был замком, должно быть, служила залой. Узкая дверь, пробитая в стене башни, вела в кухню, а широкое и высокое старинное окно залы выходило во двор и раскрывалось от потолка до пола. Да, в этой комнате был пол, дубовый паркет, немного потертый, правда, запущенный, но вместе с остатками старинной живописи, проступающей кое-где на стенах, он придавал помещению благородный вид. Кровать была под балдахином и стояла напротив окна. Обычно, когда приходил час сказать всем «спокойной ночи», я останавливался на минутку на пороге комнаты и, прежде чем закрыть за собою дверь, говорил важным голосом обитателям Розвильенна, еще остававшимся в кухне:

— Приветствуйте маркиза де Наперсток-и-Игла, идущего в свою постель к мадам маркизе.

Эта простая шутка, или что-нибудь еще в этом роде, вызывала громкий хохот. И всякий раз утром, за ранним завтраком, у меня осведомлялись, как прошла ночь под балдахином. А я сочинял самые невероятные истории о визитах то Златовласой принцессы, то Среброрукой... Видите, что из всего этого получалось... И уверяю вас, никто там не грустил. Но в этот раз, как вы понимаете, и речи не было ни о принцессах, ни о маркизах. Тяжело было признаться самому себе, что близка та ночь, когда меня разбудят для того, чтобы присутствовать при последних минутах славного Марко. Он и вправду был хороший человек, Марко Гамон: услужливый, честный, отзывчивый. Я стал размышлять над всеми его добрыми качествами и не заметил, как заснул.

Сколько времени я проспал, не могу сказать. Только вдруг мне послышалось, что навощенный паркет скрипнул, словно кто-то передвигался по комнате. Я открыл глаза. Луна уже взошла. Было светло как днем. Я окинул взглядом комнату. Никого! Я хотел было снова нырнуть под одеяло, но почувствовал, как по плечам прошел холодок. Я взглянул на окно и увидел, что оно открыто. Я подумал, что забыл его закрыть перед сном. Подтянувшись к концу кровати, я уже было взялся рукой за створку, как вдруг там, во дворе, в двух шагах от меня, увидел человека, который шагал взад и вперед, заложив руки за спину, неспешным шагом, будто он кого-то ждал и прогуливался, чтобы скоротать время. Был он высокий, худой, лицо прикрыто широкой шляпой.

Посреди двора, возле колодца, стояла простая телега, запряженная двумя чахлыми лошадьми с такой длинной гривой, что она тянулась до земли и путалась в передних ногах. Сквозь редкие решетки бортов повозки свешивались изнутри ноги, руки, даже головы — человеческие головы, лица желтые, искаженные гримасами, отвратительные!

Нетрудно было догадаться, для какого мясника приготовлено это мясо! И поверьте, я рассказываю об этом дольше, чем я на это смотрел.

Бросив окно открытым, я вернулся в кровать на четвереньках: мне было очень страшно, как бы этот человек в шляпе меня не увидел и не услышал. Я зарылся в одеяло, но все-таки постарался устроить маленькую дырочку на уровне глаз, чтобы хоть что-то еще увидеть, сам оставаясь невидимым. Где-то в течение получаса человек в шляпе ходил туда-сюда мимо окна, отбрасывая каждый раз гигантскую тень на паркет.

Вдруг в самой комнате я снова различил звук шагов, которые недавно меня разбудили. Кто-то стал вырисовываться в проеме двери, ведущей в кухню. Он становился все больше и больше похожим на того, другого, на человека во дворе, только он был еще крупнее и еще более худой. Его голова не соответствовала телу, она была маленькой-маленькой и так крутилась во все стороны, что, казалось, в любую минуту могла отвалиться. Глаза его были не глаза, а две яркие свечки, горевшие в глубине черных дыр. Носа у него не было, а рот смеялся до ушей.

Я чувствовал, как у меня на висках выступают капли холодного пота и он струится между лопаток, по бедрам, по ногам до самых пяток. А волосы у меня на голове встали дыбом и застыли неподвижно, так что я бы, наверное, и назавтра мог ими пользоваться вместо иголок. Нет, никто не знает лучше меня, что такое ужас!

Но подождите!.. Это еще не все...

Человек с болтающейся головой задел, проходя, мою кровать, но тотчас же отошел к окну. И в этот момент кто-то другой вошел в комнату из кухни. Я его услышал раньше, чем увидел. Потому что он двигался с невероятным шумом. Можно было подумать, что у него на ногах слишком большие и слишком тяжелые сабо. Он тащил их по полу, спотыкался, они все время сталкивались, цеплялись друг за друга, одним словом, грохотали так, что — честное слово! — убежденный, что это идут за мною, и предпочитая смерть ужасу, который меня пожирал, я отбросил одеяло и выпрямился на моем ложе.

Человек в сабо тут же остановился, он был в трех шагах от моего изголовья. Я сразу его узнал. Это был Марко, наш бедный дорогой Марко.

Он бросил на меня отчаянный взгляд, поразивший мое сердце холодом, как ударом ножа. Потом испустил длинный и печальный вздох и внезапно отвернулся.

Все исчезло.

Створки окна с силой захлопнулись.

Еще несколько минут по каменистой дороге, вдалеке, раздавалось *жик-жак, жик-жак* погребальной повозки. Сомнений не было: Анку увозил Марко.

Я не решался больше оставаться один в зале и вышел в кухню. Катель сидела там у очага и дремала при слабом свете коптилки.

— Как там Марко? — спросил я у нее.

Она протерла глаза и прошептала:

— Я осталась посидеть возле него. Но, думаю, он спит, ему ничего не нужно.

— Посмотрим, — сказал я.

Мы вместе заглянули внутрь закрытой кровати. Действительно, Марко Гамону не нужно было ничего: он был мертв!.. Я закрыл ему глаза, прочитав в них тот же отчаянный взгляд, который он только что бросил на меня, проходя по зале.

Я уверен, что Марко Гамон, прежде чем уйти навеки, просил разрешить ему подойти к моей кровати, потому что ему нужно было что-то мне сказать. Я напрасно отпугнул его из-за своего ужаса. За это я виню себя больше всего. И можете мне поверить, мне, который видел Анку, как вижу я сейчас вас: умирать — очень страшно.

* * *

Анку точит свою косу с помощью человеческой кости.

Но иногда он заставляет править свое «железо» кузнецов, которые, ссылаясь на то, что

у них срочная работа, не страшатся разжигать огонь в кузне в субботу после полуночи. Но кузнец, который потрудился для Анку, после этого уже никому не сделает работу.

История кузнеца

Фанш ар Флок’х был кузнецом в Плумильо. Так как был он мастер образцовый, то работы у него всегда было больше, чем он мог выполнить. Вот почему как-то накануне Рождества он и говорит своей жене после ужина:

— Придется тебе в эту полночь идти с детьми к мессе одной. Мне еще осталось сделать пару колес, я обещал их отдать завтра утром обязательно, а когда я их закончу, то мне только до кровати добраться.

На что жена ему отвечает:

— Постарайся хотя бы, чтобы колокол к заутрене не застал тебя за работой.

— Ну, в это время у меня голова будет уже на подушке.

И, сказав это, он вернулся к своей наковальне, а жена стала собирать детей и сама собралась идти в церковь в село, которое находилось на расстоянии одного лье от кузни. Погода была ясная и холодная, с легким инеем. Когда вся команда тронулась в путь, Фанш пожелал им доброго праздника.

— Мы помолимся за тебя, — сказала ему жена, — а ты не забудь — не пропусти святой час.

— Нет, нет. Можешь быть спокойна.

И он с жаром принялся бить по железу, насвистывая какую-то песенку, как он обычно делал, всем сердцем отдаваясь работе. Время бежит быстро, когда работа спорится. Фанш ар Флок’х и не заметил, как оно пролетело. И потом, надо думать, звук его молота по наковальне помешал ему услышать далекий звон рождественских карильонов, хотя он специально открыл окна кузни. Во всяком случае, к заутрене прозвонили, а он все еще работал. Вдруг заскрипела дверь.

Удивившись, Фанш ар Флок’х замер с молотом в руках и посмотрел на входящего.

— Здравствуйте, — прозвучал скрипучий голос.

— Здравствуйте, — ответил Фанш.

И он всмотрелся в лицо вошедшего, но не смог различить его черт: низко опущенные широкие поля его войлочной шляпы бросали тень на лицо.

Был это человек высокий, немного сутулый, одетый по-старинному в куртку с длинными фалдами и в штаны, завязанные над коленями.

— Я увидел, что у вас свет горит, и вошел, мне нужно, чтобы вы сделали срочную работу.

— Фу ты, черт! — воскликнул Фанш. — Вы попали неудачно. Я должен еще закончить это колесо, и, как всякий добрый христианин, я не хочу, чтобы колокол к заутрене застал меня за работой.

— О! — сказал человек со странной усмешкой. — Уже четверть часа, как отзвонили к заутрене.

— Господи, это невозможно! — вскричал кузнец, роняя свой молот.

— Но это так, — подтвердил незнакомец. — Так что поработаете вы больше или меньше... К тому же то, о чем я прошу, вас задержит ненадолго: мне нужно только приклепать один гвоздь.

И, говоря это, он выдвинул широкую косу, которую до этого прятал за спиной, так что видна была только ее ручка, которую Фанш принял за палку.

— Видите, — продолжал он, — она немножко болтается: укрепите ее быстренько.

— Бог мой, ну конечно! Если только это, — отвечал Фанш, — то я сделаю.

К тому же человек говорил голосом властным, не допускающим отказа. Он сам положил косу на наковальню.

— Э, да она закреплена у вас в обратную сторону, ваша коса! — заметил кузнец. — Лезвие-то наружу! Что это за умелец делал вам такую работу?

— Об этом не беспокойтесь, — строго ответил человек. — Косы бывают разные. Оставьте ее как есть и только укрепите.

— Как вам угодно, — пробормотал Фанш ар Флок'х, ему не очень-то нравился тон, которым с ним говорил человек. И одним ударом он вбил другой гвоздь на место выпавшего.

— Теперь я должен вам заплатить, — сказал человек.

— О, об этом не стоит и говорить.

— Нет, всякая работа должна быть оплачена. Но я дам вам, Фанш ар Флок'х, не деньги, а то, что дороже серебра и золота: доброе предупреждение. Отправляйтесь спать и подумайте о вашей кончине. А когда вернется жена, прикажите ей снова отправиться в село и привести священника. Работа, которую вы только что сделали для меня, — это последнее дело в вашей жизни. *Kenavo!* Прощайте!

Человек с косой исчез. А Фанш ар Флок'х почувствовал, как у него подгибаются ноги: ему едва хватило сил добраться до постели, в которой, в предсмертном поту, нашла его жена.

— Возвращайся, — сказал он ей, — за священником.

И при первом крике петуха он отдал Богу душу, и это после того, как он починил косу Анку.

У Анку есть два главных помощника: Чума и Голод.

Тот, кто перенес Чуму на своих плечах

Один старик из Плестена повстречал ее однажды вечером на берегу Дурона. Она сидела на бережку и смотрела, как течет река. Пришла она из Ланмера, который опустошила, и собиралась дальше — в Ланньон.

— Эй, старина! — крикнула она. — Не будешь ли столь добр, не перенесешь ли меня на спине через реку? Я тебе хорошо заплачу.

Старик не был с нею знаком, но согласился.

Посадив ее на плечи, он вошел в воду. Но чем дальше он шел, тем тяжелее становилась его ноша. В конце концов, обессилев — а течение становилось все быстрее, — он сказал:

— Уж простите, добрая дама, но я вас здесь ссажу, я не хочу из-за вас утонуть.

— Умоляю, не делай этого. Лучше отнеси меня обратно туда, откуда забрал.

— Ладно.

И он пустился в обратный путь без особого труда, поскольку его ноша становилась все легче и легче, по мере того как приближался берег. Так Ланньон был избавлен от чумы.

* * *

В Плогоффе, на мысе Сизён, о приходе чумы рассказывают так:

В открытом море проходил корабль с громадными темными парусами. Когда он появился у долины

Парку-Брюк, люди увидели, как над ним поднялся длинный белый дым, похожий на призрак женщину. Он двигался к берегу, проходя через воздух и не касаясь воды. Это была Чума. В один день она опустошила весь край на три мили вокруг.

Ну а Голод, он, к несчастью, длится дольше, чем хлеб.

Смерть, приглашенная к столу

Это было во времена, когда богатые не были слишком горды и умели пользоваться своим богатством так, чтобы давать немного счастья беднякам. По правде, это было очень давно.

Лау ар Браз владел самым большим крестьянским хозяйством в Плейбер-Христос. Обычно у него на ферме закалывали свинью или резали корову по субботам. А на следующий день, в воскресенье, Лау отправлялся в село к утренней мессе. По окончании мессы секретарь мэрии со ступенек погоста произносил свою «проповедь»: читал собравшимся на площади новые законы или объявлял от имени нотариуса распродажи будущей недели.

— А теперь я, — кричал Лау, когда секретарь заканчивал со своими бумагами.

И Лау, как говорится, «всходил на крест»[18].

— Значит так! — начинал он. — Самый большой кабан Кереспера только что скончался от удара ножа. Я приглашаю вас на праздник кровяной колбасы. Большие и маленькие, молодые и старики, местные и пришлые — все приходите! Дом большой, мало будет дома — есть гумно, мало гумна — есть ток для молотьбы.

Вы понимаете, что когда Лау ар Браз появлялся у голгофы, послушать его собиралась целая толпа! Было кому ловить слова из его рта! Все так и осаждали ступени голгофы!

Так вот, было это в воскресенье, в конце мессы. Лау выкрикивал всем, кто слышит, свое ежегодное приглашение.

— Приходите все, — повторял он, — все приходите!

Видя эти головы, теснившиеся вокруг него, можно было подумать, что это куча яблок, больших красных яблок, так радость красила их лица.

— Не забудьте, в следующий вторник! — кричал Лау.

И все отвечали, как эхо:

— В следующий вторник!

Мертвые были здесь же, под землею. Все топтались по их могилам. Но кто в такие моменты об этом думает? Когда толпа стала расходиться, чей-то дрожащий голосок позвал Лау ар Браза:

— А я тоже могу прийти?

— Черт меня побери! — воскликнул Лау. — Раз я зову всех, значит, никто не будет лишним!

Радужная перспектива большой еды в Кереспере привела к тому, что многие напились уже в то же воскресенье, а другие начали пить с понедельника, чтобы лучше отпраздновать на следующий день кончину «принца» — так зовут свинью в Нижней Бретани.

Во вторник с утра бесконечная процессия двинулась к Кересперу. Самые проворные двигались на шарабанах; нищие на своих костылях тащились по боковым тропинкам.

Каждый уже занял свое место за столом перед полной тарелкой, когда вдруг появился запоздалый гость. Вид у него был самый жалкий. Его длинная одежда из ветхого полотна, вся в лохмотьях, прилипала к телу и пахла гнилью. Лау ар Браз вышел к нему и велел освободить гостю место.

Человек сел, но едва прикоснулся к еде, которую ему подали, только попробовал на зуб. Он не поднимал головы и, сколько ни старались соседи его разговорить, не раскрыл рта в течение всей трапезы. Никто не был с ним знаком. Старикам казалось, что у него лицо похоже на кого-то, кого они когда-то знали, только давно уже умершего.

Еда подошла к концу. Женщины стали выходить, чтобы поболтать между собою, мужчины — чтобы выкурить свою трубочку. Все были очень довольны.

---

[18] «Взойти на крест» — местное бретонское образное выражение, связанное с традицией делать какие-то объявления для сельской коммуны возле голгофы — гранитного распятия, окруженного фигурами Священного Писания, — которая стоит на небольшой площади перед церковью в бретонских деревнях. Возле голгофы священник произносит проповеди, а местные власти делают объявления жителям села, это своего рода центр духовной и общественной жизни сельской общины.

Лау встал у порога гумна, где проходил пир, чтобы принимать *тругаре,* спасибо, от своих гостей. Многие шли пошатываясь и что-то бормоча. Лау всем пожимал руку. Он любил, чтобы от него все уходили сытыми по горло.

— Отлично, — говорил он, — сегодня в канавах по дороге от Кереспера мочи будет больше, чем ручьев.

Он был доволен собою, своими поварами, своими бочками с сидром и своими гостями. Вдруг он заметил, что кто-то еще остается за столом. Этот был человек в ветхом рубище.

— Не торопись, — сказал Лау, подойдя к нему, — ты пришел последним, по справедливости и уйти должен последним... Только смотри не засни перед пустой тарелкой и пустым стаканом.

Человек, и правда, перевернул тарелку и стакан. Услышав слова Лау, он медленно поднял голову. И Лау увидел, что это голова мертвеца.

Человек поднялся на ноги, тряхнул своими лохмотьями, они осыпались на землю, и Лау заметил на каждом из них кусочек гнилой плоти. Запах, шедший от них, и страх перехватили Лау горло. Он задержал дыхание, чтобы не задохнуться, и спросил мертвеца:

— Что ты от меня хочешь?

Скелет, все кости которого теперь обнажились, словно ветви, сбросившие листву, приблизился к Лау и, положив ему на плечо руку без плоти, сказал:

— *Тругаре,* Лау! Когда я тебя спросил на кладбище, могу ли я прийти, ты мне ответил, что никто не будет лишним. Слишком поздно ты решил узнать, кто я такой. А зовут меня Анку. Раз ты был так любезен, что пригласил меня, как и всех других, я тоже хочу поступить с тобой по-дружески и предупредить тебя: тебе осталось не более восьми дней, чтобы привести все свои дела в порядок. Через восемь дней я проеду здесь на своей повозке, и будешь ты готов или нет, но моя работа в том, чтобы тебя забрать. Итак, до следующего вторника. Угощение, которое я тебе приготовлю, будет хуже твоего, но компания будет больше.

При этих словах Анку исчез.

Лау ар Браз за неделю разделил свое добро между детьми; в понедельник позвал священника из Плейбер-Христос, исповедовался и причастился; а во вторник вечером он умер.

Своей щедростью он заслужил добрую смерть!

Да будет так с каждым из нас!

Дорога Смерти

Раньше в село из окрестных ферм, которые находятся далеко в полях, вели только плохонькие дорожки, которые называли кроличьими.

Зимой, когда эти дороги размывались дождями, в путь пускались прямо через соседнее поле. Вот откуда в бретонской провинции столько тропинок вдоль старых дорог. И столько изгородей с каменными ступеньками, выбитыми в придорожных откосах, чтобы легче было перебраться через дорожку. Позднее были проложены дороги получше, и старые были заброшены живущими здесь людьми. Но мертвые — то есть погребальные процессии — продолжали пользоваться старыми. Считалось кощунством проводить человека к его последнему жилищу иной дорогой, чем провожали его отца, деда, прадеда, прапрадеда и всех его предков с незапамятных времен. Эти дороги, по которым ныне идут только похороны, получили имя дорог Смерти.

И горе хозяину, который по незнанию вздумает запретить проезд по этим священным дорогам через его земли.

* * *

На полуострове Крозон дорога Смерти зовется *hent corf* — Дорога тела. По традиции по ней нельзя бежать, там нельзя кричать и вообще совершать какие-нибудь неприличия.

* * *

Тогда я только что арендовал под ферму хозяйство Керлан в Пенаре, было это уже почти тридцать лет тому назад. Один из лугов хозяйства был сплошь болота и трясины. Его пересекала колесная дорога.

Я огородил луг, чтобы моя скотина туда не забредала и не тонула в вязкой почве. А на обоих выходах дороги поставил загородки.

Как-то утром, когда я был на полях, я с удивлением увидел, как перед одной из загородок остановилась похоронная процессия. Я побежал к изгороди.

— Что вам нужно? — спросил я мужчину, правившего погребальной повозкой.

— Проехать, черт возьми! По какому праву ты перегородил дорогу Смерти?

— Несчастный, да если ты въедешь с твоей повозкой на этот луг, ты не выберешься оттуда!

— Да здесь всегда наши умершие ехали на кладбище! И будут здесь ездить и дальше, нравится тебе это или нет!

Момент для спора был неподходящий. Я распорядился поднять барьер, но решил его тотчас поставить на место и сделать надпись, запрещающую отныне проезд через этот опасный луг. Но когда вечером я рассказал все это жене и нашим соседям, все закричали в один голос:

— Ты что вздумал? Закрыть дорогу Смерти! Да у нас в доме не будет ни одной спокойной ночи! Мертвые, которым ты помешаешь проехать по посвященной им дороге, будут являться и вытаскивать нас из постелей, катать нас по земле и устраивать тысячи неприятностей. Не дай тебе Бог совершить подобное святотатство!

Я должен был смириться. Загородки исчезли окончательно. Я заменил их тонкими стенками, которые легко можно было снять и снова поставить.

Вот на этих-то старых дорожках, которые зовут *дорогами Смерти* , и можно повстречать повозку Анку.

На дороге Анку

Однажды воскресным вечером я подзадержался в селе. Вернувшись к себе домой, я застал жену и служанку полумертвыми от страха. У них были такие перекошенные лица, что я и сам испугался. Было очевидно, что, пока меня не было, случилось какое- то несчастье. У меня в это время рос отличный жеребенок, и моей первой мыслью было, что он сломал ногу. Увидев безмолвных, оцепеневших женщин, я воскликнул:

— Да что случилось, в конце концов, говорите же!

Жена наконец раскрыла рот:

— Ты ничего не встретил на дороге? — спросила она прерывающимся голосом.

— Нет, ничего, а что такое?

— Ты не видел старой повозки на дороге Смерти?

— Да нет, ей-богу!

— Мы тоже ее не видели, но, клянусь тебе, мы ее слышали! Лошади храпели, как ветер в бурю... Оси скрипели так, что в ушах резало... В какой-то момент упряжка стала топтаться на месте, словно не могла взобраться на косогор. Ох! Как стучали копыта по земле! Словно молот по наковальне... Шум стоял минут пять или шесть, а потом все сразу умолкло. Служанка Мари и я от ужаса не сводили глаз друг с друга. Не знаю, как мы обе не помешались...

— Да вы и вправду помешанные! Да можно ли так пугаться проезжающей телеги?

— О, это была необычная телега... Прежде всего, по этой дороге рискуют проезжать только погребальные дроги, а в округе никто не умирал.

— Так что ж?

— Можешь пожимать плечами, как хочешь. Говорю тебе, это повозка Анку проехала по нашим землям.

Я не стал слушать жену и вышел взглянуть на хлев.

Вернувшись, я застал в кухне одного из наших ближайших соседей. У него был удрученный вид. Я уже собирался спросить его, что случилось, как жена мне сказала:

— Надеюсь, ты больше не будешь смеяться надо мной, Рене. Вот Жан-Мари нам только что сообщил, что внезапно скончалась его старшая дочь, и он просит меня посидеть ночь у тела покойницы.

Естественно, я не нашелся что ответить.

Перегороженная дорога

Трое молодых людей, три брата Гиссуарн из деревни Энес в Гайаке, возвращались после зимних работ с далекой фермы. Им нужно было какое-то время идти по старой королевской дороге из Генкампа в Карэ. Ночь была сухая и светлая, лунная, но очень ветреная. Наши парни, разгоряченные сидром, распевали во все горло, развлекаясь тем, как их голоса перекрывают ветер.

Вдруг они увидели что-то черное на краю придорожной канавы. Это был старый высохший дубовый кол, вырванный ветром из изгороди. Ивон Гиссуарн, самый младший из трех братьев, очень любивший всякие проказы, сразу придумал розыгрыш.

— Давайте, — предложил он, — положим этот кол поперек дороги, и ручаюсь, если появится какой-нибудь возница, ему придется слезть с телеги и перенести его, чтобы проехать.

И они приволокли дубовый кол, оставив его поперек дороги. И, очень довольные своей шуткой, отправились к себе домой. Чтобы быть поближе к лошадям, за которыми смотрели, они спали прямо в яслях на конюшне. Так как они пришли поздно, да и устали после целого дня работы, им не много понадобилось времени, чтобы заснуть. Но вдруг, среди глубокой ночи они разом проснулись оттого, что кто-то с грохотом стучал в ворота конюшни.

— Что такое, кто там? — спрашивали они, вскакивая с постелей.

Стук раздался снова, но никто не ответил.

Тогда старший из Гиссуарнов подбежал к воротам и распахнул их. Но он увидел только светлую ночь и услышал сильный шум ветра. Он попробовал закрыть дверь, но не смог. И даже все вместе, втроем, братья не смогли это сделать. Тогда ужас охватил их, и они заговорили умоляющим голосом:

— Ради Бога, ответьте! Кто вы, что вам нужно?

Никого не было видно, но раздался глухой голос:

— Кто я, узнаете по себе, если сейчас же не вернете в изгородь кол, которым перегородили дорогу. Вот что мне нужно. Все. Отправляйтесь.

Они побежали, как были, полуодетые, — потом братья признавались, что даже не почувствовали холода, такой ужас ими владел. Прибежав на то место, где лежал кол, они увидели странную повозку, на низких колесах, с четырьмя лошадьми без упряжи, которая стояла в ожидании, когда освободится дорога. Поверьте, они мгновенно оттащили дубовую перекладину на то место, откуда они ее приволокли. И Анку — а это был он — тронул своих лошадей, сказав:

— Из-за того что вы загородили дорогу, я потерял целый час: этот час каждый из вас будет мне должен. А если бы вы не повиновались сразу моему требованию, вы мне были бы должны столько лет вашей жизни, сколько минут дерево пролежало бы поперек моей дороги.

Новые дома и смерть

Никогда нельзя входить в только что построенный дом первым, впереди себя надо туда пустить какое-нибудь домашнее животное — собаку, курицу или кошку.

* * *

Когда строят дом, последней кладут ступеньку порога, на которую может присесть Анку, чтобы встретить первого, кто ее переступит. Есть только одно средство, чтобы он ушел: дать ему в качестве платы жизнь любого животного, достаточно даже яйца, лишь бы оно было насиженное. В области Кемперле режут петуха и его кровью орошают фундамент.

* * *

Фюлюпик ан Тоэр, кровельщик из Плузеламбра, однажды вечером заканчивал крыть соломой новый дом одного скромного фермера из общины, который собирался поселиться в нем к будущему Дню святого Михаила.

Закончив работу, Фюлюпик спустился с лестницы и снял ее, чтобы положить в доме вместе с другими инструментами, как он делал это обычно, перед тем как отправиться к себе домой. Но, открывая дверь, он с удивлением заметил тень человека, стоявшего в коридоре, отделявшем кухню от комнаты, куда он складывал инструменты.

— Кто там? — спросил он, ощутив холодок на спине, — он твердо знал, что днем ни одного живого существа поблизости не показывалось.

Тень не отвечала и не двигалась. Тогда Фюлюпик повторил:

— Кто там?

В ответ — молчание.

«Клянусь Богом, — сказал себе Фюлюпик, — он явно не хочет со мной говорить. Однако это не вор, здесь нет ничего, кроме крыши и стен, отсюда нечего вынести. Попробую окликнуть его в третий раз. Если он будет так же упорно молчать, тем хуже, я ткну его в живот моей лестницей, может, это ему разом откроет рот».

И Фюлюпик произнес в третий раз:

— Кто там?

На этот раз таинственный мужчина поднял голову, которую до этого он упрямо держал низко опущенной, и глухим, словно из-под земли, голосом произнес:

— Твой хозяин и всем хозяин, раз уж ты так хочешь это знать.

Желание Фюлюпика было более чем удовлетворено. На лице человека на месте глаз и носа была пустота, нижняя челюсть болталась. Кровельщик не спрашивал других объяснений и бросился бежать со всех ног: он узнал Анку.

Баллада об Анку

Старые и молодые, следуйте моему совету.
Предостеречь вас — мое намерение;
Так как кончина приближается с каждым днем,
Что одному, то и другому.

— Кто ты? — говорит Адам. — При виде тебя мне страшно.
Ужасна твоя худоба;

И на палец толщиной нет плоти на твоих костях!

— Это я, Анку, дружище! Я тот, кто вонзит лезвие в твое сердце;
Я тот, кто сделает твою кровь ледяной,
Как металл или камень!

— Я богат в этом мире;
Добра у меня неисчислимо;
Если ты меня пощадишь,
Я дам тебе все, что ты захочешь.
— Если бы я хотел слушать людей,
Принять от них плату,
Пусть всего лишь по полденье с каждого,
Я купался бы в богатстве!
Но я не приму даже булавки,
И не пощажу никого из христиан,
Ни даже Иисуса, ни Святую Деву,
Я и к ним не знаю пощады.

Некогда «древние праотцы» жили по девять сотен лет.
И все же, как видишь, они мертвы,
Все до последнего — и очень давно!
Господин святой Иоанн, друг Господа;
И отец его Иаков, тоже Господень друг;
Моисей, безгрешный вождь;
Всех их я поразил своим острием!

Ни Папе, ни кардиналу нет пощады;
Ни одному из властителей,
Ни королю, ни королеве,
Ни принцам, ни принцессам,
Ни архиепископам, ни епископам, ни патерам,
Ни благородным дворянам, ни горожанам,
Ни ремесленникам, ни купцам,
И пахарям тоже.
Есть молодые люди в этом мире,
Они думают, что они сильные и ловкие;
Если бы они повстречались со мною,
Они вступили бы со мною в борьбу.
Но не обольщайся, друг!
Я — самый близкий твой спутник,
Я — Анку, которого нельзя купить!
Который невидимо всегда присутствует среди людей,
С вершины Менеза[19] одним выстрелом
Я убиваю пять тысяч человек разом!

---

[19] Менез, Менез-Ом — гора на западе Бретани на полустрове Крозон, завершающая массив Черных гор, одна из главных сакральных вершин Бретани.

ГЛАВА IV
ПРИТВОРНАЯ СМЕРТЬ

Опасно притворяться мертвым

Когда-то в коллеже города Трегье были взрослые ученики, некоторым было двадцать два и даже двадцать пять. Это были молодые крестьяне, которым начать учебу пришлось поздно. Хотя они и предназначались к духовной службе, они нередко предавались довольно-таки грубым шуткам.

Однажды в семинарию поступил молодой человек, хилый и слабый, а ум у него был не крепче, чем тело. Он был, как выражаются у нас, «слабоват умишком», глуповат, попросту говоря. Его родители решили, что благодаря своей «простоте» он как раз и станет хорошим священником, и изо всех сил тянули его, чтобы только он учился в коллеже. Бедняга не замедлил сделаться предметом насмешек своих товарищей. Не было такой злой шутки, какую они бы над ним не сыграли. А он к тому же был душа беззлобная и добродушно делал все, что от него требовали.

В то время — не знаю, так ли это сейчас — старшие ученики коллежа имели комнаты, где они жили по двое или по трое. За это их называли шамбристами[20].

Наш «агнец» делил комнату с Жаном Козом из Педернека и Шарлем Глауйе из Прата.

Однажды, когда Антон Легаре — так звали простака — остался молиться в капелле, Шарль Глауйе сказал Жану Козу:

— Если хочешь, можем развлечься с этим идиотом.

— А как?

— Вытащи свои простыни, и мы их повесим — одну в головах, а другую в ногах моей кровати, чтобы получилась «белая часовня»[21]. Я лягу, и, когда Легаре войдет, ты ему объявишь со слезами на глазах, что я умер. Ты сделаешь вид, что молился возле меня до самого его прихода, и попросишь сменить тебя. Ты знаешь, какой он покорный. Его не нужно будет уговаривать. А ты, выходя, постарайся оставить дверь полуоткрытой. И позови ребят из соседних комнат к тебе в коридор. Я вам обещаю потрясающее зрелище. И пусть я лопну, если после такой ночи Легаре хоть раз согласится молиться у ложа покойника.

— Здорово! — воскликнул Жан Коз. — Только ты можешь придумать такое!

И вот они принялись за работу. В мгновение ока простыни были подвязаны к потолку, одно полотенце положено на ночной столик, другое, на которое студенты обычно выкладывали свое мыло, укрыло святую воду. Рядом шандал с зажженными свечами. Короче, весь погребальный обиход, и рядом, на кровати, Шарль Глауйе, вытянувшись, со сложенными руками и полузакрытыми глазами — ни дать ни взять покойник.

...Когда Антон Легаре вошел, он немало удивился, увидев Жана Коза на коленях среди комнаты, читающим «Де профундис»[22].

— Что такое? — спросил он.

— Наш бедный Шарль отдал Богу душу, — ответил Жан Коз тихим и печальным голосом.

— Шарль Глауйе?! Но он только что был здоров!

---

[20] Шамбрист — местн., от *фр.* chambre — комната.

[21] «Белая часовня» — погребальный балдахин над постелью усопшего, по бретонскому обычаю.

[22] «Де профундис («De profundis» *лат.)* — первая строка псалма Давида «De profundis clamavi ad te, Domine!» («Из глубины воззвах к Тебе, Господи!»).

— Смерть разит нежданно. Вот уже два часа, как я молюсь возле него. Я должен был сам его обрядить. Я без сил от усталости и горя. Вы тоже, как и я, его собрат-шамбрист. Я вам буду очень благодарен, если вы смените меня возле его смертного ложа, а я отпущу вас, как только немного отдохну.

— Идите, отдохните, — прошептал простак.

И он опустился на колени, на кирпичный пол, на то место, которое только что покинул Жан Коз. Достав молитвенник из кармана, он принялся читать все молитвы, какие полагается в этом случае. Время от времени он останавливался, чтобы снять нагар со свечи, обрызгать тело так называемой святой водой и бросить укромный взгляд на товарища, которого Господь призвал к себе. Поскольку, наверное, впервые Антон-простак оказался лицом к лицу с умершим.

Он был так занят тем, чтобы достойно исполнить свою обязанность при покойнике, что даже не слышал шушуканья в нескольких шагах от него за полуприкрытой дверью.

Там собралась вся банда однокашников, чьи комнаты выходили в коридор, взгляды всех были «на изготовку»; они только и ждали развлечения, шутовства, обещанного Жаном Козом от имени Шарля Глауйе.

Ждали они долго. Отзвонили один за другим ночные часы. Раздался полночный бой. Постепенно ими стало овладевать нетерпение, смешанное со страхом. Один из студентов сказал:

— Глауйе не шевелится. А что, если он и вправду умер!..

Услышав это, почти все тут же разбежались. Остались только самые смелые.

— Войдем, надо посмотреть! — произнес Жан Коз. — Может, Глауйе вздумал разыграть всех, а не только Антона Легаре. Он на все способен.

И все разом вошли в комнату. Но, сделав первый шаг, «будущие отцы» застыли, пригвожденные к месту ужасом. Лицо Глауйе было желтым, как воск, глаза раскрыты и неподвижны. Дыхание Анку погасило его взгляд. Душа, ускользая, раздвинула губы. Между белыми зубами виднелась только открытая дыра, черная и зловещая глубина.

— Несчастный! — воскликнули в один голос студенты. — Он мертв, он на самом деле мертв!

— Разве Жан Коз вам этого не сказал? — спокойно спросил «идиот».

Кто шутит со смертью, находит то, о чем говорит

Лиза Розтренн из поместья Кервену была самая хорошенькая молодая крестьянка во всем приходе Фауэ, а может, и во всех окрестных приходах.

Она была помолвлена уже несколько месяцев с Лоллом ар Бризом, молодым человеком из Плуриво, который раз в неделю, по воскресеньям, приходил ее навестить.

Характером Лиза Розтренн была веселая, шутница, Лолл любил ее слишком серьезно, на мой взгляд; вот почему она частенько подшучивала над ним, каких только проказ не устраивала.

Была в Кервену одна служаночка, проказница, ну разве капельку поменьше, чем Лиза. Она помогала своей хозяйке поддразнивать беднягу Лолла. Когда тот приходил утром по воскресеньям в усадьбу, Лиза редко его встречала. Служаночка объясняла влюбленному, почему нет его нареченной, рассказывая ему самые невероятные истории. А Лиза попросту пряталась то на чердаке, то за копной соломы во дворе. И когда разочарованный Лолл уже собирался в обратный путь в Плуриво, она внезапно появлялась. И обе шутницы хохотали без конца. Лолл потихоньку тоже начинал посмеиваться над собою, хотя и упрекал свою любимую в том, что она тратит на детские забавы время, когда они могли бы побыть вдвоем.

Но Лиза была неисправима.

Однажды субботним вечером она сказала своей приятельнице, которая ночевала с нею вместе:

— Как бы нам завтра разыграть Лолла ар Бриза?

— Эх, изобрести бы что-нибудь новенькое, — ответила девушка, — а то уж старых шуток не осталось.

— Вот и я так думаю. Послушай, Анни, — (так звали младшую служанку), — мне пришла одна идея. Хотелось бы видеть, так ли меня любит Лолл, как говорит. Когда он завтра придет и спросит тебя, где я, скажи ему с печальным лицом: «Увы, он ушла к Богу, вы больше никогда не увидите ее в этом мире».

— Вы притворитесь мертвой, Лиза?

— Именно так.

— Говорят, что это приносит несчастье.

— Да это всего лишь шутка... Просто чтобы посмотреть, будет ли горевать Лолл, когда поймет, что меня больше нет.

— Ну ладно, — решилась Анни.

И полночи они придумывали, как проделать такую шутку.

Едва взошло солнце, обе наши глупышки поспешили на раннюю службу, — они так делали всегда с тех пор, как Лоллу ар Бризу было позволено ухаживать за Лизой: так он мог побыть наедине со своей суженой, пока все на ферме уходили в село к обедне. Когда во второй раз зазвонил колокол, старики- родители, слуги, привратник — все люди с фермы отправились в Фауэ на большую мессу. В усадьбе остались только Лиза и молодая служанка. Это было как раз то время, в которое Лолл приходил на ферму к Лизе.

Как только девушки увидели, что они остались одни, они поспешили осуществить то, что задумали ночью. Лиза Розтренн улеглась на кухонном столе, головой на буханку хлеба, которая, по обычаю, лежала у края стола, возле окна, — Лиза завернула ее в чистую салфетку, вынутую тем же утром из шкафа. Тело Лизы служанка укрыла простыней. А сама уселась на узкую скамью, идущую вдоль мебели, как это принято на всех бретонских фермах.

Третий раз зазвонили колокола к воскресной мессе. Едва затих последний звук, как в открытых дверях появился Лолл ар Бриз.

— Доброго вам утра, Анни. А где Лиза, ваша хозяйка?

— Плохое утро и печальное — вот как надо вам говорить, — плачущим голосом ответила проказница Анни.

— Что такое, о чем вы говорите?

— А то, что не станет моя хозяйка вашей женой, Лолл ар Бриз.

— Вы что, хотите сказать, что я больше ей не по вкусу? Или что за эту неделю какой-то новый ухажер меня потеснил?

— Лиза Розтренн не будет ни вашей женой и ничьей. Лиза теперь у Бога.

— Умерла?! Лиза?! Берегитесь, Анни, нельзя так шутить!

— Но посмотрите на стол! Поднимите простыню и посмотрите, что под ней!

Молодой крестьянин побледнел. Это очень развеселило Анни, но она и виду не подала.

Лолл подошел к столу, поднял простыню и отпрянул в ужасе.

— О, это и вправду так! — вскричал он.

— Лолл, — произнесла Анни, силясь сохранить серьезность, — разве вы никогда не слышали, что влюбленные могут воскресить своих любимых поцелуем? Попробуйте же это лекарство!..

— Несчастная! И вы еще осмеливаетесь шутить?!

— Ну попробуйте же, говорю вам, вы не пожалеете. Постойте, я вам помогу.

Анни поднялась со скамьи. Но едва она приблизилась к столу, как чуть не упала: лицо Лизы Розтренн и вправду было мертвенно-бледным, а широко раскрытые глаза неподвижны.

— Этого не может быть! Этого не может быть! — твердила бедная Анни. — О Лолл ар Бриз, помогите же мне... Посадим ее на стул... Я клянусь вам, она живая... Она не может быть мертвой...

Увы! Лиза Розтренн была мертва, по-настоящему мертва. И что только ни делали Лолл

ар Бриз и служанка Анни, они мучали труп.

На следующий день на кладбище Фауэ похоронили самую хорошенькую наследницу Кервену.

Возможно, что ее жених со временем нашел себе утешение. А вот маленькая служаночка сошла с ума.

ГЛАВА V
КАК ПРИЗВАТЬ СМЕРТЬ НА ЧЕЛОВЕКА

Когда желают смерти тому, кого ненавидят, достаточно обратиться к знающему человеку. Хотя бы один такой есть в каждом приходе. Он вручит вам мешочек со смесью, куда входят:

1) несколько крупинок соли;
2) немного земли с кладбища;
3) немного свечного воска;
4) паук, которого нужно поймать самому где-нибудь в уголке дома;
5) огрызки ногтей (надо отгрызть свои ногти зубами).

Полагается повесить этот мешочек на шею и носить его девять дней подряд. Когда срок истечет, мешочек кладут в такое место, где должен пройти человек, смерти которого желают. Важно, чтобы мешочек был на виду, чтобы он привлек внимание, заинтересовал. Ваш враг его поднимет, думая, что нашел полный кошель; он его ощупает, откроет — и этого достаточно: он умрет через двенадцать месяцев.

* * *

А еще гадалка может вам дать продырявленную монету в два лиарда[23]; достаточно утром во время воскресной мессы незаметно опустить ее в карман человека, которому вы желаете смерти.

Миска под кроватью

Лет двадцать или двадцать пять тому назад служанка одной молодой дамы из Морлэ (имя ее я вам не назову, потому что она еще жива), убирая однажды утром комнату своей хозяйки, очень удивилась, увидев под кроватью миску, наполненную песком. Служанка решила, что дама специально туда ее поставила, и спросила у нее, надо ли миску там и оставить. Но хозяйка удивилась не меньше служанки.

— Миска под моей кроватью, говорите? А зачем она там, Господи Боже!

— Честное слово! Пойдите сами посмотрите!

Они опрокинули миску на паркет и увидели,

что в ней был не только песок, но и яйца, булавки и, кроме всего, мелкие косточки. Дама была сильно заинтригована: кто положил туда все это и зачем?

— Попробуйте разузнать потихоньку среди соседей, — попросила она служанку, — нужно выяснить, что за этим кроется.

Служанка тотчас отправилась прогуляться по кварталу. Проходя то в одну сторону, то в другую, расспрашивая кумушек, она в конце концов узнала вот что: у ее хозяина до женитьбы была подружка, Катрин Жагури с улицы Буре, работница с табачной мануфактуры. Поговаривали даже, что эта Катрин Жагури имела от него ребенка. И уж она точно не простила ему то, что он ее бросил, и не раз слышали, как она грозилась отомстить

---

[23] Лиард — старинная французская монета.

тем ли, другим ли способом. Миска под кроватью явно какое-то колдовство, которое могла затеять только она, брошенная девица.

Служанка не придумала ничего другого, как, не дожидаясь, что скажет хозяйка, отправиться в полицию, там она все и рассказала. Комиссар немедленно вызвал Катрин Жагури в участок.

— Вы знаете, в чем вас обвиняют, не правда ли? Ну-ка, выкладывайте все начистоту.

Молодая папиросница побелела.

— Она таки умерла! — воскликнула она. — Очень хорошо! Да. Это я... Он мне клялся... Она не должна была выходить за него!

— Значит, вы поставили миску, чтобы она умерла?

— О, это не я ее поставила, но я не скажу, кто это сделал... Меня бы вытолкали за дверь.

— А что было в этой миске?

— Было что нужно: песок с кладбища, три свежих яйца, снесенных тремя разными курами, две булавки крестом и кусочки мощей. Вот. Я произнесла над всем этим заклинание...

— Какое заклинание?

— Спрашивайте у той, которая меня научила... это не мой секрет.

— Одним словом, вы хотели совершить преступление?

— Преступление — это когда убивают, а я не убивала, я хотела только призвать смерть.

— Да... хорошо... но не будем начинать сначала. Женщина, на которую вы призывали смерть, на ваше счастье, жива и здорова. Все, уходите отсюда!

Девице же лучше было сесть в тюрьму, чем услышать, что ее колдовство не удалось. От этого она даже заболела. Но и дама была раздосадована излишним усердием служанки: эта история стала известна всему городу, даже газеты о ней писали.

Святой Ив Справедливости

Есть еще один безошибочный способ избавиться от врага. Надо «вверить», «передать» человека, которого вы ненавидите, святому Иву Справедливости (в Трегье)[24].

Святой Ив — судья в спорах. Но вы должны быть полностью уверены в своей правоте. Если же не правы вы, вы и будете наказаны.

* * *

Человек, «переданный» святому Иву Справедливости, чахнет на ногах за девять месяцев. Но он испустит свой последний вздох только в день, когда тот, кто его «вверил» или поручил «вверить» святому Иву, переступит порог его дома. Измученный слабостью за такое долгое время, он и сам нередко зовет к себе того, кого считает своим «вручителем», чтобы поскорее умереть.

* * *

Чтобы «передать» кого-нибудь святому Иву, необходимо:

1) Опустить незаметно один лиард в башмак человека, которому вы желаете смерти.

2) Поститься и совершить одно за другим три паломничества к святому по понедельникам, в священный день.

---

24 Святой Ив — один из самых почитаемых бретонских святых. Ив Элори (1253-1303), бретонский юрист, приходский священник, защитник бедняков, вдов, сирот и нищих, погребен на родине, в городе Трегье (север Бретани, берег Розового гранита), канонизирован в 1347 г., считается покровителем Бретани.

3) Взять святого за плечо[25] и сильно его потрясти, приговаривая: «Ты маленький святой Справедливости. Я предаю тебе такого-то. Если правда за ним, осуди меня. Но если правда моя, сделай так, чтобы он умер в положенный срок».

4) Положить к ногам святого приношение — монету в восемнадцать денье, помеченную крестом.

5) Прочитать обычные молитвы, начиная с последней.

6) Обойти часовню трижды, не поворачивая головы.

* * *

Когда-то в часовне Святого Ива Справедливости позади статуи святого хранилось шило, похожее на то, каким пользуются сапожники.

Чтобы быть уверенным, что святой тебя услышал, это шило трижды втыкали в спину деревянной статуи, каждый раз приговаривая: «Раз ты великий судья, то услышь меня».

История кузнеца

Жил когда-то один кузнец, звали его Фанши, он держал кузню в Кауннеке. Кроме того, у него было несколько арпанов земли рядом с кузней и две или три коровы. Ему, должно быть, везло в делах, в награду за упорный труд. К несчастью, жена у него была — редкая расточительница. Денег, которые он ей приносил, он никогда больше не видел и не интересовался, на что они уходили. Он, истинный мужчина, и не сомневался в том, что Мари Бенек’х, его несчастная половина, пока он бил по наковальне, проводила время бродя из харчевни в харчевню, и там тратила деньги на *микамо* — «подсоленный кофе с водкой» — для всех «жанетт»[26] в округе.

У Фанши был ученик, его звали Луиз. Он давно жил в доме Фанши, и тот ему очень доверял.

Однажды вечером он говорит ученику:

— Завтра встанем пораньше. Мари Бенек’х считает, что ее кошелек пуст. Пойдем в Ла-Рош-Деррьен, продадим рыжую корову. Там будет ярмарка, может, нам дадут хорошую цену.

Рыжую корову они и вправду продали выгодно, три сотни звонких экю, не считая еще и аванса.

Когда Луиз и Фанши возвращались в Кауннек, ученик сказал хозяину:

— На вашем месте я не давал бы эти деньги Мари Бенек’х все сразу. Я бы их сложил в ящик комода и давал бы ей столько, сколько надо на хозяйство.

— Хорошая мысль, — ответил Фанши, который никогда раньше об этом не думал.

Вернувшись к себе, он разложил все триста экю на несколько кучек в ящике большого дубового шкафа, а ключ от него положил под свой траверсен[27]. Но это не ускользнуло от взгляда Мари Бенек’х. Как только она услышала, что муж, уставший после ярмарки, стал похрапывать, она тихонько поднялась, вытащила ключ, подбежала к шкафу и принялась шарить в поисках денег.

Кто наутро был потрясен, так это Фанши-кузнец! Он обрушился с обвинениями на

---

[25] Речь идет о статуе святого Ива Справедливости, почитаемом старинном изображении, хранившемся когда-то в старой капелле того же имени в городе Трегье. Сюда бретонцы шли за справедливым судом.

[26] «Жанетта» — нарицательное имя легкомысленной, праздной женщины (*брет* .).

[27] Траверсен — подушка в виде валика.

своего ученика.

— Луиз, — закричал он, бледный от гнева, — я сделал, как ты посоветовал. И вот что получилось! Верни мои триста экю!

— Я их не брал!

— Не брал? Ладно. Ты сейчас же пойдешь со мною к святому Иву Справедливости!

— Я готов с вами идти, куда вам будет угодно.

И они пустились в путь.

Когда они пришли к дверям часовни, кузнец произнес священные слова. Святой наклонил голову трижды, показывая, что он понял и готов к справедливому суду.

Фанши вернулся в Кауннек успокоенный. А Луиз как уходил с легкостью, так и вернулся.

Входя в село, Фанши ему сказал:

— Ты, думаю, понимаешь, что теперь мы больше не будем работать вместе.

— Воля ваша, хозяин, — ответил *Луиз.* — Я верю, однако, скоро вы поймете, что я не виноват.

И они расстались.

Мари Бенек’х поджидала мужа на пороге кузни.

— Где ты был? — спросила она его.

— У святого Ива Справедливости.

— Зачем?

— Чтобы через двенадцать месяцев предать смерти человека, который украл у меня триста экю.

— Ах ты несчастный, несчастный! — вскричала Мари Бенек’х, у которой на шее уже обозначилась смертная бледность. — Хоть бы ты предупредил меня! Триста экю не украдены. Это я их взяла этой ночью, пока ты спал. Вернись поскорее, исправь то, что ты сделал.

— Слишком поздно, жена. Святой трижды кивнул головой.

И с этого дня Мари Бенек’х начала чахнуть, а двенадцать месяцев спустя она умерла.

История с ружьем

У нас был прекрасный участок с зарослями дрока на склоне холма, недалеко от дома. Всегда кто-нибудь забирался туда, чтобы срезать дрок без нашего разрешения. В конце концов мой старший брат однажды вечером решил там спрятаться, чтобы подстеречь вора. Он собирался уходить, и вдруг я увидела, что он направляется к печи.

— Пожалуйста, — стала я просить, — не бери ружья!

Но он даже слушать меня не захотел.

Через час он вернулся, бледный от злости.

— Кто-то не только украл наш дрок, но еще и отнял у меня ружье.

И брат рассказал нам, что только он поднялся на склон холма, где рос дрок, как кто-то, прятавшийся по другую сторону, неожиданно схватил ружье за дуло, вырвал его из рук и скрылся вместе с ним.

— И ты не разглядел, кто это был? — спросил отец.

— Разглядел: это Эрве Бидо, шорник, я его узнал.

— О! Этот мошенник... Можешь поставить крест на ружье, ты его больше не увидишь.

— Как бы не так! Завтра же утром, не позднее, добром или силой, но я его верну.

— Нет. Шорник отнесет его в мэрию и скажет, что он застал тебя на охоте, а она сейчас запрещена. Тебя оштрафуют, вот и все, а ружье конфискуют.

— Что, может, я не имею права защищаться от воров?

— А как ты докажешь, что он воровал? У тебя есть свидетели?

— Проклятье! — вскричал брат. — Ладно, я не стану требовать назад мое ружье, но

если завтра до вечера, в этот же час, Бидо мне его не принесет, клянусь — не стоять мне на этом месте! — я предам его святому Иву!

— Не произноси таких слов! — вскликнул отец. — Ты не понимаешь, что ты на себя берешь!

— Тем хуже! Я не отступлюсь! Пусть знает, что такое Право и Справедливость!

Мы надеялись, что за ночь он успокоится. Но утром спозаранку он уже был на ногах и так же зол, как и накануне.

— Ты куда собрался?

— К Анне Руз.

Эта Анна Руз, старая богомолка, странница, знала все молитвы, которыми можно и вернуть жизнь людям, и отнять ее. Она жила недалеко от нас, в жалкой хижине из соломы и глины, куда во всякий час, и днем и ночью, к ней приходили люди за советом. Так вот, к ней-то и отправился мой брат, он позвал ее к нам в дом ужинать в тот же вечер: так полагалось, когда пользовались ее услугами. Вернулся он немного успокоившись, объявил нам, что старуха придет, как только стемнеет, и ушел работать в поле. Но отец продолжал волноваться.

— Только бы Уанн, — (так звали моего брата), — только бы Уанн не ошибся... — повторял он все время.

Наконец, не находя себе места, он решил воспользоваться отсутствием брата и попытаться уговорить шорника отдать ему ружье. И он пошел к нему в село.

— Послушай, — сказал отец шорнику, — Уанн решил дать делу ход. Если ты все не исправишь, он обратится к святому Иву, чтобы тот вынес свое решение.

— Да чихать мне на святого Ива, и на твоего сына, да и на тебя, — ответил дерзкий шорник.

— Ну что ж, если случится беда, пеняй на себя, — ответил ему отец.

Возвратившись, он рассказал мне, как шорник отнесся к его попытке.

— Не говори об этом брату, — попросил он меня, — пусть все идет своим путем.

К концу дня, когда наши люди возвращались после работы, появилась Анна Руз. Она переоделась в воскресную одежду и надела дорожную обувь — тяжелые мужские башмаки. Она села за стол вместе с нами, а когда ужин закончился, подождала, пока слуги уйдут из кухни, прежде чем заговорить о деле, из-за которого ее пригласил брат.

— Ну, так как, — сказала она, обращаясь к моему отцу, — вы согласны, Захария Прижан, чтобы я совершила от имени вашего сына паломничество к святому Иву Справедливости?

— Да, — ответил отец, опуская голову.

— А вы, Уанн Прижан, — продолжала она, повернувшись к брату, — вы по-прежнему твердо уверены, что хотите испытать судьбу?

— Даже больше, чем раньше, — громко заявил он, — пусть святой Ив решит между нами.

— Тогда повторяйте за мной:

Otro sant Erwan ar Wirione
A oar deux an eil hag eguile,
Laket ar gwir elec’h ma mane
Hag antort gant an hini man ganthan.

Господин мой святой Ив Справедливости,
Вы знаете все за и против,
Восстановите правду там, где ей должно быть,
И накажите того, кто заслужил наказание.

У нас с отцом вся кровь в жилах застыла до капли; а брат повторил молитву следом за старухой, не дрогнув.

— Ну что ж, — сказала старуха. — Теперь вам надо обзавестись *двумя* вещами: во-первых, монетой в восемнадцать денье, и во-вторых — горстью гвоздей, без счета.

В те времена редко где не хранили разные старинные монеты, которые уже не были в ходу, но которые, как верили, приносили счастье. Так что мой отец направился к шкафу, достал оттуда коробку со старыми монетами и нашел в ней монетку, которую потребовала Анна Руз; потом спустился вниз, в службы, и с закрытыми глазами захватил горсть гвоздей из сундука, где вперемежку лежало всякое железо.

— Вот, — протянул он все это провидице.

Она послюнила палец, нарисовала им крест на лиарде и опустила его за корсаж, а гвозди она спрятала в карман своего фартука.

— Не хочу быть слишком любопытным, но, может, Анна, откроете, как вы собираетесь действовать? — спросил отец.

— Мне нечего скрывать, — ответила она, — ведь я делаю это для вас. Эту ночь буду бодрствовать, молиться, а завтра утром, как петух пропоет, уже одетая, пойду сначала в приходскую церковь, там помолюсь недолго, потом остановлюсь перед порогом Эрве Бидо, вашего противника, перекрещусь трижды левой рукой, и только тогда отправлюсь в путь. Главная моя забота — ни с кем не сказать ни слова и на приветствия не отвечать, пока не скроется из виду колокольня нашей церкви. По пути мне нужно остановиться на трех перекрестках и каждый раз трижды перекреститься, и все левой рукой. Когда приду в Трегье, дождусь заката и только тогда переправлюсь на другую сторону реки, туда, где стоит часовня. Если вокруг никого не будет, подберусь к слуховому окну без стекла, которое сделано в скате крыши, и брошу в него горсть гвоздей. Потом трижды обойду дом святого, идя против движения солнца, как это делается во упокоение умерших, и прочту трижды «Де профундис» во имя спасения заблудших душ. Потом войду, положу лиард на алтарь у ног святого и скажу: «Ты знаешь, зачем и для кого я здесь; это плата, сотвори суд». Вот, Захария Прижан, теперь вы такой же ученый, как я.

— Да, — прошептал мой отец, — и все же это страшно.

— Если вы почувствуете сожаление, один или другой, этой ночью — подумайте, у вас еще будет время, пока не пропоет петух, чтобы отказаться.

Сказав это, Анна Руз пожелала нам спокойной ночи и ушла к себе. Мой брат тоже побрел к конюшне, где он спал; я улеглась в постель. И отец остался один в раздумье перед остывающим очагом, при свете смоляной свечи. Он был очень печален. Я никак не могла уснуть, и между створками моей кровати мне было видно, что он закрыл лицо руками и что он плачет. Мне хотелось бы его утешить, но у меня и самой было тяжело на сердце, и я не находила что ему сказать.

Вдруг мне показалось, что кто-то топчется по навозу во дворе. Я позвала:

— Отец!

— Что, дочка?

— Там кто-то есть, на дворе.

Он поднялся, отодвинул засов на двери и, приоткрыв створку, спросил:

— Это ты, Уанн?

— Нет, — послышался голос, — это я, Эрве Бидо, шорник... Я скверно вас принял этим утром, виноват; я пришел помириться и вернуть ружье.

— Входи, — сказал мой отец.

Я вздохнула так, как если бы у меня с груди сняли тяжесть весом в пятьсот ливров[28]. Мой отец принес кувшинчик сидра, и мужчины выпили вместе за здоровье друг друга, как

[28] Ливр — старинная мера веса.

друзья. Когда Бидо стал прощаться, отец сказал ему:

— Подожди, я с тобою: мне надо сходить к Анне Руз.

И он взял два экю, чтобы заплатить старушке, так как заказ за такую работу надо оплачивать, даже если вы его отменили.

Колдовской корабль

На острове Сейн земля разделена на множество очень мелких наделов, и потому там часто возникают конфликты между владельцами, порождающие неутолимую злобу. Особенно ожесточаются и желают мести женщины. Слишком слабые, чтобы открыто нападать на врага, в особенности если это мужчина, они удовлетворяются тем, что предают его морю, то есть смерти.

Вот как они это делают.

На острове есть несколько вдов, известных тем, что они при рождении получили дар предания. Их имена не произносят громко, но их знают. Говорят, что они связаны со злыми духами воды, которые зовут их по ночам на свои «морские шабаши». На эти шабаши они отправляются на судах особой формы. Вы видели, как люди на островах собирают морские водоросли на галечных пляжах? Они складывают водоросли в ивовые корзины с выпуклым, как у бутылки, дном, а чтобы закрепить поклажу, кладут поперек водорослей короткую палку, она называется *babedina* (ба бедина) — водорослевый посох. Так вот, именно в чем-то вроде такой ивовой корзины Колдуньи Шабаша (*Groc'hed ar Sabbadb —* Грок'хед ар Саббад) и совершают свои ночные поездки. Баг-Сорсерес (колдовской корабль) — таким именем называют эти суденышки. Старухи могут там находиться только сидя на корточках, и таким «экипажем» они выходят в открытое море с одной только ба бедина, которая служит и веслом, и рулем. Нередко рыбаки видят их в море, но они остерегаются об этом говорить, зная, что малейшая нескромность может оказаться для них роковой.

Так вот, когда кто-нибудь желает кому-то смерти, он сговаривается с одной из этих вдов. Обычно в дом к ней не идут, а стараются попасться ей где-нибудь на пути, чтобы сказать самым естественным образом:

— *Moereb,* тетушка, у меня нужда до вас.

Если она расположена выслушать вашу просьбу, она вам укажет уединенное место, где ее нужно ждать после захода солнца. Чаще всего это скалы, которые называются *An Iliz* (Ан-Илиз — «Церковь») на полдороге между селом и маяком.

Там вы назовете ей имя человека, которого вы хотите погубить. Она вас спросит:

— Сколько времени ты дашь ему, чтобы он раскаялся в том зле, которое он тебе причинил и загладил свою вину?

Обычно называют какой-то срок — неделю, две, месяц. Чем короче срок, тем дороже придется платить ведунье.

Если договорились, можете спокойно возвращаться домой: в назначенный день ваш враг погибнет.

Из-за каждого, кого старуха предает, она должна трижды выйти в море, присутствовать на трех шабашах и отдать демонам ветра и воды какой-нибудь один предмет, принадлежащий человеку, о котором идет речь.

Люди знают некоторых жителей острова, именно так покинувших этот мир. Я, например, слышала такой рассказ.

Два брата смертельно поссорились из-за наследства. Однажды утром они отправились в море — естественно, на одном и том же баркасе, — а их жены, как это заведено на острове, пришли на мол посмотреть, как они отплывают, — жены рыбаков всегда опасаются, не остались ли мужья напиваться где-нибудь в кабаке. И вот, когда жены там стояли, избегая глядеть друг на друга, одна другой и говорит:

— Шла бы ты лучше домой и посмотрела, не закончила ли мастерица шить тебе вдовий чепец.

И вправду, ее муж не вернулся. Он ушел в пучину точно в том месте, которому он был «предан».

ГЛАВА VI
ИСХОД ДУШИ

Как только человек умирает, его душа отправляется на Божий суд, где она должна получить свой отдельный приговор. Но как только приговор вынесен, она возвращается к телу (но не внутрь) и остается с ним все время, пока идут похороны, и какое-то время после предания тела земле. Видеть ее дано главным образом священнику, который служит во время похорон. А месье Долло ее видел всегда и даже знал, в какое место поблизости она должна затем удалиться, чтобы нести наложенное на нее наказание.

* * *

Этот месье Долло, настоятель прихода Сен-Мишель-ан-Грев, один из тех священнослужителей, кто лучше всех осведомлен обо всем, что касается Анаон — души и обиталища душ усопших. Он знал, где рассеяны души всех умерших, которых он хоронил, за исключением двух.

* * *

Помимо священников, отделение души от тела могут видеть люди, которые получили особый дар, или те, которым по той или другой причине была открыта тайна.

Открытое окно

Однажды вечером пошла я провести ночь у ложа одного из моих родственников из Трелеверна, который был при смерти. Человек грешный, по имени Жан Гильше, он в свои лучшие времена был одним из самых крепких парней в округе. Даже и теперь, ослабевший от нищеты и старости, сохранял он необычную силу. Из-за этого-то и собрались вокруг него люди: уже два дня длилась агония, тело не соглашалось отпустить душу.

Поминутно кто-нибудь у постели говорил:

— Сейчас, на этот раз!

И всем казалось, что дыхание его прекратилось. Но через мгновение он открывал глаза, смотрел на людей у его ложа и делал знак, чтобы ему дали воды.

Когда я пришла, он уже совсем затих. Однако меня он узнал. Я села у его изголовья и принялась вместе со всеми присутствующими читать отходные молитвы. Вдруг я почувствовала, что кто-то тронул меня за локоть. Это был он, старый Гильше, который хотел привлечь мое внимание. Я наклонилась к его лицу.

— Вы хотите мне что-то сказать? — спросила я его.

Он с трудом сделал усилие и очень, очень слабым голосом прошептал мне в ухо:

— Окно забыли открыть: моя душа не может уйти.

В комнате было только одно окно: я подбежала к нему и, нажав на шпингалет, широко распахнула створки. Вернувшись на свое место возле умирающего, я почувствовала какой-то легкий аромат, хотя ни одного цветка не было в доме, — это было в самую зимнюю пору, в середине декабря.

Когда я снова уселась на свой стул, я увидела, что глаза Гильше неподвижны, а рот приоткрыт: за этот короткий миг он отдал душу.

* * *

Когда человек умирает с открытыми глазами, это значит, что Анку не закончил свою работу в этом доме: надо ждать его скорого возвращения за кем-то еще из этой семьи.

Душа в виде белой мыши

Хотя Людо Гарель был всего лишь слугой, он вовсе не был темным человеком. Его голова всегда была полна множеством вещей, о которых обычно не думают простые люди. Его постоянные размышления завлекли его очень далеко. Он сам признавался, что владеет почти всем, что дано знать человеку.

— Однако, — добавлял он, — есть одно, что меня смущает, что мне неясно: это как душа расстается с телом. Когда я проясню этот момент, мне уже и узнавать будет нечего.

Его хозяин, один из последних потомков благородного дома Кенкизов, очень ему доверял, считая его человеком честным и умным советчиком. В один прекрасный день хозяин позвал его к себе в кабинет.

— Мой бедный Людо, — сказал он ему. — Что-то мне сегодня не по себе. Полагаю, что во мне назревает какая-то болезнь, и у меня такое предчувствие, что я от нее не избавлюсь. Если бы еще мои дела были в порядке!.. Этот проклятый процесс, который я веду в Ренне, причиняет мне столько мучений! Он тянется уже два года! Если бы по крайней мере я видел, прежде чем умру, что он решается в мою пользу, я бы уходил с более легким сердцем. Я тебя считаю, Людо Гарель, человеком толковым. К тому же — ты не раз мне это доказывал — нет такой услуги, какую бы ты не был готов мне оказать. Я прошу у тебя, наверное, последней. Завтра утром, с первой зарей, отправляйся в Ренн. Ты нанесешь визит каждому из судей и попросишь их как можно скорее вынести свое решение за или против меня. Язык у тебя хорошо подвешен: я рассчитываю, что ты найдешь способ расположить их в мою пользу. А что до меня, так я отправляюсь в постель. И дай Бог, Господь призовет меня, когда ты уже вернешься!

Прежде чем уйти, Людо попытался поднять настроение своему хозяину.

— Занимайтесь только своим здоровьем, господин граф, вы еще не созрели для Анку. Постарайтесь, чтобы я нашел вас здоровым и на ногах. Остальное я беру на себя, вот вам мое слово!

Все время после полудня он провел в сборах, составляя в уме речи, которые он собирался держать перед судьями.

Едва начало смеркаться, он лег спать, чтобы наутро встать пораньше. Спал он плохо. Тысяча идей, тысяча предположений крутились в его мозгу.

Наконец ему показалось, что запел петух.

«О! О! — сказал он себе. — Вот и первая заря. Пора двигаться!»

И Людо Гарель тронулся в путь.

Была самая середина зимы. Он едва различал дорогу. Час или полтора спустя он очутился у стены, преградившей ему путь. Он пошел вдоль стены и оказался перед каменной лестницей. Он поднялся на ее ступени. Эта была ограда кладбища.

«Гм, — подумал Людо, видя вокруг себя могилы и крест, — какое счастье, что дурной час уже давно миновал».

Он еще не договорил эти слова, как увидел тень, поднявшуюся над землей в одной из боковых аллей. Когда тень приблизилась, Людо заметил, что это молодой человек с неясно различимым лицом, одетый в тонкую черную ткань. Он поздоровался с молодым человеком.

— Здравствуйте, — ответил юноша, — так рано, а вы уже в дороге.

— Да я не знаю точно, который сейчас может быть час, но петух пел, когда я вышел из дому.

— Да, белый петух! — откликнулся молодой человек. — А куда вы держите путь?

— В сторону Ренна.

— Я тоже. Не возражаете, если мы пройдем эту часть пути вместе?

— Что может быть лучше!

Лицо и тон юноши внушали доверие. Людо Гарель, сначала немного встревоженный, очень скоро был совершенно очарован своим спутником, тем более что рассвет что-то ужасно задерживался. Идя рядом, они беседовали. Мало-помалу Людо совсем разговорился. Он рассказал незнакомцу с кладбища обо всем, что его заботило: о таинственной болезни хозяина, о мрачных предчувствиях, которые тот ему высказал накануне, о деле, ради которого тот поручил ему предпринять это путешествие. Незнакомец слушал, но почти ничего не говорил.

Между тем на ближайшей ферме раздался петушиный крик.

— Ну вот, — вскричал Людо, — наконец и заря.

— Еще нет, — отвечал молодой человек, — это пропел петух серый.

И действительно, время шло, но было по-прежнему темно.

Оба путника продолжали шагать. Но Людо уже опустошил свой мешок откровений, а незнакомец, казалось, не был расположен открывать свой. Разговор стал вянуть и постепенно затих.

Когда молчат днем, становится скучно, а когда ночью — страшно.

Людо Гарель начал украдкой, краешком глаза, разглядывать своего попутчика, и он стал казаться ему странным. Всеми чувствами Людо призывал зарю.

Наконец пропел третий петух.

— А, — с облегчением выдохнул Людо, — наконец-то к рассвету.

— Да, — ответил юноша, — на этот раз — это красный петух. Теперь и заря осветит небо. Но видите ли, вы слишком ее обогнали. Только-только наступила полночь, когда вы вошли на кладбище, где мы встретились.

— Возможно, — глухо проговорил Людо.

— В другой раз старайтесь лучше следить за временем. Если бы я не сопровождал вас до этого момента, с вами бы приключилось ужасное несчастье.

— Великое вам спасибо за это, — прошептал Людо.

— Но это не все. Должен вам сказать, что вы зря идете. Процесс вашего хозяина закончился вчера вечером, и судьи высказались в его пользу. Возвращайтесь же и сообщите ему эту добрую новость.

— Слава тебе, Господи! Тем лучше, по правде. Господин граф сразу выздоровеет!

— Нет. Напротив, он умрет. И именно теперь, Людо Гарель, вам будет дано увидеть, как душа покидает тело. Это единственная вещь, как мне известно, которую вы давно хотите узнать.

— Я вам это говорил? — удивился Людо, который спрашивал себя с опозданием, не слишком ли много он болтал по дороге.

— Вы мне этого не говорили. Но тот, кто послал меня вам на помощь, знает вас лучше, чем вы сами.

— И я смогу увидеть, как душа покидает тело?

— Вы это увидите. Ваш хозяин скончается около десяти — половины одиннадцатого. Когда он убедится, что вы сходили в Ренн и вернулись (о нашей встрече — ни звука), он станет настаивать, чтобы вы отдохнули. Не соглашайтесь. Оставайтесь у его изголовья и не сводите глаз с его лица. Когда он скончается, вы увидите, как душа выскользнет из его губ в виде белой мышки. Она тотчас же исчезнет в какой-нибудь щели. Не следите за ней. Но не позволяйте никому идти за погребальным крестом в приходскую церковь. Идите сами. Когда подойдете к порталу, подождите — мышь вас догонит. Не входите в церковь перед нею, старайтесь следовать за нею. Это главное. Если вы точно выполните то, что я вам сказал, сегодня же вечером вы узнаете то, что так стремились знать. А теперь, Людо Гарель, прощайте!

Сказав это, странный человек превратился в легкую дымку, быстро смешавшись с такими же испарениями, которые поднимались из влажной земли в свете рождающегося дня.

Людо Гарель возвратился в Кенкиз.

— Слава Богу! — произнес хозяин, увидев своего слугу. — Ты правильно сделал, славный мой слуга, что воспользовался дилижансом. Мне совсем плохо. Если бы ты задержался еще на полчаса, застал бы только мой труп. Как ты справился с делом в Ренне?

— Вы выиграли процесс.

— Я знаю, что ты все сделал, мой друг. Благодаря тебе я могу умереть спокойно.

На этот раз Людо не пытался подбодрить своего хозяина, внушая ему надежду. Он знал, что предназначенное должно свершиться. Печально уселся он у изголовья кровати, не упуская между тем из виду лица своего хозяина. Зал был полон людей со слезами на глазах.

Графиня взяла Людо под руку и шепнула ему на ухо:

— Вы падаете с ног от усталости. Здесь хватает народу, чтобы побыть с мужем, пойдите поспите.

— Мой долг, — отвечал слуга, — оставаться рядом с моим господином до последнего момента.

И он остался, несмотря на все настояния.

Пробило десять часов. Как и предсказывал незнакомец, у сеньера Кенкиза началась агония. Какая-то старая женщина стала читать молитвы. Присутствующие повторяли за нею. Людо Гарель произносил слова молитвы вместе с другими, но его мысли были направлены к тому, что должно было вот-вот произойти, — к моменту, когда душа расстанется с телом.

Граф между тем стал поворачивать голову то направо, то налево. Это означало приближение смерти, но пока неизвестно, с какой стороны.

Вдруг он выпрямился, его коснулась смерть. Он испустил долгий вздох, и Людо увидел, как из его губ выскользнула душа — маленькая белая мышка.

Человек с кладбища сказал правду.

А мышка как показалась, так и исчезла.

Старая женщина произнесла все «Господи, помилуй» и принялась за «Де профундис». Людо воспользовался общим волнением из-за кончины графа и скрылся из зала. И давай скорее бежать по короткой тропинке к селу. Еще в Кенкизе не успели распорядиться принести из церкви погребальный крест, как Людо уже стоял у портала. Белая мышка прибежала туда почти одновременно с ним. Он пропустил ее первой внутрь. Она принялась бегать быстрыми мелкими шажками. Но он своими большими шагами без особого труда поспевал за нею. Трижды следом за нею он обежал церковь. Когда закончился третий круг, она снова вышла через портал. Людо поспешил по ее следам, прижимая к груди погребальный крест, который он схватил мимоходом. Бубенчики на кресте звякали, звякали, а мышка улепетывала. Мышка, крест и Людо, который его нес, пересекли все поля Кенкиза. Маленькая белая зверушка перепрыгивала через каждое препятствие, как это привык делать хозяин, когда он был жив, а потом долго бежала вдоль четырех канав. Обежав все поля, она снова пустилась по дороге к замку. Добежав до усадьбы, она засеменила к стоявшему отдельно дому, где хранилось все крестьянское хозяйство. На все поставила она свои лапки. Телеги, мотыги, лопаты, — всем она сказала «прощай». Отсюда она направилась в дом.

Людо видел, как она вскарабкалась на тело и дала себя вместе с ним положить в гроб.

Пришло духовенство, отслужили панихиду; гроб опустили в яму. Но едва священник окропил его святой водой, едва только близкие родственники бросили на гроб первые комья земли, как Людо увидел, как из гроба снова выскочила белая мышь. Незнакомый молодой человек настоятельно советовал ему следовать за нею до конца, где уж придется — хоть по рытвинам, хоть через колючие кустарники. И вот он оставляет похороны и пускается в паломничество за мышкой.

Они пересекли рощу, болото, перебрались через канавы, прошли через села и худо-бедно добрались до широкой долины, посреди которой возвышался ствол наполовину высохшего дерева. Оно было таким старым, ободранным, что невозможно было сказать, был

ли это ствол бука или каштана. Внутри он был почти пуст. Поистине, он держался только чудом. Даже и его тонкая кора была разодрана сверху донизу. Мышь проскользнула в одну из дыр, и тотчас Людо увидел, как сеньор Кенкиза появился в разломе дерева.

— О, мой бедный хозяин, — закричал Людо, воздевая руки, — что вы здесь делаете?

— Каждый человек, мой дорогой Людо, должен нести наказание в том месте, которое ему предписал Господь.

— Могу я, по крайней мере, вам чем-то помочь?

— Можешь.

— Как?

— Ты можешь поститься вместо меня в течение года и одного дня. Если ты это сделаешь, я спасен навсегда, а твое блаженство последует сразу за моим.

— Я сделаю это, — обещал Людо Гарель.

Он сдержал обещание. Когда его пост завершился, он умер.

Душа в виде мошки

Ивон Панкер был человек мудрый и жил в страхе Божьем. Его лучшим другом был Пэр Николь. Пэр Николь тяжело заболел и тотчас велел позвать Ивона Панкера.

— Я чувствую, что умираю, — сказал он ему. — Ты человек, которого я больше всех любил и уважал в этом мире. Я хотел бы, чтобы ты был рядом со мной до последнего момента моей жизни.

Панкер ответил:

— Я тебя не покину.

И в самом деле, он уселся у изголовья постели своего друга.

К середине ночи Николь сказал ему сдавленным голосом:

— Дай мне твою руку.

Как только Панкер вложил в его руку свою, умирающий скончался.

Панкер, который глазами, полными слез, видел его смерть, заметил, как в это мгновение из его рта вылетела мошка, трепещущая мошка с прозрачными крылышками, похожая на ту мошкару, которая летними вечерами пляшет над берегами ручьев.

Мошка омочила лапки в чашке с молоком, стоявшей на столе. Потом она стала летать по комнате и внезапно исчезла.

— Что с ней могло статься? — спрашивал себя Ивон Панкер.

Тут же он увидел, что она снова появилась.

На этот раз мошка села на мертвое тело и так на нем и осталась. И даже позволила закрыть себя в гробу вместе с покойником.

Панкер увидел ее опять только на кладбище. Когда первые комья земли упали в яму, мошка вылетела из гроба. Тогда только Панкер и понял, что это была душа Пэра Николя, и он решил последовать за нею туда, куда она направлялась.

Итак, мошка полетела в поля недалеко от фермы, где жил Пэр Николь, когда был жив. Там она села на ветку терновника.

— Бедная дорогая мошечка, что вы здесь делаете? — спросил Панкер, мудрый человек.

— Так ты меня видишь!

— Вижу, раз говорю с вами. Скажите мне, не душа ли вы покойного Пэра Николя, моего лучшего друга в этом мире?

— Да, Ивон, я твой умерший друг, я Пэр Николь.

— Так лети же ко мне, в мой дом. Я посажу тебя в уголок, где тебе будет хорошо и покойно, и мы будем беседовать время от времени, как в старые времена.

— Я не могу, бедняга Ивон. Здесь место, указанное Господом для моего покаяния, и я должен здесь оставаться пять сотен лет. Видно, милосердный Господь любит тебя, раз он позволил тебе узнать меня в этом виде — в мошке.

— О! Я ни на минуту не терял тебя из виду с того момента, как ты отделился от своего тела. Впрочем, нет, я ошибаюсь: несколько минут, когда тебя не стало, я не мог понять, в каком месте ты мог быть. Но скажи мне прежде всего, зачем ты сначала омочил лапки в кружке с молоком?

— Разве я не должен был обелиться, прежде чем предстать перед великим Судией?

— А потом, когда ты летал то туда, то сюда по дому, что это с тобой было?

— Когда ты видел, как я летаю туда-сюда по дому, — это я прощался с каждой вещью. А когда я исчез из комнаты — это чтобы лететь во двор и в хлев, проститься со всеми инструментами, которые мне некогда служили, и со скотиной, которая помогала мне в работе. Сделав это, я предстал перед Божьим судом.

— Ты скоро управился.

— Души имеют быстрые крылья.

— Но зачем ты позволил закрыть себя в гробу вместе с твоим телом?

— Мне полагалось там ждать Божьего приговора.

— Мне хотелось бы, чтобы он позволил отбыть часть твоего наказания в моем доме, возле меня, пока я жив. Господь знает, что мы были редкие друзья, Пэр Николь.

— Он и правда это знает, Ивон Панкер. Будь уверен, он скоро нас соединит. Немного пройдет времени, и твоя душа присоединиться ко мне в этой долине.

Спустя три месяца, день в день, похоронили Ивона Панкера, мудрого человека.

* * *

Душа является также в форме цветка, большого белого цветка; он становится все красивее, когда к нему приближаются, и удаляется, если кто-то хочет его сорвать.

Расставание души и тела

Душа
Прощай, мое Тело, прости, говорю я тебе.
Ты и я, мы были одно в нашей первой жизни.
Богу угодно сегодня, чтобы мы расстались,
Но мы хорошо жили и потому не должны печалиться.

Тело
Увы! Моя бедная Душа, моя бессмертная сущность,
Я слышу, как куют мои цепи, ты покидаешь меня!
Я пожертвовало для тебя своими желаниями,
А теперь ты покидаешь меня.

Душа
Это правда, мой спутник, мой товарищ по судьбе,
Что касается Законов, ты ни одного не нарушил.
Но Всемогущий Господь велит,
Чтобы мы перестали: я — быть твоей госпожой,
Ты — быть моим слугою.
Бог, если он доволен нашими добрыми отношениями,
Может ничего не менять в нашем существовании
И позволить, не разлучая нас,
Жить нам вместе в мире, соединенными, как раньше.
Так и было до грехопадения.

Но Адам все разрушил своим непослушанием,
И теперь Тело отделяется от Души,
Ты уйдешь в землю, а я — на небо.

Тело
Если я дом, сделанный для твоего обитания,
Сегодня, когда нас разлучают, кто тебя примет?
Тебе будет грустно покинуть меня, твоего брата,
А я буду еще печальнее, чем ты, моя истинная душа.

Душа
Когда я буду свободна от уз,
Которыми ты меня держишь в плену,
Меня примет Дворец Троицы, святых и ангелов,
Более роскошный, чем жилища
Солнца, когда оно блистает на Востоке.

Тело
Если за то, что ты ему хорошо служила,
Господь тебе дает место в своем дворце,
То по справедливости и у меня есть право на часть твоих почестей,
Ведь я — инструмент твоих добродетелей.

Душа
Подожди, мой друг, когда я приду к новому
Воскресению: я ухвачусь за твою руку
И, будь ты так же тяжело, как железо,
После того, как я побываю на небе,
Я обрету силу любви, чтобы увлечь тебя за собою.

Тело
Когда я буду пленником, заключенным в могиле,
И мои члены будут разлагаться в земле,
Когда у меня не будет целой ни ноги, ни руки, ни ладони,
Будет поздно и думать, чтобы увлечь меня наверх.

Душа
Тот, кто создал мир без модели и без материала,
Достаточно могуществен, чтобы вернуть тебе форму.
Тот, кто тебя вылепил впервые, во времена, когда тебя еще не было,
Способен найти тебя там, где тебя нет больше.

Тело
Ты держишь меня в презрении и отталкиваешь меня, твоего друга,
Потому что видишь все мое несовершенство,
Любовь возможна лишь там, где есть равенство,
Считая, что я ниже тебя, ты отстраняешь меня.

Душа

Добродетельное тело, каким ты всегда было, —
Драгоценное сокровище на благословенной земле,
Как корни розы, лаванды или лилии
В уголке сада, словно ты в церкви.

Тело
Роза, лилия и другие такие же цветы
Теряют свои лепестки, а потом снова их находят;
Если я подобно им, как ты говоришь,
То через год и я воскресну.

Душа
Год, составленный из стольких же дней, как и обычные года,
Но только каждый его день состоит из тысячи лет,
Возможно, он приведет нам Воскресение,
Тысяча лет у Бога — это всего лишь один день.

Тело
Прощай, моя жизнь, прощай, раз так нужно!
Господь да приведет тебя туда, куда ты стремишься!
Ты будешь всегда бодрствовать, а я — спать.
Когда придет срок, не забудь меня предупредить.

Душа
Прощай, благословенное тело, благодарю тебя
За твою покорность и добрую службу.
Когда затрубят ангелы, призывая к Страшному суду,
Мы увидимся с тобой.

Тело
Иди же, моя жизнь, принять свою долю
В великом наследстве Вечных радостей Неба!
А я — моя агония закончена, глаза мои закрываются,
И я испускаю мой последний вздох.

ГЛАВА VII
ПОСЛЕ СМЕРТИ

Когда человек умирает, сразу начинают сооружать так называемую «белую часовню».

Сейчас ограничиваются лишь украшением смертного ложа. Но еще недавно покойника укладывали на кухонный стол, против окна. Его покрывали белой простыней, а к балкам потолка подвешивали по обе стороны стола две другие простыни и прикрепляли к ним венки омелы или ветви лавра.

* * *

Некогда в Трегоре на дом, где кто-то умирал, вывешивали снаружи, по обе стороны от дверей, черные накидки с капюшонами — траурную женскую одежду этой местности.

* * *

Когда умирает глава семьи, первое, что полагается сделать, если в саду есть ульи, — покрыть их трауром, закрепив на них полотнища черной ткани. Если не позаботиться об этом, все пчелы погибнут, ульи опустеют, и тогда беды не замедлят опустошить весь дом.

* * *

В каждом квартале есть люди, которые занимаются похоронами. Это профессия, нечто вроде священнического сана. Говорят, что эти люди, получая какие-то таинственные предсказания, узнают о том, что скоро где-то понадобятся их услуги, еще до того, как тот, кого посылают к ним с этим поручением, завязал шнурки на своих башмаках.

Старая Лена Биту из Кермариа уже полпути прошла, когда за нею послали.

— Да, да, — говорила она, — я все знаю, не тратьте лишних слов.

* * *

Если, подшивая саван, уколите палец, это знак того, что покойник при жизни таил какое-то зло против вас. В таком случае не забудьте заказать панихиду за упокой его души.

* * *

В наше время погребение бедняков или оплачивает мэрия, или соседи собирают деньги. Но так было не всегда.

В моем детстве для бедняков делали такой особый гроб, который называли не очень приличным словом спарлу-мок'х (*sparlou-moc'h)* [29] Такой гроб делали из двух горизонтальных досок, между которыми клали тело, фиксируя его шестью палками, по три с каждой стороны. Проще и грубее не придумать, как видите.

А для детей, как я это слышала от моего двоюродного деда, в его время, то есть до Революции, делали еще проще. Вырезали две половинки древесной коры и в одну из них клали маленькое тельце, а другой его закрывали — получалась закрытая колыбелька.

История церковного сторожа из Невё

Раньше в маленьких деревнях покойников обряжали церковные сторожа. Однажды сторож из Невё, возвратясь после исполнения этой своей обязанности в церковь, чтобы все подготовить к похоронам, заметил сидящего человека в воскресной одежде.

— Здравствуй, приятель Жан-Луи, — сказал человек, поднимая голову — до этого он сидел, низко ее склонив.

— Как, — вскричал изумленный сторож, — это вы, Иоахим Лаблез, здесь!

Это был как раз тот самый умерший, которого староста положил в гроб несколько минут тому назад, надев на него чистую одежду.

— Да, я, — ответил Лаблез. — Я тебя жду здесь, чтобы просить срочно переделать твою работу.

— Вас не устраивает, как я вас обрядил?

— Да. Ты мою левую руку заложил за тело: я не могу уйти в таком положении.

Произнеся все это, он исчез. Сторож тотчас бросился назад, вошел в дом умершего и, к возмущению всей семьи, открыл гроб. Действительно, как и говорил Лаблез, его левая рука была под телом. Сторож привел все в порядок и снова направился в церковь.

---

[29] Спарлу-мок'х — от *sparl* (путы, которыми опутывают свиней и другую скотину, чтобы помешать им выходить в поле; они состоят из деревянной перекладины, к которой крепятся две связанные веревками стойки, сжимающие шею животного) и *moc'h* (множественное число от *porc'hel* — свинья). — *Прим. автора.*

Когда он вошел в ограду, он увидел, что покойный по-прежнему был здесь, правда, на этот раз он стоял, подняв голову.

«Я опять что-то упустил?» — подумал сторож.

Но нет: покойник удовольствовался тем, что сделал рукой прощальный жест.

— Да утешит вас Бог, — сказал сторож, обнажив голову.

Вот и все.

* * *

Пока покойник не покинул дом, нельзя ни мести полы, ни вытирать пыль на мебели, ни выбрасывать мусор, чтобы случайно не вынести наружу душу умершего и тем самым навлечь на себя его месть. Но необходимо при этом тщательно закрыть все сосуды с жидкостями, исключая молоко, чтобы душа в них не утонула.

* * *

Пока покойник лежит в доме, нельзя отправлять домашних на работу. Это оскорбит умершего.

Испорченное сено

Это произошло в то время, когда я была младшей служанкой в Керсалью. Умер хозяин дома, Бартелеми Ропар. А случилось это в начале июля: старший сын хозяина, Луи, вместе с батраками работал на соседнем лугу, сушил сено. Меня срочно послали за ним. Вскоре вернулись и остальные, перекусить. Когда они закончили есть, один из батраков спросил:

— Нам нужно возвращаться на луг?

— Да, конечно, — ответил Луи Ропар. — Погода портится, если мы сегодня сено не уберем, завтра оно может пропасть.

— Так не полагается, когда в доме покойник, — заметил старый Кристоф Лоарер, который служил в Керсалью почти тридцать лет.

Луи Ропар ответил ему с твердостью:

— Хозяин теперь я, и я здесь распоряжаюсь. Идите и делайте, что я велел.

Нехотя они отправились обратно.

Подойдя к лугу, они с большим удивлением увидели какого-то обогнавшего их мужчину, ходившего взад-вперед по полю и, казалось, с удовольствием топтавшего сено. Когда они подошли еще ближе, их удивление обратилось в ужас, так как по походке и по одежде странного человека они признали Бартелеми Ропара собственной персоной.

Старый Лоарер произнес:

— Дуе да пардон’ан Анаон! *Doué da pardon’an Anaon!* (Господь да помилует усопших!)

Видение сразу же исчезло, мужчины ступили на луг и увидели, что их вилы были разложены по двое крестом.

— Не будет проку от этого сена, помяните мое слово, — сказал Кристоф Лоарер своим товарищам.

Однако несколько дней спустя, когда сметали в стога на дворе усадьбы, сено по виду было хорошим. Прошло несколько месяцев. Слова Лоарера давно вылетели из памяти слуг, да и сам Лоарер, казалось, забыл об этом. Однажды вечером Луи Ропар сказал конюху:

— Маркиз, — (так прозвали конюха), — с этого дня будешь давать корм лошадям из стогов этого года.

Была уже поздняя осень, время пахоты. Когда наутро в плуг стали запрягать лучшую кобылу в

Керсалью, она едва держалась на ногах, а днем она пала. Неделю спустя пришла очередь другой кобылы, замечательной племенной, самой лучшей в кантоне. На этот раз Ропар-сын вызвал ветеринара. Тот поинтересовался, чем кормили лошадь. Ему показали сено, и он нашел, что оно хорошего качества.

— Не знаю, в чем причина, — объявил он.

И наука не смогла помочь другим лошадям. Не прошло и двух недель, и пали все лошади на конюшне. Ропары были разорены. Сын впал в тоску, начал пить. В ночь под Рождество он не вернулся домой. Мать отправила нас искать его. Нашел его Кристоф Лоарер: бедняга повесился на яблоне. Непочтение к покойному отцу обернулось для него бедой.

* * *

Если кто-то из ваших близких скончается ночью, вы можете увидеть бегущие перед вами огоньки, которые, как бы вы ни старались их догнать, не становятся ближе.

* * *

Смерть ростовщика или богатого человека, жестоко относившегося к беднякам, всегда сопровождается грозой, ливнем и молниями. Они утихнут только тогда, когда покойник покинет свой дом. И редко людям, бодрствующим у ложа такого умирающего, удается с первого раза зажечь свечи у его постели.

* * *

Есть верное средство не встретить покойника на своем пути: надо проститься с ним целованием до того, как его положат в гроб.

* * *

Говорят, что в Нижнем Корнуайе, чтобы дать силу и долгую жизнь болезненным детям, их приводят молиться и проститься целованием с умершим ребенком.

Бдение у ложа умирающего

Бдение у ложа умирающего называется анн но-вей — *ann noz-veil*.

* * *

Есть избранные, которым дано знать заранее, когда в округе будет анн но-вей.

Мой свекор был из их числа. У него была палка из красного терновника, которую он называл «мой ночной товарищ». Это был прочный пенн-баз (посох), который закреплялся на запястье, как все пенн-базы, с помощью кожаного ремня. Когда свекор возвращался домой, он обязательно вешал свою палку на гвоздь за шкафом. Так вот, дня за два-три до того, как ему предстояло бдение у какого-нибудь умирающего в квартале, посох из красного терновника начинал раскачиваться — сначала медленно, а потом все быстрее — между стеной и шкафом, ударяя их по очереди.

Когда палка ударяла шкаф, слышалось — *док.* Когда она стукалась об стену, слышалось — *дик.* Можно было подумать, что это тикают часы или, еще точнее, колокол тихо отзванивает отходную. Это самое *дик-док, дик-док* иногда продолжалось полчаса. Мы холодели от страха. Но свекор говорил спокойным голосом: «Не обращайте внимания! Это

просто *анн но-вей* приближается».

* * *

Раньше, когда человек умирал, хозяйка дома сразу же принималась мастерить траурные повязки для разговения после бдения возле кровати умирающего, в котором принимали участие родственники, друзья, соседи — хотя бы по одному человеку ото всех, кто был связан с умершим. Мне приходилось видеть, как на таких «бдениях» было человек пятьдесят, а то и больше.

Час за часом следовали «помилуй» — общие молитвы; самые уважаемые люди соперничали, кто больше знает и прочтет молитв, гимнов на бретонском языке, псалмов. Были среди них такие, которые читались по полчаса без передышки, и скороговоркой, как можно быстрее, выговаривались самые длинные и менее известные.

* * *

В округе Дуарнене бдения у ложа умирающего всегда сопровождаются едой, обычно обильной, которую подготавливают к полуночи. Есть поверье, что мертвый участвует в этой траурной трапезе, для него обязательно ставится прибор. Если он не получит такого последнего причастия, у него не станет сил в ином мире, чтобы дождаться указанного ему срока.

* * *

В округе Роспроден во время бдения, когда наступает время полуночной трапезы, людям, которые находятся у ложа умирающего, подают хлеб и мед. Считается, что запах меда особенно сладостен для души умершего. Часто можно заметить маленькую мушку, не похожую на тех, что водятся в наших краях, которая вылетает из полуоткрытого рта умершего и садится на краешек миски с медом. Люди верят, что это душа усопшего запасается пищей, прежде чем отправиться в путь к указанному ей месту. Вот почему принято оставлять миску с медом открытой на всю ночь.

* * *

Пока умерший еще не положен в гроб, нужно оставить открытым один из выходов из дома, особенно если в дверях нет маленького полукруглого отверстия — «кошачьего окошка», как оно называется, или дырочки в оконных рамах, которые бывают даже у заботливых хозяев. Иначе, говорят, душа покойного будет крутиться в жилище, пока в семье не случится еще одна смерть.

* * *

Нельзя оставлять при себе свечу, горевшую у изголовья покойного, после того как вынесли гроб. Если по случайности ее зажгут потом для какой-нибудь надобности, покойник не замедлит снова устремиться к дому. Вот почему ее полагается принести в церковь, даже если от нее остался небольшой огарок.

Бдение у ложа священника

Эту дату я помню всегда: двадцатое февраля. Я сидела у постели викария, достойного священника, умершего тем утром. Со мною было еще несколько человек — плотник Фанш

Савеан и старая пряха Мари-Синтия Корфес. Покойный сидел в кресле, одетый в самое красивое свое облачение. Лицо у него было спокойное, можно сказать, улыбающееся. Мы тихонько читали молитвы, каждый про себя.

Тишина и неподвижность нагоняли сон. Опасаясь и в самом деле задремать, я предложила Фаншу и Мари-Синтии «помилуй» вместе, чтобы помочь друг другу не заснуть.

Плотник сразу согласился, а старушка-пряха, которая никогда не соглашалась с другими, предпочла сесть в сторонке, у очага, чтобы продолжить свои молитвы одной.

Савеан и я остались рядом с покойником. Я принялась за поминальные молитвы, плотник мне вторил.

Вдруг жестом руки он призвал меня замолчать и прислушаться. Я насторожилась.

— Слышите? — спросил он меня.

Я услыхала тихий, нежный звук — серебристый и легкий-легкий!.. Как *дринь-динь-динь* далекого колокольчика, махонького колокольчика с чистым, как стекло, звуком, звеневшего где-то в полях, за много лье отсюда. Это продолжалось несколько секунд.

А потом зазвучала чудесная музыка, казалось, она исходила от стен, пола, от мебели — со всех сторон. Ни Савеан, ни я, никогда мы не слышали такой нежной мелодии. Савеан смотрел по сторонам, стараясь понять, откуда она идет, но ничего не увидел.

Музыка прекратилась, я вернулась к прерванным молитвам, и вдруг снова раздался какой-то звук. На этот раз это было долгое монотонное жужжание. Можно было подумать, что целый пчелиный рой влетел в комнату и вьется от одной стены к другой, ища место, где зависнуть,

— Это невозможно, — проговорил Савеан, — верно, здесь где-то шмели.

Он взял одну из свечей, что горели рядом с покойным, поднял ее над головой и осветил комнату. Но сколько ни шарили мы глазами по углам и закоулкам, мы не обнаружили и тени хотя бы какой-нибудь мухи.

Между тем жужжание продолжалось, то пронзительнее, слышнее, то тише — неясное, едва различимое.

Мы с Фаншем снова уселись и долгое время смотрели друг на друга в задумчивости. Нам не было страшно, но мы были смущены этими странными вещами.

Внезапно раздавшийся голос Мари-Синтии заставил нас подскочить:

— Хотите, идите сюда, погрейтесь. А я вас сменю возле покойного.

Мы спросили, не слышит ли она что-нибудь. Она ответила, что нет. И в этот момент мы тоже перестали слышать.

Бдение по Лону

Когда скончался Лон Анн Торфадо, прозванный так, потому что всю свою жизнь только и делал, что пользовался предписаниями Оллье Амона, дурного клерка, его жена понапрасну приглашала соседей прийти на погребальное бдение у тела своего мужа.

— Однако, — говорила она себе, — не хочу я сидеть одна у тела этого нечестивца. Очень боюсь, как бы не сыграл он со мною еще более гадкую шутку, чем при жизни.

А было это в субботу вечером. И хотя время было уже довольно позднее, жена Лона Анн Торфадо пошла в село. Она думала: «Найду в харчевне трех-четырех типов вроде Лона, для которых не найдется лучшего, чем посидеть с ним его последнюю ночь. Пообещаю им для приманки вволю сидра и крепкого вина».

Как она предполагала, так и вышло.

В харчевне, которую теперь держит семья Лажат, та, что при входе в село, целая толпа пьяниц с шумом резалась в карты.

Жена Лона переступила порог и сказала:

— Найдется ли здесь среди мужчин четыре добрых христианина, способных оказать

мне услугу?

— Найдется, — ответил один из пьяниц, — только смотря какая услуга.

— Нужно посидеть у тела моего мужа, который только что скончался. Обещаю сидра и крепкого вина вдоволь.

— Это хорошо, ребята, — сказал тот же мужчина, обращаясь к своим приятелям. — Кабатчик собирается нас выгнать, как пробьет девять часов. Пойдем за этой женщиной. Продолжим игру у нее, а выпивка будет нам бесплатно.

— Пошли! — закричали остальные.

Жена Лона вернулась домой с четырьмя полупьяными парнями, горланившими по дороге песни.

— Ну вот мы и пришли, — сказала она, распахивая дверь. — Только прошу вас — не шумите так, все- таки покойник в доме.

Покойник был там, он лежал на столе в кухне. На него набросили хлебную скатерть, единственную приличную вещь в доме. Лицо его, однако, было открыто.

— Э! — вскричал один из «свежеиспеченных» сидельцев. — Да это Лон Торфадо!

— Да, — ответила вдова, — он скончался после полудня.

Она подошла к буфету, достала оттуда стаканы и бутылки, расставила все на прикроватной скамье и сказала мужчинам:

— Пейте вволю, а я пойду лягу.

— Да, да, можете доверить Лона нашей охране, мы ему не дадим смыться.

Когда женщина вышла, мужчины уселись за стоявший возле покойника маленький столик, на котором горела свеча и стояла тарелка с мокнущей в святой воде веткой самшита.

Я еще вам не назвала их имен. Это были Фанш Враз из Керотре, Люш ар Битуз из Минн-Камма и два брата Троадек из Керелгина. Все — мужчины решительные и беззаботные, на которых даже присутствие трупа впечатления не производило.

Фанш Враз вытащил из кармана куртки колоду карт, с которой он никогда не расставался.

— Начинай! — скомандовал он Гийому Троадеку.

И пошла игра.

Прошел час, они играли, пили, сквернословили.

Когда парни пришли, они были пьяны только наполовину; теперь они уже совсем опьянели, за исключением младшего Троадека. Этот был чуть совестливее остальных.

— Эй, ребята, — сказал он, — все же это не очень хорошо, что мы здесь творим. Не пришлось бы нам раскаяться за наше отношение к покойнику? Мы даже и одной молитвы по нему не прочли, за упокой его души.

— Хо-хо! — разразился насмешливым хохотом Люш ар Битуз. — Душа Лона Анн Торфадо! Да если бы она у него и была когда-нибудь, она предпочла бы играть в карты и пить с нами, чем слушать «Де профундис».

— Черт побери, это точно, — подтвердил Фанш Враз. — Отъявленный гуляка был этот Лон. Уверен, каким бы мертвым он ни был, предложи ему партию — не отказался бы.

Не говори таких вещей, Фанш!

— Ну давай посмотрим!

Подкрепляя слова действием, Фанш перетасовал карты и, поскольку его очередь была сдавать, раскинул их не четверых, а на пятерых.

— Старина Лон! — крикнул он. — Я сдал и тебе.

И здесь произошло что-то ужасное.

Мертвый, чьи руки были сложены на груди, медленно протянул свою левую руку к столу с игроками, положил ее на карты, ему предназначенные, поднял их к своему лицу, как будто рассматривая, и затем уронил одну из карт — а в это время какой-то громкий голос прорычал трижды:

— Пики козыри, будь я проклят! Пики козыри! Пики козыри!

Наши молодчики, сначала оцепеневшие от ужаса, быстро нашли дверь. И Фанш Враз,

несмотря на все свое фанфаронство, не был последним. Они бросились в темноту, не разбирая дороги. До самой зари они плутали в полях, словно обезумевшие быки. Когда на рассвете они наконец вернулись в свои дома, у каждого шею покрывала смертная бледность. Фанш Враз умер через неделю. Остальные смерти избежали, но целый год их трепала таинственная лихорадка, от которой они смогли излечиться, только погрузившись в воду источника Сен-Гонери.

Открытая дверь

Это произошло в Лескаду, в старом замке с тем же именем, на границах Пенвенана и Плугьеля.

У смертного ложа хозяина дома, некоего Ле Грана, скончавшегося в тот день, сидели и молились люди. Сначала это были слуги, мужчины и женщины, потом несколько соседей и соседок, пришедших по обычаю.

Агония Ле Грана сопровождалась странными вещами. Когда он умирал, в одной из ниш зала билась собака, неистово рыча. Когда к ней подошли, чтобы угомонить, выяснилось, что она обгорела, от ее обожженного тела шел адский запах. Собака сдохла, как только ее хозяин испустил дух. Все увидели в этом странное совпадение.

Едва скончались и человек, и собака, как поднялась страшная буря. Шквальным порывом скирду соломы унесло со двора почти на двести метров в луга, старый тис треснул от вершины до корней.

Люди, находившиеся в доме умершего, долго обсуждали все это между собою. Вдруг они умолкли. Широко распахнулась дверь. Все ждали, что сейчас кто-то войдет... Но в дверь лишь дул ветер.

— Закройте сейчас же эту дверь, — приказала одна из женщин слугам.

Поднялся один из мужчин, захлопнул дверь и вернулся на свое место возле очага. Но не успел он усесться на свою лавку, как дверь снова широко распахнулась.

— Экий неловкий! — воскликнул кто-то. — Сразу видно, что никогда не бывал в Париже.

— Но клянусь, я ее закрыл, — возразил мужчина.

И он снова пошел закрывать дверь, стараясь в этот раз толкнуть ее посильнее, чтобы она плотно вошла в проем.

— Все, если и теперь она откроется, вы не сможете сказать, что я виноват, — пробурчал он, возвращаясь в атрий.

— Или ты тупица, или эта дверь заколдована, — заметил другой слуга, — смотри, она еще шире раскрылась, чем раньше.

— Ну так иди и закрой ее сам, а я больше не пойду!

— Ну а я закрою, будь там хоть сам дьявол!

Этот второй слуга был парень кряжистый, с руками, как у борца. Он крепко сжал руками створку двери, заставил ее повернуться на петлях и подпер ее обоими своими плечами.

— Спорим, — сказал он, — что никакие ветры в мире ее больше не откроют.

Он не успел договорить, как дверь ударила его по спине, и все увидели, как он упал на пол, в двух шагах от нее.

Он поднялся, весь в синяках, и разразился бранью:

— Тысяча проклятий, кто осмелился открыть эту дверь?

Все услышали ехидный смешок и голос, проговоривший:

— Ты же хвалился, что закроешь ее, даже если сам дьявол будет за ней?

Слуга был напуган, но не хотел подавать виду.

— Я спрашиваю, кто осмелился открыть эту дверь!? — повторил он.

— Я, — ответил голос тоном таким сухим, таким жестким и таким гневным, что слуга

больше не настаивал, да и не мог. Ему показалось, что огненное дыхание лизнуло его лицо. Его ужас был тем более сильным, что он никого не видел. Бледный, он поспешил затеряться среди присутствующих на бдении, которые и сами-то дрожали от холодной лихорадки — лихорадки страха.

Часы в доме медленно пробили полночь.

И когда прозвучал двенадцатый удар, все свечи у ложа умершего разом погасли сами собой.

Никто из присутствующих не осмелился их снова зажечь, и труп оставался в глубокой тьме. Только слышалось временами, как хлопают простыни на ветру из-за открытой двери, словно выстиранные холсты, расстеленные под небом на луговой траве.

С полуночи до зари люди, сидевшие у смертного ложа, не произнесли ни слова. И ни одна молитва больше не была прочитана. Все сидели по углам друг против друга, освещенные лишь углями, тлевшими в очаге, и мерцанием коптящей смоляной лампы. Стараясь руками закрыть глаза и уши, все с нетерпением ждали рассвета.

Похвала умершему

Во многих районах финистерского Корнуайя еще и сейчас сохраняется обычай произносить хвалу умершему человеку. Такие речи — это специальность главным образом женщин: нищих старух, старых прядильщиц, проходящих странниц.

В начале общего бдения у ложа умершего, когда вокруг него уже собрались все родные, женщина, которой поручено импровизировать похвалу покойнику, берет слово. Она усаживается у подножия кровати, глаза ее прикованы к мертвому. Медленно и протяжно перечисляет она главные события жизни усопшего, особенно подчеркивая, что он «никогда не чинил несправедливостей себе подобным», и заканчивает восхвалениями его скромных добродетелей, напоминая, что он был хороший муж, хороший отец и добрый работник.

Она не упустит ни одной подробности, чтобы показать, как он исполнял свою работу. Так, старая Анриетта Данзе из Одиерна, которая должна была восхвалить юношу по имени Эрве Масон, зарабатывавшего свой хлеб бегая по чужим поручениям, рассказала об этом следующим образом:

«Он был всегда готов, если возникала нужда в его услугах. Сообщить ли кому-нибудь о рождении или кончине или выполнить любое другое поручение — он никогда не отказывал. Он отправлялся в любой час дня и ночи. Постоянно, для того или для другого, он шагал по дорогам Мыса (мыса Сизён). Не было лучшего ходока, чем он, и посланника более надежного и более скромного. С ним можно было быть спокойным: он ничего не забывал и все выполнял очень точно. Его честность была бесподобна. Ему можно было доверить все, что угодно, и даже деньги. Вы не увидели бы его в кабаках, пьяным и оставляющим свои заработанные деньги в канавах вдоль дорог, как это делают другие. Никогда он не брал за свои услуги сверх того, что ему были обязаны. Короче, он был честен во всем, что касалось его ремесла. Поэтому попросим Господа, чтобы он дал ему местечко в раю».

Часто «восхвалительница», или, как ее обыкновенно называют, «проповедница», берет в свидетели истинности своих слов присутствующих на бдении. Или они сами вдруг перебивают ее, чтобы подтвердить ее слова:

— Это так... Чистая правда...

Конечно, эти деревенские надгробные речи в чем- то похожи на все панегирики такого рода: было бы излишне думать, что они всегда сияют искренностью.

— Надо немножко навести на них красоту, — говаривала Анриетта Данзе.

ГЛАВА VIII
ПОХОРОНЫ

В Плестен-ле-Грев во времена моего детства покойников везли на кладбище на повозке, правил ею приходский священник. Эта была повозка типа обычной телеги, вроде тех, в которых возят зерно на рынок или навоз на поля. Но для этого случая ее особым образом обустраивали. Например, укрепляли с двух сторон согнутые дугой ивовые ветви, чтобы получился навес над гробом. На эти дуги натягивали белую ткань, и лошадей или быков, впряженных в повозку, тоже покрывали тканью, как попоной.

* * *

В наше время мертвых на кладбище уже не возят на повозках, за исключением нескольких кантонов Нижнего Корнуайя. В коммунах, где нет похоронных дрог, их несут на руках заранее назначенные люди — иногда самим умирающим. Эти люди должны быть того же положения и звания, что и покойник: женатых должны нести женатые, молодых — молодые, крестьян — крестьяне, моряков — моряки.

* * *

Нельзя погонять кнутом лошадей, впряженных в похоронные дроги. Если они остановятся, надо ждать, пока они сами снова не двинутся в путь, во всяком случае, подгонять их можно только словами и очень ласково.

И нельзя дважды нести гроб по мосту — мост может обвалиться.

* * *

Нельзя ни за что усаживаться у окна или на пороге дома и смотреть на проходящую мимо похоронную процессию: может показаться, что вы поддразниваете умершего, мол, мы-то остаемся здесь, а ты уходишь. Мертвый за это обязательно отомстит.

Единственный способ оказать ему уважение и не вызвать обиды — это выйти на дорогу, преклонить колена и опустить голову, пропуская кортеж.

Опустевший дом

Никогда нельзя оставлять дом пустым во время похорон, в противном случае умерший, которого, как все полагают, провожают на кладбище, останется его сторожить.

Мясник из Куэнака должен был деньги за теленка фермерам из Клоара. Субботним утром, проезжая неподалеку от фермы, он решил: «Ну-ка, сделаю крюк и улажу свои дела со старой Ларидон». Наик Ларидон — это было имя старой хозяйки фермы, которую она держала вместе со своими двумя сыновьями.

Сказав это, он отправился по дороге на ферму. Войдя во двор, он с удивлением увидел, что никого нет. «В поле они, что ли?» — подумал он. Даже дверь дома была, против обыкновения, закрыта. Он все- таки решился поднять задвижку, дверь отворилась, и мясник вошел в кухню. Здесь было так же тихо и пусто, как и во дворе.

— Эй, — крикнул он, — здесь что, все умерли, что ли?

— И правда, вроде того, — ответил ему надтреснутый голос, в котором он узнал голос старой Ларидон.

В помещении было темно, и мясник спросил:

— Вы где, Наик?

— Да здесь, у очага, мясник.

Он подошел ближе и действительно увидел старуху, выгребавшую золу из очага маленькими железными вилами, которыми в деревнях пользуются, чтобы подбрасывать в огонь хворост.

— О, вот хорошо! — снова заговорил мясник. — У меня дельце до вас. Я принес вам деньги за вашего теленка, пересчитаете? Четыре экю, если мне не изменяет память.

— Да, да, положите там, на стол.

— Как скажете... Здоровья вам, Наик, и до встречи, — я спешу.

— Вот мы с Божьей помощью и повидались, мясник!

Никогда ему не приходилось видеть старуху такой покладистой. Она даже не двинулась с места, чтобы убедиться, что деньги лежат на месте, и это она, которая всегда требовала, чтобы ей дали еще сверх того, что были должны. С этим мыслями мясник вышел на дорогу. И в этот момент он увидел людей в трауре, которые двигались из села по направлению к Клоару. Среди них были оба брата Ларидоны. Мясник остановился, пропуская их, и поздоровался.

— Никак чьи-то похороны сегодня? — спросил он.

— Да, — отвечал печально старший Ларидон.

— Кто-то из ваших близких? Так вот почему ваша матушка с таким озабоченным видом сгребала золу. Ей даже не захотелось пересчитать деньги, которые я принес за теленка.

Братья Ларидоны смотрели на него с изумлением.

— Наша матушка, говорите? Вы разговаривали с нашей матерью?

— Ну да. А что в этом такого особенного? Что вы так на меня смотрите?

— Но мы ее только что похоронили!

Теперь уже мясник вытаращил глаза.

— Да, но я ее видел, ну вот как вас сейчас! — заявил он.

И тогда стоявшая рядом служанка Ларидонов сказала им:

— Я же вам говорила... Нельзя было оставлять дом пустым... теперь покойница не уйдет из него, пока солнце не сядет.

Ларидоны и все, кто был с ними, остались ждать этого часа, чтобы вернуться к себе в дом. Когда они вошли в кухню, умершей там уже не было, но деньги мясника лежали на столе, а вилы для хвороста были положены поперек кучки золы на камне возле очага.

* * *

Нельзя находиться на кладбище ночью — случится несчастье. Если уж по какой-то причине придется через него проходить, это можно сделать в крайнем случае, но только в нечетные часы — в девять, в одиннадцать и т. д.

* * *

Священное дерево бретонских кладбищ — это тис. Обычно на кладбище есть только одно тисовое дерево. Говорят, его корни растут из рта каждого похороненного здесь покойника.

* * *

Как только покойника похоронят и еще не начнется его первая ночь на кладбище, последний из тех, кто был погребен перед ним, подходит к его могиле и говорит ему: «Поднимайся. Твоя очередь сторожить».

И он должен встать и занять пост перед воротами кладбища до тех пор, пока какой-нибудь новый усопший в приходе его не заменит, поскольку всегда эту работу выполняет последний пришедший.

Таких сторожей на кладбище всегда двое: мужчина сторожит мужчин, женщина — женщин. Всю ночь они находятся друг против друга, по обе стороны кладбищенских ворот.

Мон Оливье из Камлеза, возвращаясь как-то после жатвы из Керэма, увидела, проходя

мимо кладбища, мужчину и женщину. Они сидели, прислонясь спиной к столбам ворот, и, казалось, прятались от нее. Она подумала, что это влюбленная парочка, которая назначила здесь свидание, чтобы их никто не увидел. Она решила подшутить над ними и крикнула им: «Ну и странное же местечко вы выбрали, молодые люди!» Но в ответ она услышала голос, от которого бросилась бежать: «Идите своей дорогой, вот переберетесь сюда, тогда и будете соваться в здешние дела!»

Девушка и саван

Это произошло в окрестностях Морлэ, не помню, как называлось это местечко. Там был кабачок, который держали муж с женой. Была у них молодая служанка, девушка веселая, всегда готовая пошутить и посмеяться.

Как-то вечером пришли в кабачок поужинать двое местных парней. Они пригласили выпить с ними хозяина и хозяйку. Сначала, как водится между знакомыми, они поболтали, а потом предложили сыграть в картишки. Хозяева согласились.

За игрой время бежит быстро. Вдруг парни с удивлением услышали, что пробило одиннадцать часов. А им до дому идти было не менее лье, да еще по плохой дороге.

— Черт возьми! — воскликнул один из них. — Придется нам отправляться в путь в недоброе для христианина время... Что скажешь, Жак?

— Да, Фанш, — ответил другой, — нехорошо топать по тропинкам в такой час, меня это не радует.

— Так в чем дело? — вмешалась хозяйка. — Оставайтесь ночевать!

И тут-то раскричалась служанка. Будет, мол, она еще заниматься приготовлением им постели, вместо того чтобы отправиться в собственную.

— Нет, вы только посмотрите на них! — говорила она насмешливо. — Оба молодые, здоровые, с крепкими кулаками, — и боятся идти ночью!.. И это о вас идет слава, что вы самые непобедимые в драках? А теперь я вижу, что это всего лишь слава!

— В драке, — отвечал Жак, — силой меряются с живыми. Их-то я не боюсь.

— А, так это вы мертвых боитесь? Да вы смеетесь надо мной? Успокойтесь. Мертвым хорошо там, где они есть. Они-то к вам цепляться не станут.

— Это не раз случалось, — сказал Фанш.

— Да, да, кумушкины россказни!

— Не говорите так, Катик, — произнесла хозяйка, которой не понравилось неверие служанки. — Вы накличете беду.

— Да уж слава Богу, меня этими глупостями не испугаешь! Я бы через кладбище прошла, как по большой дороге, и в любой час, что ночью, что днем!

Тут оба молодых человека закричали разом:

— Это на словах, а попробуй-ка на деле!

— Да хоть сейчас, коли хотите! — ответила им Катик: ее самолюбие было задето. — Давайте! Кладбище недалеко, только дорогу перейти! Спорим, что я трижды обойду вокруг церкви, с песней и не ускорив шага!

— Несчастная! Вы что, хотите нарваться на Анку?

— Нет, я просто хочу показать этим двум тупицам, что я — всего лишь женщина, а смелости у меня побольше, чем у них.

— Согласны, спорим, — отвечали Жак и Фанш, которым не очень-то понравилось, что их назвали тупицами. — Спорим, и будь что будет.

— Тогда пошли все за мной. Останетесь на ступеньках ограды и будете оттуда смотреть, чтобы все было без обману.

— Я, — заявила хозяйка, — никуда не пойду. Это все против воли Божьей!

Но ее муж пошел вместе с молодыми людьми. Все трое поднялись на ступеньки кладбищенской ограды и остались снаружи. А служанка Катик вошла внутрь и двинулась к

церкви по песчаной дорожке между могилами.

Ночь была светлой, всходила луна.

Дойдя до церкви, Катик начала ее обходить, шагая размеренным шагом, как во время крестного хода. Слышался ее голос, чистый и свежий, как вода из источника, она пела красивый церковный гимн: «Слава тебе, Царица Небесная...»

Так она сделала первый круг, потом второй.

Хозяин кабачка сказал парням:

— Ну все, считайте, что она выиграла пари. Пойдем пропустим по стаканчику до ее возвращения.

И они вернулись в харчевню.

Катик тем временем начала третий круг.

Когда она проходила перед порталом церкви, она увидела, что центральная дверь широко открыта. Катик украдкой заглянула внутрь церкви. В нефе стоял катафалк, как это бывает в дни похорон или во время панихиды, а на катафалке был расстелен саван. Вокруг горели свечи в больших серебряных шандалах.

Катик тут же решила: «Это Жак и Фанш с досады вздумали меня напугать: зажгли свечи, бросили простыню на катафалк...»

Она тут же схватила простыню, быстро завершила круг и вернулась в харчевню.

— Вот вам ваша простыня. Я — стреляный воробей!

Хозяин и оба парня переглянулись, им показалось, что Катик помешалась.

— Не делайте удивленного вида, — сказала она им, — это же вы бросили полотно на катафалк и зажгли свечи. Меня на такую удочку не поймаешь.

— Катик, — ответил хозяин, — мы не только не были в церкви, но и на кладбище-то не входили.

— Увидите, это все плохо кончится! — отозвалась со своей постели хозяйка — она уже легла спать. — Ложитесь-ка рядом со мною, Катик, а завтра, послушайтесь меня, пойдите исповедуйтесь.

Хозяин кабачка увел молодых людей в свою комнату; Катик улеглась вместе с хозяйкой.

Ни та ни другая не могла заснуть. Всякий раз, когда Катик натягивала на себя одеяло, невидимые руки раскрывали ее. Она начала раскаиваться в своей проделке. С нетерпением ждала она утра. Как только рассвело, она поднялась и побежала в церковь. Ректор стоял в ризнице, натягивая стихарь к утренней мессе.

— Святой отец, — умоляюще сказала Катик, — исповедуйте меня поскорее.

Священник заставил ее преклонить колена здесь же, в ризнице. Она рассказала ему, не упуская ни малейшей детали, о том, что произошло ночью.

— Какой был час, дочь моя, — спросил он, — когда вы заметили открытую дверь?

— Полночь или около полуночи.

— Тогда приходите и сегодня в полночь на то же место. Принесите саван и захватите иголку и клубок толстых ниток. Расстелите саван на катафалке...

— Я не смогу, святой отец, я боюсь...

— Надо, дочь моя. Вы увидите, как на саван уляжется мертвец...

— Ой!

— И вы тотчас же завернете тело в саван и зашьете его.

— Я боюсь, господин ректор, лучше умереть...

— Не говорите этого, Катик. Если вы умрете теперь, вы будете осуждены навечно. Вчера надо было бояться, тогда вам нечего было бы бояться сегодня. Но не трусьте, вы не будете совсем одна — я буду рядом с вами.

— Спасибо, господин ректор!

— Постарайтесь шить быстро, очень быстро. Когда останется сделать три-четыре стежка, вы скажете громко, так чтобы я мог услышать: «Я закончила». Не забудьте это сделать — это главное!

— Я сделаю все точь-в-точь, господин ректор!

Незадолго до полуночи Катик была в церкви. Как и накануне, в центре нефа стоял катафалк, а в больших серебряных шандалах тлели свечи.

— Господи, Господи, помоги, — прошептала бедная девушка, — дай мне силы!

Она развернула принесенную с собою простыню и аккуратно разложила ее на катафалке. И только тогда она заметила, что простыня была ветхой и пахла тленом, а вместо нитей по швам ползли черви.

Едва только ткань была развернута, как Катик увидела наполовину истлевший труп. Он взобрался на катафалк и улегся на саван.

Катик сразу же подхватила ткань за края и принялась их сшивать.

Ректор находился здесь же, он ждал, закрывшись в исповедальне.

Время от времени он спрашивал: «Скоро ли, Катик?»

— Нет еще, — отвечала она.

И вдруг она вскрикнула: «Я закончила!»

— Господь да сохранит вас! — произнес священник.

И он быстро вышел из церкви.

На пороге он обернулся и сказал: «Ну а теперь вам объясняться с мертвым один на один».

Закон таков, что солнце восходит даже при самых худших обстоятельствах. Когда наутро церковный сторож пришел, чтобы отзвонить «Анжелюс»[30], он обнаружил катафалк посреди церкви, хотя он твердо помнил, что накануне задвигал его в один из боковых нефов. Рядом с катафалком были раскиданы останки бедного молодого тела, на плитах пола виднелись пятна крови, даже капители колонн были ею забрызганы. Сторож бросился к дому священника. Он рассказал ректору о том, что увидел.

— Слава Богу, — сказал священник, — идите к хозяевам Катик и сообщите им, что она мертва, но скажите от моего имени, что она спасена.

История одного могильщика

В те времена могильщиком в Пенвенане был старик Поэзевара. Все называли его не иначе как Поаз-коз. Как ни стар он был и хоть и «пропахал шесть раз все кладбище» — по шесть покойников положил в каждую могилу[31], — он мог бы вам сказать с точностью до дня, с какого времени тот или другой лежит в земле и даже на какой глубине. Короче, трудно было бы найти такого сведущего могильщика. Он просматривал насквозь закопанные им ямы. Священная земля кладбища была для него прозрачна, как вода.

И вот однажды утром ректор велел его позвать.

— Поаз-коз, только что скончался Маб ар Гвенн. Я думаю, что вы можете ему выкопать могилу там, где пять лет тому назад был похоронен старший Ропер. Как вы считаете?

— Нет, господин ректор, нет!.. В этом месте трупы хранятся подолгу. Я знаю моего Ропера. Сейчас червь только начал свою работу в его внутренностях.

— Тем хуже! Уладьте дело! Семья Маба ар Гвенна очень хочет, чтобы он был похоронен в этом месте. Ропер там уже пять лет, пусть уступит очередь другому. Это справедливо.

---

30 «Angélus Domini» («Ангел Господень», (*лат.*) — католическая молитва, которая читается трижды в день и сопровождается колокольным звоном, который тоже носит название «Анжелюс» *(фр.).*

31 На приходских кладбищах в Бретани, территория которых ограничена оградой и никогда не увеличивается, принято через определенное количество лет выкапывать из старых могил кости и затем хранить их в оссуариях — здесь же, на территории прихода, а могилу используют для других захоронений.

Поаз-коз ушел, качая головой. Не он распоряжается, он обязан подчиняться, но он был недоволен. И вот его кирка тронула землю. Скоро могила была почти на три четверти раскопана.

«Еще немного, — сказал про себя Поаз, — и, если я не ошибаюсь, я задену гроб».

И он в сердцах ударил киркой так, что не только задел гроб, но пробил его. Гниль брызнула ему в лицо. Он обругал себя за то, что ударил так сильно.

— Но Господь мне свидетель, — прошептал он, — я не хотел задеть бедного Ропера! Я сделаю так, чтобы его не слишком потревожило соседство Маба ар Гвенна.

Добрый могильщик потратил два часа, раскапывая яму так, чтобы оба гроба расположились там удобно и чтобы гроб Ропера оказался в укрытии. Сделав это, он почувствовал, что на душе стало полегче, но не до конца. Сама мысль о том, что можно так грубо обращаться с умершим, расстраивала его. В этот вечер он поужинал без всякого аппетита и улегся спать раньше обычного.

Поаз уже видел первый сон, как вдруг его разбудил скрип петель открывающейся двери.

— Кто там? — спросил он, садясь на постели.

— Разве ты меня не ждал? — прозвучал в ответ ему замогильный голос, который он тем не менее сразу узнал.

— Сказать тебе правду, Франсуа Ропер, я так и думал, что ты придешь...

— Да, я пришел, чтобы показать тебе, в каком состоянии ты меня оставил!

Луна стояла высоко, ее яркий свет освещал все в доме могильщика.

— Смотри, — продолжал призрак. — Так не обращаются с живыми, а уж тем более с мертвыми.

Он расстегнул свою длиннополую куртку. Поаз-коз прикрыл глаза: было от чего умереть от тошноты. Грудь Ропера была одной большой дырой, в которой торчали сломанные ребра, смешанные с какой-то зеленоватой грязью.

— Воистину, Франсуа Ропер, — умолял несчастный Поаз, — воистину прости меня!.. Я не так виноват, как ты думаешь. Я не хотел тебя трогать в твоей могиле. Я хорошо знал, что твое время еще не кончилось. Но я ведь только слуга. Когда ректор приказывает, я могу лишь подчиниться, чтобы не потерять мой кусок хлеба, ведь я слишком стар, чтобы найти другое занятие... И это впервые со мною случилось. Никогда ни один покойник еще не мог пожаловаться на меня: каждый на этом кладбище тебе скажет...

— Поэтому я и не держу на тебя зла, Поаз-коз. Тем более что ты сделал все, что мог, чтобы загладить обиду, которую ты мне невольно причинил.

Могильщик открыл глаза. Куртка на призраке была застегнута. Поаз-коз слушал его теперь без ужаса.

— Я вижу, — воскликнул он, — что и в ином мире ты остался лучшим из людей!

— Увы! — вздохнул Ропер. — Быть лучшим здесь — немногого стоит там.

— Разве ты не совершенно счастлив?

— Нет. Мне не хватает одной мессы. Я вот думаю, после того, что произошло, ты не откажешься заказать ее для меня и оплатить своими деньгами.

— Конечно, конечно не откажусь. Ты получишь свою мессу, которой тебе не хватает, Франсуа Ропер!

— Ты не дал мне закончить: надо, чтобы эту мессу отслужил ректор Пенвенана, сам, ты понял?

— Понял.

— Спасибо, Поаз-коз! — произнес призрак.

Это было его последнее слово. Могильщик видел, как он пересек деревенскую площадь и перешагнул через ограду кладбища.

На следующий день — а это было воскресенье — после проповеди в конце обедни ректор объявил, что во вторник на следующей неделе будет служба, «заказанная Поэзевара, могильщиком, за упокой души Франсуа Ропера из Кервиньу».

Наступил вторник. Ректор сам отслужил мессу, и в первом ряду среди прихожан стоял на коленях Поаз-коз. Я тоже там был, я, который вам это все рассказывает, мой стул касался стула могильщика.

Когда ректор направился в ризницу, Поаз толкнул меня локтем.

— Смотри-ка! — сказал он дрожащим голосом.

— Что?

— Ты что, не видишь, что кто-то входит в ризницу за ректором?

— Вижу.

— Не узнаешь?

И так как я не сразу узнал, кто бы это мог быть, Поаз-коз шепнул мне на ухо:

— Да это же Франсуа Ропер, несчастный, это Франсуа Ропер!

И правда, я тотчас же его узнал, как только Поаз назвал его. Осанка, походка, одежда, в точности — Франсуа Ропер. Я стоял оглушенный.

— Смотри, — сказал мне Поаз-коз, — там что-то еще случилось.

Действительно, когда ректор, сняв облачение, пересекал кладбище, чтобы побыстрее дойти до своего дома, он вдруг пошатнулся и упал замертво неподалеку от свежей могилы, где возле гроба Франсуа Ропера покоился Маб ар Гвенн.

ГЛАВА IX
УЧАСТЬ ДУШИ

Говорят, что священник, который служит панихиду во время похорон, в момент, когда гроб касается дна могилы, уже знает, спасена или погибла душа умершего. Так, если он сразу же закрывает требник, удаляясь от могилы, и спешит отпустить певчих, значит, делать уже нечего: покойник проклят.

* * *

В момент, когда священник бросает на гроб первый ком земли, он может видеть в своем часослове, какой будет судьба погребенного. Но ему запрещено открывать эту тайну под страхом того, что, если тот осужден на ад, он займет место покойника.

* * *

Есть доступное всем средство узнать, осуждена ли душа или нет.

Достаточно, уходя с кладбища сразу после похорон, пойти на какое-нибудь высокое и открытое место, откуда видны окрестные просторы. Оттуда, сверху, нужно трижды прокричать имя усопшего в три разные стороны. Если однажды эхо повторит это имя, значит, душа не осуждена.

* * *

Если цветы, положенные на смертное ложе, сразу же увядают, это означает, что душа осуждена; если они завянут только через несколько минут — значит, душа в чистилище, и чем дольше им нужно времени, чтобы увянуть, тем короче будет наказание.

* * *

Говорят, есть люди, которые по цвету дыма, поднимающегося над домом умершего, могут сказать, отправился ли этот умерший на небо, в чистилище

или в ад. Но чтобы знать это точно, достаточно обратиться:

1) к «Агриппе»;

2) или к мессе тридцатки — оферн дрантель *(ofern drantel).*

«Агриппа»

«Агриппа» — Это огромная книга. Если ее поставить, она будет ростом с человека. Листы ее красные, а буквы — черные. Чтобы она имела силу, она должна быть подписана самим дьяволом. Пока ею не пользуются, она хранится, закрытая на большой висячий замок.

Это опасная книга. Вот почему она не должна лежать под рукой. Ее подвешивают на цепь к самой мощной балке специально отведенной для нее комнаты. Балка должна быть не прямой, а витой.

Название этой книги — разное в разных местах. В Трегье ее называют «Агриппа»; в районе Шатолен — «Эгремон», или «Эгромус»; в окрестностях Кемпера — «Ар Виф»; на побережье Верхнего Леона — «Ан Негроман»; в Плуэска книгу называют «Книга Игромансри» — «Книга Теней».

* * *

Книга эта — живая. К ней обращаться с вопросом — страшно. Нужно быть сильнее ее, чтобы вырвать из нее ее тайны. Пока ее не покоришь, ничего не видишь, кроме красных страниц. Черные буквы появятся, только если применишь к ней силу, если обуздаешь книгу, как строптивого коня. Нужно биться с нею, и эта битва длится часами. Из нее выходишь весь в поту.

* * *

Человек, владеющий «Агриппой», может избавиться от нее только с помощью священника и только находясь при смерти.

* * *

В старину только священники могли владеть «Агриппой». Каждый имел свою. На следующее утро после рукоположения он, проснувшись, обнаруживал ее на своем ночном столике, и неизвестно, откуда она бралась и кто ее приносил.

Во время Великой революции многие духовные лица эмигрировали. И некоторые из «Агрипп» попали в руки просто грамотных людей, которые, обучаясь в школах, познали и искусство пользоваться ими. Они передали это знание своим потомкам. Этим и объясняется присутствие на некоторых фермах «странной книги».

Духовенство знает, сколько человек они избавили от «Агриппы» и кто из мирян ее держит при себе.

Один старый ректор в Пенвенане говорил:

— В моем приходе две «Агриппы», которые не знают, где им полагается быть.

Священник делает вид, что ничего не ведает, пока человек, владеющий книгой, жив. Но когда такой человек при смерти и к нему зовут священника, тот после исповеди умирающего говорит ему так:

— Жан, — (или Пьер, или Жак), — вы будете нести тяжкий груз на том свете, если не избавитесь от него на этом.

Умирающий спрашивает удивленно:

— Какой груз?

— Этот груз — «Агриппа», которая находится в вашем доме. Отдайте ее мне; иначе с этой тяжестью вам никогда не добраться до рая.

Редко когда умирающий тотчас же не пошлет достать «Агриппу». «Агриппа», которую

пытаются взять, сопротивляется домашним умирающего. Она устраивает настоящий шабаш на ферме. Но священник произносит заклинание и укрощает книгу. Потом он приказывает принести ему связку хвороста, сам зажигает костер: «Агриппа» сразу же обращается в пепел. Тогда священник собирает этот пепел, складывает его в мешочек и привязывает на шею умирающего:

— Пусть он будет для вас легок!

* * *

Ректор не может спать спокойно, пока хоть одна «Агриппа» в его приходе остается в руках прихожан или церковных служителей.

Необязательно быть священником, чтобы знать, что человек не духовного звания обладает «Агриппой». Человек, владеющий «Агриппой», издает особый запах. Он пахнет серой и дымом, потому что имеет дело с дьяволом. Вот почему все держатся подальше от такого человека.

И потом, он ходит не как все. Он медлит перед каждым шагом, боясь наступить на душу.

«Агриппа», которая все время возвращается в дом

Лойзо-гоз из Пенвенана имел «Агриппу» и очень ею тяготился; больше всего он хотел ее кому-нибудь отдать. Он предложил ее одному земледельцу из Плугьеля, тот согласился.

Однажды ночью по всей округе послышался страшный грохот. Это Лойзо-гоз тащил «Агриппу» за цепь в Плугьель.

Возвращаясь, Лойзо-гоз весело напевал. Он чувствовал, как на сердце ему полегчало. Но едва он вошел к себе, радости как не бывало: «Агриппа» занимала свое прежнее место.

Некоторое время спустя Лойзо-гоз разжег большой костер из терновника и бросил в него дурную книгу. Но пламя, вместо того чтобы охватить ее, от нее отступило.

— Если огонь ничего не может, попробуем воду, — сказал себе Лойзо-гоз.

Он потащил книгу на берег в Бугелес, сел в лодку, вышел в открытое море и бросил в воду «Агриппу», заранее привязав к ней несколько крупных камней, чтобы она сразу опустилась в пучину и там осталась.

«Все, — подумал он, — на этот раз мы распростились навсегда».

Он ошибался.

Когда он вернулся на берег, он услышал за собою звон цепи по гальке. Это «Агриппа» сбрасывала с себя последние камни. Лойзо-коз увидел, как она проскользнула мимо него, словно летящая стрела. Дома он снова нашел ее висящей на балке, как обычно. Обложка и листы ее были сухими. Казалось, морская вода ее даже не коснулась.

Лойзо-коз вынужден был сохранить при себе свою «Агриппу».

* * *

«Агриппа» содержит имена всех демонов и средства, с помощью которых их можно вызвать.

По ней можно узнать, осужден ли тот или иной умерший.

Священник сразу после похорон идет к книге. Услышав свои имена, тут же собираются все демоны. Священник спрашивает одного за другим:

— Ты взял душу такого-то?

Если все отвечают: «Нет», душа спасена.

Чтобы отправить демонов обратно, священник снова называет их по именам, но начиная с того, кто пришел последним, и так далее.

Кюре из Плюгюфанна

Невежи, берущиеся читать «Агриппу», или «Эгремон», или «Виф», жестоко платят за свою неосторожность.

Кюре из Плюгюфанна вошел однажды в ризницу, надеясь застать там церковного сторожа, который был ему нужен. В ризнице было пусто.

— Он должен быть где-то здесь, — сказал себе кюре, — вот его башмаки.

Он позвал:

— Жан! Жан!

В ответ — молчание.

В нетерпении кюре собрался уже уйти, как вдруг он заметил на столе свой «Виф», раскрытый на странице, где были записаны имена демонов.

— А! Понял! — вскричал он. — Жан, должно быть, вызвал дьяволов и не сумел отправить их обратно в ад. Лишь бы я не пришел слишком поздно!

Он начал поспешно произносить имена, начиная с последнего. Тотчас появился сторож: он уже совсем почернел, волосы на его голове были опалены.

Еще долгое время он не мог обрести дар речи, так велик был его ужас. А что он видел во время своего «путешествия», об этом никогда и никому он не сказал ни слова, даже жене.

Оферн драntель, месса тридцатки

В старину было принято отслужить по умершему тридцатку — тридцать погребальных служб. Двадцать девять первых месс священники служили в приходской церкви. Но тридцатую полагалось служить в часовне Святого Эрве на вершине Менез-Бре[32]. Именно эту мессу из тридцатки бретонцы называют «Анн оферн дрантель».

Ее служат в полночь. Читают наоборот, с конца.

На алтаре зажигают только одну свечу.

Все покойники этого года на ней присутствуют, и все демоны на ней появляются.

Священник, который шел служить эту мессу, должен был быть и очень ученым, и очень смелым. У подножия горы он снимал обувь и поднимался босым по склону, — так нужно, чтобы он стал «священником от земли». Он поднимался, держа одной рукой серебряную кропильницу, другой — размахивая кропилом и беспрестанно окропляя все вокруг себя святой водой. Нередко он едва мог продвинуться вперед, столько вокруг него теснилось душ усопших, жаждавших получить несколько капель святой воды и воспользоваться этой возможностью облегчить на мгновение свою участь.

Накануне священник приказывал принести в часовню мешок с семенами льна.

Завершив мессу, священник начинал вызывать демонов, стоя под порталом. Они сбегались, издавая дикое рычание. Это была страшная минута. Горе священнослужителю, если он потеряет голову! Он приказывал демонам умолкнуть и пройти перед ним один за другим. Каждый обязан был показывать свои когти, чтобы было видно, не попала ли к ним душа покойного, по которому служилась месса. Потом он отправлял их постепенно обратно, наделяя каждого одним зерном льна — демоны никогда не согласятся уйти с пустыми руками. Если он пропускал хоть одного, вместо зерна он был обязан отдать самого себя. Священник же стремится избежать вечного наказания.

---

32 Менез-Бре — холм на Арморианском побережье, входящий в цепь Аррейских гор, часть Арморианского массива. На вершине холма стоит часовня Святого Эрве.

ГЛАВА X
УТОПЛЕННИКИ

Когда ребенок рождается ночью и если ночь светлая, лунная, самая старая из женщин, принимающих роды, торопится занять место на пороге дома, чтобы видеть небо в момент появления новорожденного на свет. Если в это мгновение облака закроют луну, словно они душат ее, или если они наплывут на нее, словно собираясь охватить, это значит, что однажды жизнь бедного маленького создания закончится тем, что он или утонет, или будет повешен.

* * *

Тот, кто умирает насильственной смертью, должен оставаться между жизнью и смертью до тех пор, пока не истечет предназначенный ему естественный срок жизни.

Та, которая утонула

Мари Керфан, дочь моего крестного, утопилась в Сервеле. Когда нашли ее тело, глаза были уже съедены крабами. Родители пребывали в большом горе. Они очень любили дочь и очень удачно выдали ее замуж за хорошего человека. При жизни Мари в одном только могли они ее упрекнуть — в излишнем тщеславии. Незадолго до своей смерти Мари пришла к отцу.

— Батюшка, — сказала она ему, — мужу не нравится наша маленькая ферма, ему нужна побольше. Ферма Байоре свободна сейчас, одолжите нам тысячу экю, чтобы мы могли ее арендовать.

— Нет, — ответил мой крестный, — твой муж вовсе не стремится оставить вашу, вполне удобную ферму. Это все ты вечно держишь в голове тысячи разорительных выдумок. И я не хочу тебя в этом поддерживать, чтобы ты не скатилась прямиком в нищету.

Мари Керфан ни словом не возразила отцу, но ушла, побледнев от обиды на отца за отказ и сделанный им выговор.

Две недели спустя стало известно о ее смерти.

Родители даже не решились заказать мессы за упокой ее души, страшась, что она навечно осуждена[33].

Однажды ночью, когда старая Мак’Харрит, жена моего крестного, никак не могла уснуть, она услышала голос, шедший от прикроватной скамьи:

— Матушка, вы спите?

— По правде нет, — ответила Мак’Харрит, — это ты, дочка, со мной говоришь?

— Да, я.

— Зачем, несчастная, ты это сделала?

— Потому что отец не захотел помочь нам устроиться в Байоре.

— Мы все время об этом думаем. Но и ты была неправа, требуя лишнего.

— Не будем говорить об этом.

— Раз ты вернулась, значит, ты не проклята. Скажи же мне, как тебе там, в другом мире.

— Право слово, пока не на что жаловаться, благодаря тому, что Богоматерь меня дважды поцеловала, когда я утонула. Но скоро будет Божий суд.

Она не стала объяснять, что значили ее слова, а мать остереглась ее об этом спрашивать. Но покойница добавила:

— Попросите моего мужа от меня не жениться, пока не пройдет шесть лет. В это время

---

[33] Самоубийство считается смертным грехом, Церковь запрещает молиться за самоубийц.

он не будет настоящим вдовцом. Если он не дождется этого срока, он умножит мое наказание.

— Я скажу ему это, — пообещала Мак'Харрит. — А я могу сделать что-нибудь для тебя?

— Вот если бы вы могли умолить от моего имени Богоматерь Доброй Помощи из Генгама, чтобы она оставалась милостивой ко мне...

— Сделаю. А может быть, тебе понадобится что- то из дому?

— Мне ничего не нужно.

— Но ты же живешь, однако. Объясни же мне, что ты делаешь, чтобы жить?

— Видите, я одета в лохмотья. Это одежда, которую вы даете бедным. И я ем хлеб, который вы им раздаете.

Сказав это, она исчезла. Больше ее не видели. Наверняка ее душа была спасена, ведь ее мать исполнила свой обет перед Богоматерью Доброй Помощи, а ее муж ждал семь лет, чтобы снова обзавестись женой.

Чтобы найти тело утопленника, берут вязанку соломы или доску, на ней укрепляют деревянную ложку, наполненную опилками, и в опилки ставят освященную свечу и зажигают ее. Все это пускают на воду. Свеча плывет к месту, где лежит тело. Надо только поискать там, где свеча остановится.

* * *

Когда на море погибает экипаж судна, тело хозяина всегда находят последним.

* * *

Когда случаются кораблекрушения в заливе Дуарнене[34], море выносит тела утонувших в грот Алтарь возле Моргата. Их души пребывают в этом месте в течение восьми дней, прежде чем навсегда покинуть этот мир. Горе тому, кто нарушит их покаяние, проникнув в грот в это время, — там он и погибнет страшной смертью!

* * *

В штормовые ночи можно услышать с берега, как утонувшие зовут друг друга.

* * *

Когда рыбак погибает в море, к его дому прилетают чайки и кулики, они кричат и бьются крыльями в окна.

* * *

В Гельтра (остров Сен-Гильда), возле Пор-Блана, можно нередко видеть, как высаживаются утонувшие в море, которые приплывают набрать пресной воды. Они бредут молча друг за другом, впереди женщина, которая их ведет. Иногда, правда, слышно, как они тихо перешептываются между собой, но из этого разговора можно различить только одно слово: *йа!.. йа!.. (да!., да!..).* А вдалеке, словно в пелене облаков, виднеется их корабль.

---

34 Залив Дуарнене на крайнем западе Бретани, с изрезанной береговой линией, местами недоступной для судов, со множеством рифов, бурными и сложными морскими течениями, считается очень опасным для мореплавателей. Мрачное своеобразие этого побережья, частые кораблекрушения создали вокруг него мистический ореол, отразившийся и в кельтских, и в христианских представлениях бретонцев.

* * *

Когда рыбаки Треву-Трегиньека отплывают ночью на лов рыбы, они частенько видят руки утопленников, цепляющихся за борта баркасов. Женщины не касаются бортов руками, но на воде плавают их волосы, в которых запутываются весла.

Голова мертвеца

Мой отец, Ив Ле Флем, имел обыкновение по ночам ходить на морской берег искать обломки кораблекрушений.

Той ночью он взвалил на плечи свою сеть — он рассчитывал забросить ее возле Брюка и шел неторопливо в ту сторону. Вдруг его нога наткнулась на что-то звякнувшее и покатившееся с шумом по гальке.

— Что это может быть? — спросил он себя.

Он побежал за этим предметом, который все еще звякал по довольно крутому склону. Представляете, что он почувствовал, когда, схватив предмет, он увидел при свете фонаря, что это череп! Он сразу же отбросил подальше этот человеческий обломок. Но тотчас же над морем раздался вопль. В ужасе отец увидел, как ему показалось, тысячи рук, поднявшихся над водой. И одновременно невидимые руки пытались сорвать с его плеча сеть.

Он понял, что поступил плохо, не проявив уважения к останкам. К тому же он знал, что лучше не связываться с утопленниками. И вот он пустился искать череп. Но найти его было непросто.

Отец говорил себе:

— Если я его отбросил в море, то я погиб. Все эти руки, которые так отчаянно там машут, утащат меня с собою в пучину.

К великому счастью, голова мертвеца зацепилась за большой камень. Отец с благоговением отнес ее на то место, где она лежала до того, как он задел ее ногой. Благодаря этому отец вернулся домой живой и здоровый.

* * *

Кто себя вверяет морю, тот вверяет себя смерти. Значит, тот, кто умирает в море, умирает по собственной воле. Вот почему утонувшие, погибли они по собственной воле или нет, остаются нести покаяние в том месте, где они были поглощены пучиной, до тех пор пока другие не утонут в том же месте. Только тогда они будут освобождены.

* * *

В году, кажется, 1856-м, тридцать два человека зафрахтовали габару, чтобы отправиться морем на пардон в Бенн-Одет, в устье реки у Кемпера. Погода была прекрасной. Плавание через залив прошло без препятствий. Но при входе в бухту Вир-Кур, перед Ланрозом, баржа перевернулась, наверное, из-за неудачного маневра.

Это кораблекрушение наделало много шума в свое время. Прошли годы, а память о нем еще жива и теперь, и суда, спускающиеся по реке, с осторожностью проходят то место, где случилась катастрофа. Они обходят его нередко с большими трудностями. Словно какая-то зловещая сила тянет сюда. И суда снова и снова шли здесь ко дну. И всякий раз моряки Кемпера в порту шептались между собою потихоньку: «Смотрите... видите? Старые тянут сюда новых вместо себя... теперь этих новых надо остерегаться».

* * *

Когда женщинам острова Сейн говорят, что кладбище у них слишком тесное, они отвечают такой поговоркой: «Кладбище для мужчин — между островом и мысом (Ра)»[35].

* * *

Утопшие, чьи тела не найдены и не погребены в освященной земле, вечно блуждают по берегам. Нередко можно услышать их зловещие крики в ночи. Тогда в Корнуайе говорят:

— Это кричит Йанник-ан-од (Маленький Жан- береговик).

Всех утопленников, кричащих по ночам, называют этим именем — Йанник-ан-од.

Йанник-ан-од не страшен, если только кто-нибудь не вздумает развлечься тем, чтобы крикнуть в ответ на его зловещую мольбу. И горе неосторожному, кто рискнет сыграть в такую игру! Если вы ответите Йаннику один раз, тот одним прыжком перекроет половину расстояния до вас, если вы крикнете второй раз, он перепрыгнет вторую половину. А если в третий раз, он сломает вам шею!

Пять мертвых в бухте

Как-то раз двум морякам из Кемпера поручили доставить на их шлюпе в Бенн-Одет бочки с сидром. Видимо, моряки задержались у хозяина постоялого двора, которому они привезли груз, но все дело в том, что они пропустили время прилива. Когда, возвращаясь, они вошли в бухту, был отлив, воды осталось так мало, что они весьма плачевно завязли в тине. Теперь надо было ждать целых шесть часов до прилива, и это ночью! Вот уж не повезло! Они завернулись в парусину, которая была у них с собою, но как только они закрыли глаза, громкий голос позвал по имени сначала одного, а потом другого:

— Эй, Йанн!.. Эй, Каурантен!

Именно так моряки имеют привычку окликать друг друга.

— Плывите к нам!

Ночь была такой темной, что в двух саженях ничего не было видно. Голос, хотя и сильный, казалось, шел издалека. И потом, в нем было что-то странное. Йанн и Каурантен толкнули друг друга локтем.

— Похоже, что это голос, — сказал Йанн, — моего страшного патрона Йанника-ан-ода!

— Я тоже так думаю, — прошептал Каурантен, — лучше помолчим. Не стоит высовываться.

И они еще глубже забрались под парусину.

Но любопытство оказалось сильнее страха. Йанн первым приподнялся над бортом, чтобы посмотреть.

— Смотри-ка, — сказал он своему товарищу.

Глубь бухты слева от них вдруг озарилась светом, шедшим, казалось, прямо из воды. И в этом свете проступила абсолютно белая барка, а в барке стояло пять мужчин с простертыми перед собой руками. На всех пятерых были надеты белые клеенчатые дождевики, усеянные черными каплями.

— Это не Йанник-ан-од, — сказал Йанн, — это неприкаянные души. Поговори с ними, Каурантен, ты исповедовался и причащался перед Пасхой в этом году.

Каурантен сложил ладони рупором и крикнул:

— Мы не можем подплыть к вам, мы здесь завязли. Подойдите вы и скажите, что вам нужно. Мы сделаем, что можем.

И тут оба моряка увидели, как пять призраков уселись каждый на свою скамью. Один

---

[35] Остров Сейн и мыс Ра — крайние западные точки Арморикансого полуострова, самое опасное, гиблое место для мореплавания у берегов Бретани. Оно почитается мистическим приютом душ погибших моряков.

взялся за руль, другие начали грести. Но так как каждый греб в свою сторону, суденышко вместо того, чтобы продвигаться, крутилось на месте.

— Вот дурачье! — выбранился Йанн. — Моряки пресноводные!.. Показать им, что-ли, как грести? Может, это им и нужно? Ты как, Каурантен, останешься стеречь шлюп?

— Ну нет уж, если ты пойдешь к ним, то и я с тобою.

— В конце концов, мы ничем не рискуем. Можем оставить наше судно как есть, еще далеко до первой волны. Давай, друг, с Божьей помощью!

Воды было едва до колен. Они двинулись по тинистому дну к белой барке. Чем ближе они подходили, тем сильнее гребли странные матросы и все быстрее крутилась на месте белая барка.

Когда приятели оказались с ней рядом, она внезапно потемнела и свет, озарявший эту часть бухты, погас. Тьма и вода слились в одно мгновение. А на месте, где были четыре гребца, зажглось четыре свечи. В их неясном свете Йанн и Каурантен углядели пятого призрака, того, что только что был у руля, — над водой поднимались его голова и плечи.

Охваченные ужасом, они остановились. По правде сказать, они бы предпочли сейчас быть отсюда подальше. Но так как они уже столько прошли, они не решались двинуться обратно. К тому же лицо у человека было таким печальным, что надо было быть совсем никудышным христианином, чтобы не почувствовать жалости к нему.

— Вы от Бога или от дьявола? — спросил Йанн.

Человек, словно разгадав мысли и чувства, которые волновали моряков, ответил им:

— Не бойтесь. Мы — пять жестоко страдающих душ. Четверо моих товарищей страдают еще больше, чем я. Печаль на моем лице — ничто перед их мукой. Вот уже сто лет, как мы ждем, чтобы здесь оказался какой-нибудь добрый человек.

— Если дело только в том, чтобы желать добра, так мы в вашем распоряжении, — ответили разом Йанн и Каурантен.

— Пожалуйста, пойдите к ректору Пломлена, попросите его отслужить по нам в главном алтаре церкви по пять панихид в течение пяти дней подряд. И сделайте так, чтобы все эти пять дней на всех пяти службах обязательно было тридцать три человека — старые или молодые, мужчины, женщины и дети.

— Упокой, Господи, души усопших раб твоих! — прошептали оба моряка, крестясь. — Мы исполним все как можно лучше.

На следующий день Йанн и Каурантен отправились к ректору Пломлена. Они оплатили ему все двадцать пять служб. На всех они присутствовали сами. А чтобы получилось нужных тридцать три человека, они каждый день приводили с собою из Кемпера своих жен, детей, родственников и друзей. Отродясь не видели в Пломлене столько народу вместе на заупокойных службах без певчих.

На шестой день Йанн сказал Каурантену:

— Если хочешь, выйдем в залив этой ночью, — может быть, узнаем, правильно ли мы все сделали.

— Идет, — ответил Каурантен Йанну.

И как только стемнело, они спустились по реке на своем шлюпе. Дойдя до места, где они застряли шесть дней тому назад, они бросили якорь и стали ждать. Вскоре над волнами начал подниматься свет, который они уже видели. Затем нарисовалась белая барка, а в ней — пять призраков. На них по-прежнему были надеты белые дождевики, но уже не было на них черных капель. А руки их были не простерты вперед, а скрещены на груди. Лица их сияли.

И вдруг раздалась чудесная музыка, такая нежная, что Йанн и Каурантен чуть не заплакали от счастья.

Пять призраков разом поклонились, и моряки услышали их тихие голоса:

— Тругаре! Тругаре! Тругаре! — Спасибо! Спасибо! Спасибо!

Кораблекрушение у Гельтра (Сен-Гильда)

Против Порт-Блана, на трегорском побережье, есть скалистый островок, на котором растет рощица пиний. Он называется Гельтра. На острове живет фермер с семьей. Живут они не столько картофелем, сколько водорослями, которые они здесь собирают. А лучшая их добыча — это обломки и вещи, которые иногда выбрасывает море: эти воды опасны подводными камнями и мелями.

Однажды утром после ночного шторма они обнаружили большие толстые бревна, которых волны перекатывали по гальке. Фермер с женой охотно перетащили бы их к себе на ферму, но даже всей семье и батракам с фермы вместе не хватило на это силы. Пришлось ограничиться тем, что вокруг бревен они соорудили надежную ограду из деревянных обломков, чтобы следующий прилив не унес бревна снова в море. Они оставались возле бревен весь день до вечера. Наступила ночь, а люди все еще не уходили. Чтобы согреться, они развели на пляже большой костер.

Вдруг они ощутили ледяное дуновение, и костер тут же погас. И в тот же миг они увидели во тьме идущих прямо к ним пятерых матросов — казалось, они только что вышли из моря, вода струилась по их дождевикам. Каждый матрос шел, согнувшись под тяжестью досок — старых, наполовину сгнивших досок, по которым тоже текла вода. Все пятеро повторяли хором могильными голосами:

— У нас их нет!.. У нас их нет!..

Фермер и его люди оцепенели от страха. Но старший сын, которому приходилось ходить в плавания, осмелился спросить:

— Чего у вас нет, ребята?

Но он не успел договорить, как упал навзничь, хотя его никто не толкал, и невидимые удары посыпались, как град, на него и на всех остальных. Они бросились лицом на землю, крича от боли и ужаса. Когда наконец удары прекратились, они не сразу решились подняться и бежать от этого места. Они увидели, что был полный прилив, и бревна уже качались на волнах на большом расстоянии от берега.

А пять матросов исчезли. Но были слышны их постепенно удалявшиеся поющие голоса. Что они пели и на каком языке, разобрать было невозможно, но старший сын фермера уверял, что это был испанский.

«Баг-Ноз», корабль-фантом

Каждый раз, когда должна случиться какая-то беда близ острова Сейн, появляется корабль-призрак; он или кренится в темные воды, зарываясь носом в волну, или вырисовывается неясным силуэтом на фоне грозового неба. Его называют «Баг-Ноз» — «Барка ночи», потому что чаще всего именно с наступлением ночи он появляется внезапно, и нельзя сказать, откуда и каким путем. Так как, возникнув неожиданно там, где его увидели, он почти тут же оказывается в другом месте на горизонте. Он плывет на парусах, приспустив черный флаг.

Суда с острова часто встречали его, торопясь покинуть открытое море при первых признаках надвигающейся непогоды. Некоторые даже пытались подойти к нему ближе, принимая его за корабль, терпящий бедствие. Тем более что его экипаж, должно быть очень многочисленный, беспрестанно кричал и звал, словно на помощь, такими жалобными и печальными голосами, что они рвали душу. Но как только к нему приближались, видение растворялось, а голоса становились такими далекими, что непонятно было, идут ли они из глубины моря или с небес.

Рассказывают, что однажды ночью лоцман с острова подобрался к кораблю-фантому так близко, что сумел разглядеть, что на борту никого нет, кроме человека на корме у руля. Лоцман окликнул его:

— Могу я вам чем-то помочь, может быть, взять вас на буксир?

Но вместо ответа человек повернул руль, и корабль исчез.

Если бы, пока корабль стоял на месте, лоцману хватило ума произнести «Упокой, Господи», он бы спас всю эту команду мертвых моряков.

Рулевой — тот, как считается, кто утонул последним в текущем году. Сборщики водорослей однажды вечером, когда были на мысу Килауру, в восточной части острова, увидели паруса «Баг-Ноза», тихо кравшегося вдоль мыса. Среди сборщиков была вдова Фоке, ее муж пропал во время прилива у Сейна, и море не вернуло его тела. Можно представить, что с ней сделалось, когда в рулевом потустороннего корабля она узнала пропавшего мужа. Это был он, без сомнения, и она не удержалась, протянула руки к его Анаону — духу — и закричала:

— Жозон! Жозон кес! (Жозеф! Жозеф, дорогой!)

Но он разве что только не отвернулся. И корабль удалился тихо, не оставляя даже за собою следа на воде, которую он рассекал.

На борту «Юной Матильды»

Я был в те времена матросом на «Юной Матильде» из порта Трегье. Мы ходили в Исландию. Мой брат тоже был в экипаже.

Однажды ночью, когда из четверых нас осталось двое — брат на носу, я на корме корабля, я вдруг увидел, что он бежит ко мне в полном ужасе.

— Лор, — говорит он мне шепотом, — иди скорей! Там кто-то стонет, привязанный к форштевню...

Я бросился на нос, стараясь бежать тихо и прислушиваясь. Мне было, признаюсь, страшновато, по коже пробежал мороз. Но я ничего не услышал.

— Пройди еще немного вперед, — прошептал мне брат, — до рынды, и наклонись над бортом.

Я предпочел бы вернуться, но мне не хотелось, чтобы меня посчитали трусом. И я дошел до рынды и наклонился над водой.

Тогда я услышал...

Вы знаете, мне кажется, что сейчас у меня в ушах эти крики, эти долгие стоны отчаяния.

Почти обезумев от ужаса, я помчался будить капитана.

Едва я произнес первые слова, как он потребовал, чтобы я молчал.

— Никому в экипаже не говори про это. Все это для меня не новость. Это, наверное, дух одного из наших старых товарищей, погибших в море, который несет свое наказание поблизости от «Юной Матильды». Не обращайте на него внимания, остерегайтесь его потревожить. И главное, не наклоняйтесь больше над бортом — вас утащит смерть.

Капитан умолк. Я повернулся, чтобы идти на свое место на палубе. Но он снова меня позвал:

— Лор, будьте осторожны и у штурвала.

И он рассказал мне историю, которая приключилась во время последнего плавания.

«Юная Матильда» бросила якорь в месте лова рыбы. Был сильный туман. В двух шагах ничего не было видно, даже мачт, и без них корабль был похож на понтон. Вдруг капитан увидел, что палуба заполняется какими-то женщинами. Они были одеты в черное, закутаны в траурные плащи, с капюшонами, надвинутыми на лицо. Их было так много, что невозможно сосчитать. В двадцать раз больше, чем обычно бывает на пасхальной службе. Они смотрели по сторонам, словно искали что-то или кого-то.

— Ты понял, что это были за женщины?

— Души мертвых, без сомнения.

— Да, души матерей, жен, невест, которые искали своих любимых, утонувших в Исландии. Они искали своих покойников, чтобы вытолкнуть их на берег и похоронить в

освященной земле. Я стоял, оцепенев. Если бы я открыл рот или пошевелился, меня бы не было сейчас здесь. Всегда следуй моему примеру, Лор, когда окажешься в такой же ситуации. Это самое надежное.

...На следующее утро капитан собрал экипаж и строго запретил всем ходить на нос корабля, только в случае крайней необходимости.

Люди удивились такому приказу. Но мой брат и я, мы-то знали, что к чему.

* * *

Если корабль подбирает на борт утонувшего, полагается произнести заклинания, например сказать:

— Мы берем тебя с нами, но ты не должен принести нам несчастья!

И надо все время следить за тем, чтобы тело мертвеца не прикоснулось ни к якорю, ни к веслам, ни к одному из корабельных приборов.

Фальшивые похороны утопленников Проэлла

В Уэссане, где все мужчины — моряки, море взимает дань от каждого рода по нескольку жертв. Тем, чьи тела находят, на кладбище обеспечено последнее жилище. Но длинен список тех, кого не вернул океан. Чтобы эти пропавшие, у которых нет могилы, не были обречены на вечные скитания в ином мире, для упокоения их душ жители Уэссана совершают фальшивые похороны. Такая церемония называется «проэлла» (возможно, это искаженное начало какого-то латинского псалма, предполагаю, что это «Pro illa anima...»).

Происходит это следующим образом.

Как только в управу острова к старосте моряков поступает официальное сообщение о том, что кто-то из жителей утонул, он призывает к себе — нет, не мать, и не вдову, и не дочь умершего, а самого старшего мужчину в роду. Его ставят в известность о кончине пропавшего. Старейший тотчас отправляется в дорогу через весь остров, идет к каждому из родственников семьи — их бывает иногда человек шестьдесят, а то и восемьдесят — и объявляет им печальную новость, неизменно произнося такую формулу:

— Ставлю вас в известность, что этим вечером проэлла по такому-то!

И только с наступлением ночи он идет в дом умершего. Он входит крадучись во двор и идет к окну, чтобы посмотреть, дома ли жена, которая еще не знает, что стала вдовой, и, заметив ее в кухне, стучит трижды по стеклу. После таких приготовлений он входит в дверь и произносит одну лишь ритуальную фразу:

— Этим вечером у тебя проэлла, мое бедное дитя!

Соседские женщины, спешащие следом за ним, входят тогда в дом, и их причитания и плач шумно сопровождают горе семьи. Это называется «соблюсти траур». Чем горестнее и надрывнее причитания, тем больше они радуют душу покойника. Не прерывая оплакивания, все занимаются приготовлениями похорон. На стол, освобожденный от еды и посуды, стелется белая скатерть; на скатерть кладут крестом два сложенных полотенца, на перекрестие полотенец кладут крестик, который быстро делают тут же из двух восковых палочек, которые освящаются в церкви на Сретенье. Этот крестик как бы представляет собою покойника. Тарелка, куда наливают домашней святой воды и кладут веточку самшита, и зажженные свечи на скамьях по обе стороны от стола дополняют это импровизированное погребальное ложе.

Между тем со всех концов острова на проэллу собираются родственники. И начинается бдение по умершему. Профессиональная «молитвенница» читает обычные молитвы, а присутствующие вторят ей. Иногда между двумя «Де профундис» она произносит похвалу пропавшему.

На следующий день, как это бывает и на обычных похоронах, духовенство приходит за

«телом», то есть за маленьким желтым восковым крестиком, лежащим на белых полотенцах. Его несут на руках, точь-в-точь как настоящий гроб. За ним идут все — мужчины с непокрытой головой, женщины в траурных плащах и капюшонах. Посреди церкви ставят катафалк, на который кладут крест проэллы. Священник служит панихиду, дает отпуст[36], потом идет к замурованному в стене одного из боковых нефов хранилищу и запирает туда крестик, вместе с такими же другими, которые были положены туда раньше. Крестик остается в этом временном «погребении» до вечера первого ноября. В этот вечер, после вечерни, все крестики проэллы, собранные за год, перенесут торжественно в особый памятник в центре кладбища — это общая могила всех жителей Уэссана, пропавших в море. И этот памятник, похожий на маленькую цистерну, закрытую решеткой, тоже называется «проэлла».

ГЛАВА XI
ИСЧЕЗНУВШИЕ ГОРОДА

Город Ис

Однажды ночью моряки из Дуарнене, бросив якорь, ловили рыбу. Завершив лов, они решили поднять якорь. Но все их усилия ни к чему не привели. Якорь за что-то крепко зацепился. Один из моряков, смелый пловец, чтобы освободить якорь, нырнул в воду и скользнул вдоль якорной цепи.

Когда он поднялся наверх, он сказал своим товарищам:

— Догадайтесь, за что зацепился наш якорь?

— Э, черт побери, да за какую-то скалу!

— Нет. За раму окна!

Рыбаки подумали, да не свихнулся ли он?

— Да, — продолжал моряк, — и это окно церкви. Она была освещена. И свет, шедший от нее, освещал море далеко в глубину. Я посмотрел через окно. Там, в церкви, была целая толпа людей. Множество мужчин, женщины в богатом платье. Священник стоял у алтаря. И я услышал, как он велел мальчику из хора помочь ему служить мессу.

— Но это невозможно! — закричали рыбаки.

— Клянусь душой!

Тогда все решили, что надо об этом рассказать настоятелю приходской церкви. И они поспешили к нему.

Ректор сказал моряку, который нырял в море:

— Вы видели городской собор Иса. Если бы вы предложили священнику помочь ему отслужить мессу, город Ис всплыл бы из вод, и тогда бы во Франции была другая столица.

* * *

Город Ис простирался от Дуарнене до Пор-Блана[37]. Семь островов[38] — это его

---

[36] Отпуст — отпустительная молитва, завершающая панихиду, погребальную службу, — отпущение грехов.

[37] Дуарнене — порт на западе Бретани, в департаменте Финистер, в старинной провинции Корнуай; Пор-Блан — курортный городок на севере Бретани, на Берегу Розового гранита (департамент Армориканский Берег). Расстояние между двумя городами не менее 150 км.

[38] Архипелаг Семь островов находится на севере Бретани, у Берега Розового гранита — с 1912 г. природный орнитологический заповедник.

остатки. Самая красивая церковь города возвышалась на том месте, где сегодня находятся рифы Триаго.

Со скал Сен-Гильда в светлые и тихие ночи можно услышать, как поет сирена, и эта сирена — Аэс, дочь короля Граллона.

А иногда с моря доносится и звон колоколов. И такого мелодичного карильона на всем свете не услышишь. Это карильон с колокольни Иса.

* * *

Один из кварталов города назывался Лексобия. Сто соборов было в Исе. И в каждом служил епископ.

Когда город поглотила морская пучина, каждый житель остался на месте и продолжал делать то, что он делал в момент катастрофы. Старухи, которые вязали, продолжали вязать. Торговцы сукном продолжали продавать тот же кусок ткани тем же покупателям. И это будет продолжаться, пока город не воскреснет и его жители не будут освобождены.

Сады Кер-Иса

Один хозяин баркаса и его юнга как-то вдвоем отправились на рыбную ловлю. На полпути от берега до Семи островов они бросили якорь. Было так жарко, что через час хозяин задремал.

Отлив был настолько сильный, что барка оказалась на обнажившемся дне.

Каково же было удивление юнги, когда вместо водорослей он увидел вокруг поле зеленого горошка. Оставив хозяина спать, он спрыгнул на землю и принялся рвать зеленые стручки, стараясь набрать их как можно больше.

Когда хозяин проснулся, море уже поднялось. Он изумился, увидев полную барку зеленого горошка и юнгу, который им лакомился.

— Что бы это значило? — спросил он, протирая глаза, думая, что это ему мерещится.

Мальчик рассказал ему, что произошло.

И хозяин понял, что они бросили якорь неподалеку от Кер-Иса, где когда-то жители великого города держали свои огороды.

* * *

Моей матери довелось увидеть, как город Ис поднимался над водой. Это были только замки и башни. Фасады сверкали тысячью окон. Крыши домом сияли и белели, словно хрустальные. Она отчетливо слышала колокольный звон и отдаленный шум толпы на улицах.

* * *

В Ломикеле (Сен-Жан-ан-Грев), когда бывают сильные отливы и море уходит очень далеко, случается видеть, как над песками пробивается «красный крест», который возвышался над самой высокой колокольней города Ис.

* * *

Когда придет день воскрешения Кер-Иса, первый, кто заметит шпиль над церковью или услышит звон колоколов, станет правителем города и всей страны.

Купцы из Кер-Иса

Одна женщина из Плюмер-Боду, спустившись на пляж, чтобы набрать морской воды и приготовить пищу, вдруг увидела возникший перед нею огромный портик.

Она прошла через него и очутилась в великолепном городе. Вдоль его улиц тянулись ярко освещенные магазины. В витринах лежали роскошные ткани. Ослепленная их блеском, раскрыв рот от восхищения, шагала она посреди всех этих богатств.

Торговцы стояли на пороге своих лавок. Когда она проходила мимо них, они ей кричали:

— Купите! Купите что-нибудь!

Она была оглушена и растеряна.

Наконец она все-таки ответила одному из них:

— Как же я могу у вас что-то купить — у меня ни лиарда в кармане!

— О! Очень, очень жаль! — отвечал купец. — Купили бы вы что-нибудь хоть на одно су, и мы все были бы спасены.

И, проговорив это, он исчез. А женщина снова очутилась на пляже. Она была так взволнована происшедшим, что упала без чувств. Ее нашли таможенники, совершавшие свой обход, они отнесли ее домой. Через две недели она умерла.

Старуха из Кер-Иса

Двое молодых людей из Бюгелеса отправились резать водоросли в Гельтра ночной порой, что, как всякий знает, строго запрещено. Они были поглощены своей работой, когда к ним подошла старуха — очень старая. Она вся согнулась под тяжестью сухого дерева.

— Молодые люди, — обратилась она к ним умоляющим голосом, — не будете ли вы так добры донести мою ношу до моего жилища. Это недалеко, вы окажете великую услугу бедной женщине.

— Как бы не так! — откликнулся один из них. — А то у нас другой работы нет!

— А может, ты хочешь выдать нас таможне! — добавил второй.

— Будьте вы прокляты! — закричала старуха. — Если бы вы ответили мне «да», вы бы воскресили город Ис!

И с этими словами она исчезла.

* * *

Гора Рок'х-Карлес, между Сен-Мишель-ан-Грев и Сент-Эффламом, служит могилой великолепному городу.

Каждые семь лет, в ночь на Рождество, гора приоткрывается и становятся видны ярко освещенные улицы мертвого города.

Город воскреснет, если найдется человек и храбрый, и проворный, чтобы проникнуть в глубь горы при первом ударе полночи и успеть выйти оттуда с двенадцатым ударом.

ГЛАВА XII
УБИТЫЕ И ПОВЕШЕННЫЕ

Всякий раз, когда случается дорожная катастрофа и кто-то в ней погибает, нужно не преминуть поставить крест в этом месте у дороги. Иначе душа погибшего не успокоится до тех пор, пока в этом месте не произойдет такая же катастрофа. Вот почему вдоль бретонских дорог так часто встречаются каменные или деревянные кресты, поставленные у откосов.

В Верхнем Корнуайе принято, проезжая мимо этих «крестов несчастья», бросить камень в канаву к их подножию.

* * *

По дороге из Кемпера в Дуарнене есть могила одного человека по имени Танги. Он в этом месте погиб, был убит.

Никто не пройдет мимо холмика земли, под которым он похоронен, не положив крестика, наскоро сделанного из веточек, выдранных из соседнего плетня. Кто не сделает этого, рискует встретиться на этой дороге с лихим человеком и погибнуть злой смертью, как Танги.

* * *

Если человек был убит и убийца входит в помещение, где лежит его тело, или даже если он просто проходит по улице мимо дома убитого, раны на теле открываются и начинают обильно кровоточить.

* * *

Есть безошибочный способ обнаружить убийцу, оставшегося неизвестным. Только делать это надо ровно через семь лет, день в день, после кончины жертвы, когда останки ее будут выкопаны из могилы и перенесены в оссуарий.

Вот как это делается. В оссуарии берут одну из самых маленьких костей правой руки убитого, если возможно, косточку указательного пальца, окунают ее в кропильницу со святой водой в церкви, потом заворачивают в носовой платок покойного и хранят его при себе до той минуты, пока лицом к лицу не встретятся с тем, кого подозревают в убийстве. Тогда, приняв безразличный вид, к нему обращаются с вопросом:

— Вы ничего не потеряли?

Тот, естественно, сразу начинает искать, хлопать себя по карманам и, чаще всего, отвечает:

— Да нет, не думаю... А вы что, нашли что-то?

Тогда вы достаете этот ваш платок, вынимаете из него кость, зажимаете ее в кулаке и говорите:

— Протяните руку.

И когда он без опаски протягивает ладонь, вы кладете на нее кость. А он не только не берет ее — в том случае, если он убийца, он ее отбрасывает с перекошенным лицом и кричит:

— Будь я проклят! Раскаленный уголь, вы мне дали раскаленный уголь!..

И действительно, вы увидите на его ладони большой волдырь, словно кость убитого оставила на ней след, как от раскаленного железа.

* * *

Говорят, что звонари, отзванивающие отходную по человеку, погибшему по причине, оставшейся неизвестной, узнают по голосам колоколов, была ли эта смерть случайной или насильственной.

* * *

Каким бы ни было орудие убийства, оно неизбежно нанесет рану любому, кто захочет воспользоваться им для самого простого дела. Это так же, как если жнец порежется серпом, он не преминет сказать: «Этот серп, верно, хочет сообщить о себе что-то недоброе». Надо понимать это так: должно быть, этим орудием когда-то прежде был нанесен смертельный

удар.

Пенн-баз мертвеца

Дезире Мингам из Тредюдера, торговец свининой, потеряв свой пенн-баз (палку с железным набалдашником) на ярмарке в Ланньоне, получил другой в подарок от своих товарищей по ремеслу из Роспеза. И вот тем же вечером, когда он возвращался ужинать на постоялый двор, эта палка, которую ему дали, как-то так неловко подвернулась между ног, что он упал головой на мостовую и так и остался лежать полуживой. Однако недели через четыре- пять он выздоровел.

Но как только он снова стал ездить по ярмаркам, пенн-баз снова начал играть с ним злые шутки. В конце концов он сказал себе, что это все не просто так, и, решив больше не пользоваться этой несчастной дубиной, он повесил ее на кожаном ремне в кухне.

Прошло время — может, месяцы, а может, годы. Однажды зимой в сильный мороз к нашему человеку пришел в гости пахарь из Армор-де-Плестена, чтобы поговорить о делах. Они раскупорили бутылку сидра, но, видя, что гость совсем закоченел, Дезире Мингам предложил ему выпить у очага, ближе к огню.

Вдруг, именно в тот момент, когда крестьянин усаживался на табуретку в углу кухни, пенн-баз, подвешенный над очагом, сорвался и упал у ног мужчины.

— Ну-ка, ну-ка, — сказал он, подбирая палку и рассматривая ее с каким-то странным выражением, — извините за любопытство, откуда у вас это орудие?

— Да это один мой приятель-торговец дал мне ее уже давно, — ответил Мингам, — и сказать вам не могу, какой она мне славный подарочек преподнесла в тот же день.

— Ну и какой же?

— Да нет таких неприятностей, каких бы этот проклятый кусок дерева мне не причинил.

И он стал рассказывать. Когда он закончил, гость спросил его:

— Ради вашего блага, скажите мне, как имя торговца, которому принадлежал этот пенн-баз?

— Да вы должны его знать, он живет в ваших краях: это Жак Бурдуллуз из Толь-ан-Эри. А почему вы это спрашиваете?

— Сейчас поймете почему... Но для начала скажите, не помните ли вы, что мой отец был найден мертвым, с разбитым черепом, на пляже Сент-Эффлама?

— Ну как же, эта история тогда наделала много шуму. Полагаю, что убийцу так и не смогли найти?

— Так же как и орудие убийства, которое, по словам судебного врача, было не чем иным, как молотком дробильщика камней или пенн-базом. А пенн- база, с которым мой отец никогда не расставался, не было рядом с телом — убийца, совершив свое преступление, унес его с собою! На этом пенн-базе были зарубки на рукояти в виде креста... Вот, смотрите!..

Человек протянул палку Дезире Мингаму: два креста были высечены на рукояти — полустертые, забитые грязью, но заметные.

— Значит, вот в чем дело, — прошептал Мингам. — Теперь я больше ничему не удивляюсь. И что вы собираетесь делать?

— Вы мне доверите палку?

— Да, конечно! Берите, храните ее. Я не хочу больше ее видеть.

О делах, как вы понимаете, больше не было и вопроса. Крестьянин поспешил уйти и направился в Плестен, где были жандармы. Тем же вечером Бурдуллуз, которому неожиданно для него предъявили орудие-обвинитель, был вынужден признать свою вину. Он кончил жизнь на галерах. Боже, будь к нему милостив!

* * *

Убитые «возвращаются» до тех пор, пока их убийца не выплатит «дань».

Есть только одно средство помешать им возвращаться: закопать вместе с ними обувь — ботинки или башмаки, которые они носили в день своей гибели.

* * *

Повешенные, как считается, осуждены навечно оставаться между небом и адом.

Нет примера, чтобы человек, повесившийся по своей воле, отправился на небо; но и нет примера, чтобы он попал в ад. И вот почему.

Когда дьявол хочет забрать душу умирающего, он усаживается сторожить ее прямо у рта, потому что оттуда она обычно исходит. Но горло повесившегося стянуто веревкой. Его душа, обнаружив, что этот выход закрыт, ищет другого, и, пока враг ее стережет наверху, она спокойно выходит низом, так что дьявол остается с пустыми руками.

Повешенный

Жили как-то двое молодых людей. Одного звали Кадо Враз, другого — Фюлюпик Анн Ду. Оба были из одного прихода, катехизис учили, сидя на одной скамье, вместе приняли первое причастие и с тех пор оставались лучшими друзьями в мире. Когда на пардонах видели одного из них, девушки толкали друг друга локтем и шептали, посмеиваясь: «Спорим, и другой недалеко!»

Долго пришлось бы искать, чтобы найти дружбу более крепкую.

Они дали друг другу обещание, что первый, кто женится, возьмет другого «дружкой» на свою свадьбу.

— И будь я проклят, — сказал каждый из них, — если не сдержу слова!

Пришло время обоим влюбиться, и, к несчастью, судьбе было угодно — в одну девушку. Поначалу их дружба от этого не пострадала. Они оба открыто хаживали за красавицей Маргаритой Омнез, не говоря ни одного дурного слова друг о друге, и даже вместе навещали старого Омнеза, выпивая за здоровье друг друга полные кружки сидра, которые наливала им Маргаидик.

— Выбери того, кто тебе больше нравится, — говорили они девушке. — Сделав одного счастливым, ты не сделаешь ревнивым другого.

Но вопреки всем этим прекрасным заверениям, Маргарита оставалась в большом затруднении.

Однако она должна была решиться.

Однажды, когда Кадо Враз пришел один, она усадила его за стол и, сев напротив него, сказала:

— Кадо, я отношусь к вам с большим уважением и очень дружески. Вы всегда будете желанным гостем в моем доме. Но, к сожалению, мы никогда не будем мужем и женой.

— А! — ответил несколько растерянный Кадо. — Значит, вы выбираете Фюлюпика... Я не сержусь на вас. И на него тоже!

Он старался хорошо держаться, силился скрыть свои чувства, но удар был неожиданным и попал прямо в сердце.

Сказав еще несколько ничего не значащих слов, он вышел, пошатываясь, как пьяный, хотя он едва притронулся к стакану, который ему наполнила Маргарита. Когда он вышел со двора Омнезов и оказался один со своим несчастьем в овраге на дороге, ведущей к его дому, он начал рыдать, как ребенок, которому больно. Он говорил себе: «Зачем мне теперь жить?» И он решил умереть. Но прежде, однако, он хотел пожать руку Фюлюпику Анн Ду и первым объявить ему о его счастье.

И вместо того чтобы идти к Кебереннесу, к своему дому, он свернул налево, на

тропинку, ведущую в Кервас, где жил Фюлюпик. Старая Анн Ду чистила во дворе картошку на ужин. Она удивилась, увидев бледное, больное лицо Кадо Враза.

— Что с тобой, — спросила она, — ты белый, как полотно.

— Да это от ночного тумана, дорогая крестная. Я пришел узнать, что Фюлюпик собирается делать этим воскресеньем.

— По правде, не знаю, что и сказать. Представь себе, Фюлюпик сейчас держит новорожденного над купелью!

— Ну да!

— Да. Эта самая Нанес родила еще одного незаконного. Стучались в три двери, чтобы найти крестного отца. В конце концов, отчаявшись, попросили

Фюлюпика, и он согласился. Я-то была того мнения, что он должен отказаться, как те трое. Но он, упрямец, ничего не желает слышать. И сколько я ему не говорила, что он может дать повод злым языкам распустить слух, что это он — отец ребенка, он все равно оделся и ушел в церковь. И даже клялся, уходя, что заставит звонить все колокола.

Старуха не успела договорить, как издалека раздался радостный колокольный звон.

— Я же вам говорила! — воскликнула Мон Анн Ду, прислушиваясь. — Мой сын — безрассудный. Ты должен его отругать. Ты серьезнее, чем он. Я всегда боюсь, как бы его легкомыслие не принесло беды.

— Не волнуйтесь, — отвечал Кадо Враз. — Наоборот, я вас уверяю, он родился под счастливой звездой.

И, пожелав доброй ночи, он направился к выходу. У ворот он задержался на мгновение.

— Дорогая крестная, — сказал он, — попросите же Фюлюпика встретиться со мною завтра на заре у перекрестка Ланда-От.

Ланда-От — это склон холма с плохой травой и несколькими кустами терновника, где паслись коровы бедняков. Две дороги, вернее, две тропинки пересекаются там у подножия голгофы. К этой-то голгофе и отправился Кадо Враз. Перед этим он зашел к себе взять недоуздок, под предлогом того, что ему нужно привести с поля серую кобылу. Он привязал недоуздок на перекладину креста и повесился.

Когда на рассвете следующего дня Фюлюпик пришел на место встречи, он увидел тело своего друга болтающимся между землей и небом.

В то время ни за что на свете не дозволялось дотрагиваться до самоубийцы.

Фюлюпик Анн Ду, убитый горем, спустился в долину, чтобы рассказать о случившемся несчастье. Когда он сообщил о нем Омнезам, Маргарита разрыдалась.

— А, — вскричал юноша, — это его вы любите!

— Ты ошибаешься, друг, — ответил старик Омнез, куривший свою трубку в атриуме. — Вчера днем Маргаидик объявила Кадо Вразу, что она питает к нему лишь дружеские чувства, а замуж пойдет за тебя.

Эти слова пролились бальзамом на сердце Фюлюпика Анн Ду.

Переговорив, назначили день свадьбы. Главное, договорились, что не будет танцев, а только простой ужин в сельском ресторанчике, — все из-за печальной кончины Кадо Враза.

Неделю спустя жених двинулся по дороге вместе с другим молодым человеком, чтобы совершить «пригласительный обход». Когда вечером они проходили у подножия Ланда-От, Фюлюпик вдруг хлопнул ладонью по лбу:

— Я же поклялся Кадо Вразу, что только он будет моим дружкой на свадьбе. Это излишняя формальность, я знаю. Но, по крайней мере, я сдержу обещание. Это послужит моему спасению на том свете.

И он стал взбираться на холм.

Труп повесившегося, уже сильно истлевший, по- прежнему качался на веревке. Тучи ворон взлетели при появлении Фюлюпика.

— Кадо, — заговорил Фюлюпик. — Я женюсь в среду утром. Я поклялся, что ты будешь моим дружкой. Я пришел пригласить тебя, чтобы ты знал, что я верен своему слову. Твой прибор будет ждать тебя в харчевне «Восход солнца».

Сказав это, Фюлюпик догнал своего спутника, который ждал его на некотором расстоянии, и вспугнутые на мгновение вороны спокойно продолжили терзать смертные останки Кадо Враза.

Фюлюпик еще охотно пригласил бы своего крестника, но бедное маленькое существо в эти дни уже умерло...

Наступил день свадьбы. Счастливый новобрачный не сводил глаз с молодой жены, которая в своем кружевном чепце была, признаться, самой хорошенькой девушкой на свете. Ясное дело, Фюлюпик о Кадо больше и не думал. Впрочем, разве он не поступил по отношению к нему по совести? Итак, праздник шел своим чередом. Еда была вкусная. Сидр в стаканах переливался золотом. Гости начинали разговаривать все громче. Уже пили за здоровье новобрачных, и Фюлюпик готовился ответить своим гостям, как вдруг прямо перед собою он увидел поднятую руку скелета и услышал зловещий, насмешливый голос:

— За здоровье моего лучшего друга!

Ужас! На месте, которое было для него оставлено, сидел призрак Кадо Враза.

Новобрачный побледнел. Стакан выпал у него из рук и разбился, разлетевшись на осколки по белой скатерти.

Маргаидик, юная новобрачная, была тоже бледна, как воск.

Тягостная тишина повисла в зале.

Хозяин ресторанчика, встревоженный тем, что никто больше не ел и не пил, пробурчал недовольным тоном:

— Вольно вам! Еда приготовлена, что не будет съедено, все равно будет оплачено.

Никто не отвечал ни слова.

Один Кадо Враз, встав, сказал, обращаясь к Фюлюпику Анн Ду:

— А с чего бы это мне показалось, что я здесь лишний? Не ты ли пригласил меня? И разве я не твой дружка?

Фюлюпик хранил молчание, уткнув нос в тарелку.

— Нечего мне делать здесь со всеми, — продолжал мертвец. — Не хочу больше портить вам удовольствие. Я ухожу. Но от тебя, Фюлюпик, я имею право потребовать справедливости. Я снова тебе назначаю встречу на Ланда-От, этой ночью, в двенадцать. Будь точен. Если ты опоздаешь, я не опоздаю.

И через секунду скелет исчез.

Его уход принес облегчение, но свадьба тем не менее закончилась печально. Гости поторопились разойтись. Фюлюпик остался наедине с молодой женой. Но не ощущал радости, как говорится, у него кошки скребли на душе.

— Гаидик, — произнес он, — ты слышала, что сказала тень Кадо Враза. Что ты мне посоветуешь делать?

Она опустила голову и, поразмыслив, ответила:

— Это тяжело пережить. Но лучше узнать сразу, чего ждать. Иди на встречу, Фюлюпик, храни тебя Бог!

Новобрачный крепко поцеловал свою молодую жену и, когда подошло время, ушел. Ночь была светлой, светила яркая луна. Фюлюпик Анн Ду шел с тяжелым сердцем, с душой, полной зловещих предчувствий. Он думал: «Последний раз иду я этой дорогой. Пройдет немного времени, Маргарита Омнез снова выйдет замуж, вдова и дева». Погруженный таким образом в тягостные мысли, он пришел к подножию холма Ланда-От и оказался нос к носу со всадником, одетым в белое.

— Добрый вечер! — сказал всадник.

— И вам того же, — ответил молодой человек, — хотя я вас не знаю так же хорошо, как вы меня.

— Не удивляйтесь, что я знаю ваше имя. Я мог бы даже сказать, куда вы идете.

— Решительно, вы знаете обо всем лучше, чем я. Я-то иду, не знаю куда.

— Вы идете на встречу, которую вам назначил Кадо Враз. Садитесь сзади меня на лошадь, она у меня сильная, она легко вынесет двойную ношу. И на свидании, куда вы идете,

лучше быть вдвоем, чем одному.

Все это показалось очень странным Фюлюпику Анн Ду. Но он совсем потерял голову! И потом, всадник говорил таким добрым голосом... И он поверил, вскочил на лошадь и, чтобы удержаться, обхватил незнакомца за пояс. В мгновение ока они оказались на вершине холма. Перед ними на светлом небе черным силуэтом выделялась виселица, и труп повесившегося, от которого остался лишь скелет, качался на ночном ветру.

— Теперь слезай, — сказал Фюлюпику всадник в белом. — Иди без страха к скелету Кадо Враза, коснись его правой ноги своей правой рукой и скажи ему: «Ты звал меня, Кадо, я здесь. Пожалуйста, говори. Что ты хочешь от меня?»

Фюлюпик сделал все, что ему было сказано, и произнес магические слова.

Скелет Кадо начал тотчас же дрыгать ногами, гремя и стуча костями, и замогильный голос прохрипел:

— Проклятье тому, кто тебя *научил.* Если бы ты не повстречал его на дороге, я бы в этот час был на пути в рай, а ты бы занял мое место на этой виселице!

Фюлюпик возвратился живым и невредимым к всаднику и рассказал ему о проклятии Кадо Враза.

— Хорошо, — ответил человек в белом. — Садись снова на лошадь.

И они галопом спустились с холма.

— Здесь я тебя встретил, — снова заговорил незнакомец, — здесь и оставлю. Иди к своей жене. Живи с нею в добром согласии и никогда не отказывай в помощи бедным людям, если они тебя попросят. Я — тот ребенок, которого ты держал над купелью. Видишь, незаконнорожденного Господь может сделать ангелом. Ты оказал мне великую услугу, согласившись быть моим крестным, когда три человека отказались сделать это. Я пришел, чтобы отплатить тебе равной услугой. Мы квиты. Прощай, до встречи на небесах!

ГЛАВА XIII
АНАОН

Множество душ, несущих наказание, зовется Анаон.

* * *

Плохо, если, пользуясь таганом-треножником в очаге, вы забудете его на огне.

Стоит треножник на огне,
И в муках души бедные.

Если таган-треножник, который больше не нужен, остается на огне, следует позаботиться о том, чтобы на нем лежал хотя бы один тлеющий уголек, чтобы предупредить мертвых, которые захотят на него сесть, что таганок еще горячий. Мертвым всегда холодно, они все время стремятся проскользнуть к очагу, где они садятся на любой предмет. Важно не причинить им нечаянно боль.

* * *

Нехорошо подметать в доме после захода солнца. Можно вместе с мусором нечаянно вымести души мертвых, которым нередко в этот час разрешено вернуться в свой дом.

Особенно нужно остерегаться снова выметать мусор, внесенный в дом ветром. Тому, кто нарушает эти предписания, не придется спать спокойно, — он будет все время вскакивать, разбуженный душой покойника.

Когда выметают мусор вечером, выгоняют Богоматерь, которая обходит дома, чтобы выбрать, в какой из них можно позволить вернуться какой-нибудь доброй душе.

* * *

Хорошо оставлять в очаге теплящийся под золой огонек, чтобы мертвый смог прийти к себе домой погреться.

* * *

Пока день, земля принадлежит живым, приходит ночь — она принадлежит душам умерших. Честные люди в час призраков стараются спать, закрыв все двери. Нельзя без особой нужды оставаться вне дома после захода солнца. Особенно между десятью часами вечера и двумя часами ночи.

* * *

В эти опасные часы нельзя идти ночью одному за священником, врачом или за знахаркой. Но больше чем вдвоем тоже идти нельзя.

* * *

Нехорошо свистеть, выходя из дому ночью, можно навлечь на себя гнев Анаона.

* * *

Когда нужно подняться по склону холма, заросшего утесником, следует сначала каким-то звуком, например кашлем, предупредить души, которые, может быть, в зарослях отбывают свое наказание, чтобы они удалились. И прежде чем начать жатву на ржаном поле, нужно сказать: «Если Анаон здесь, мир его душе!»

* * *

Господин Долло прогуливался однажды в полях вместе с каким-то господином из города. Дорога, по которой они следовали, была ограждена плетнем из ветвей утесника. Шагая по дороге, месье из города развлекался, сбивая тростью концы веток, выступавших из плетня. Преподобный Долло внезапно схватил его за руку и сказал: «Прекратите эту игру... Подумайте о том, что тысячи душ исполняют свое послушание, очищение среди ветвей утесника, а вы их тревожите...»

* * *

Когда, идя под дождем, вы заметите на мокрой дороге сухие пятна, можете не сомневаться — это Анаон проходит свое очищение.

* * *

Всякий раз, когда произносится имя скончавшегося человека, нужно, чтобы избежать его гнева, произнести короткую молитву: «Помилуй его, Господи».

Те, кто при жизни сокращал утренние или вечерние молитвы, торопясь начать работать или лечь в постель, не дойдя до последнего «Аминь» бродят по пустынным дорогам, бормоча свои «Отче наш». Проговорив последнюю фразу, они вдруг замирают и никак не

могут найти слово, завершающее молитву.

Например, можно услышать, как они повторяют с отчаянием:

— *Sed libera nos a malo!.. Sed libera nos a malo!..* [39]

Они будут освобождены однажды, если только кто-нибудь из живых наберется смелости и присутствия духа и ответит им: «*Amen!*»

Но достаточно даже, если какой-нибудь путник будет читать, идя по дороге, молитву и произнесет слово, которое ищет душа, проходящая свое испытание, и тогда она будет спасена.

* * *

Некоторые души осуждены нести наказание до тех пор, пока желудь, подобранный в день их смерти, не станет деревом, годным на какое-нибудь дело. Так было с Жуаном Кайнеком. Но Жуан Кайнек при жизни был хитрецом и кое-какую свою хитрость сохранил и после смерти. Как только желудь, посаженный в день его кончины, пророс из земли, молодой росток был срезан, из него смастерили штифт для тележного колеса. Благодаря этому, Жуан недолго жарился на огне.

* * *

Многие поля разделены на мелкие участки, по-бретонски — ташенну. Они обычно отмечены всего лишь гранитными столбами, поставленными по углам. Так вот, есть не слишком совестливые люди, которые, купив или арендовав один такой ташенну, приходят ночью, чтобы переставить межевые столбы и прихватить немного земли у соседа. Из-за этого и возникают долгие тяжбы, и суды никак не могут ничего решить, потому что не было сделано предварительного раздела, и одни лишь столбы служат доказательством. Чаще всего обиженный сосед не может сделать ничего другого, как прибегнуть к Божьему суду. Указывая на обвиняемого, он произносит: «Пусть камень, который ты передвинул, добавит свой вес на чашу твоих грехов на том свете!»

Вот почему нередко ночью на сельских дорогах можно встретить людей, согнувшихся пополам под тяжестью камня, который они обязаны вечно держать в равновесии на голове. Они бредут, мучаясь, по дороге и повторяют один и тот же свой вопрос каждому встречному: «Куда же мне его положить?» Это Анаон тех, кто переместил когда-то межевой столб и которых Бог осудил вечно блуждать по земле в поисках того самого места, где первоначально был поставлен каменный столб, — и самим им не дано это место найти. Чтобы освободить их, нужно, чтобы кто-нибудь из живых имел силу духа ответить им: «Положи туда, где он и был».

Два друга

Два батрака из Ботсореля, Пьер Де Кам и Франсуа Куртес, так крепко дружили между собой, что ничего не скрывали друг от друга и все делили пополам — и горести, и радости. В таком согласии про жили они десять лет, и ни разу ни малейшей ссоры не было между ними.

— Одна смерть может нас разделить, — говорили они.

А еще они поклялись, что тот, кто умрет первым, придет, если на то будет Божье соизволение, рассказать другу о своей участи в ином мире.

Первым, кого поразил Анку, был Пьер Де Кам: его унесла злая лихорадка, едва он

---

[39] «Sed libera nos a malo» («Но избави нас от лукавого», *лат.)* — последняя фраза молитвы «Pater noster» («Отче наш»), за которой следует «Аминь».

достиг двадцати пяти лет. Пока он болел, Куртес не отходил от его изголовья, а от его могилы ушел только тогда, когда могильщик закончил выравнивать над нею священную землю.

В ночь после похорон Куртес в обычный час отправился в постель, но не мог заснуть. Его голова была слишком занята мыслями о том, где же теперь его друг, что он делает и не очень ли ему грустно было покидать мир живых. И еще одна мысль мешала ему заснуть: он ждал, а вдруг да придет к нему бедный Пьер Де Кам, и ни за что на свете Куртес не хотел бы проспать такой момент.

И вот он с тяжелым сердцем размышлял обо всех этих вещах, как вдруг услышал шаги на дворе. По звуку этих шагов он признал своего друга, шедшего к нему. И действительно, тотчас же дверь конюшни, где он ночевал, приоткрылась.

«Я не ошибся», — подумал он.

Как бы ни хотелось видеть дорогого ему человека, он все же не сдержал дрожи, когда из темноты раздался такой знакомый голос:

— Ты спишь, Франсуа?

И Куртес ответил с волнением:

— Нет, Пьерик, я не сплю. Я ждал тебя.

— Ну что ж, вставай и идем.

Куртес даже не спросил, куда он должен идти; он тут же поднялся, оделся и пошел к двери. На пороге он увидел стоящего Де Кама, завернутого в саван. Заметив, с какой грустью смотрел на это печальное одеяние Куртес, Де Кам сказал ему:

— Увы, да, мой друг, отныне этот саван — все, чем я владею.

— И как же ты там?

— Вот для того, чтобы ты это увидел, я и пришел за тобой: мне позволено показать это тебе, если ты согласен, но не рассказать.

— Ну что ж, — ответил Франсуа Куртес, — я готов.

Его друг поспешно повел его к мельничной запруде в Гоазваде, в четверти часа ходьбы от фермы. Когда они пришли на берег, призрак сказал своему спутнику:

— Сними свою одежду и обувь, разденься догола.

— Зачем? — растерялся Куртес.

— Чтобы войти со мною в пруд.

— Но ночь холодная, и вода здесь глубокая, а я не умею плавать.

— Не волнуйся, тебе не придется плавать.

— Впрочем, после того, что случилось, будь что будет: я решился идти за тобой, куда бы ты меня ни повел, и я пойду за тобою.

В то же мгновение мертвый бросился в пруд, и живой тотчас же сделал то же самое. Оба стали опускаться на дно, пока их ноги не коснулись песка. Де Кам держал Куртеса за руку. Тот был сильно удивлен, что он дышит под водой так же свободно, как наверху, на воздухе. Но одно только плохо: он дрожал всеми членами и зубы его стучали, как камни в камнедробилке. Было страшно холодно в этом замерзшем пруду.

Прошел почти час, как они были там, и совсем закоченевший Куртес решился спросить:

— Я еще долго должен здесь оставаться?

— Ты так торопишься расстаться со мной? — ответил тот, другой.

— Нет, конечно; ты же хорошо знаешь, что я в жизни не был счастливее, чем когда мы были вместе... Но здесь ужасно холодно, такая мука, что не знаю даже, как это сказать.

— Ну что ж, свои муки умножь втрое и получишь слабое представление о моих.

— Бедный, бедный Пьерик!

— И учти, что твое присутствие их чуточку уменьшает и даже сокращает срок моего наказания.

— Тогда я останусь столько, сколько нужно.

— Когда прозвонит утренний «Анжелюс», ты будешь свободен.

Наконец раздался колокольный звон из Ботсореля — этот «Анжелюс». Куртес очутился живым и невредимым в месте, где он оставил свою одежду.

— Прощай, — услышал он голос своего друга, чья голова показалась над водой. — Если ты чувствуешь в себе смелость начать все снова, вечером увидимся.

— Я буду ждать тебя, как вчера, — ответил Куртес.

И он отправился в поле догонять мужчин с фермы, словно он провел ночь в обычном покое. А когда наступил вечер, он улегся в постель, но не раздеваясь, чтобы быть полностью готовым к приходу друга. Тот появился в тот же час, что и накануне, и так же, как накануне, оба отправились на пруд. Там все повторилось, кроме одного: страдания живого удвоились.

— Тебе хватит мужества начать все снова в третий раз? — спросил у него мертвый.

— Даже если я должен погибнуть, я останусь верен тебе до конца, — ответил Куртес.

Когда он пришел на ферму, чтобы заняться своим обычным делом, хозяин поразился его бледности и слабости.

«Наверное, этот добряк, — подумал он, — провел ночь на кладбище, на могиле своего друга: потеряв его, он не может утешиться».

И он решил подкараулить Куртеса тем же вечером. Ему пришлось ждать до полуночи. Ночь была лунной, светлой, и тут он увидел, как через двор прошел призрак, открыл дверь конюшни, вошел в нее, а потом вышел вместе с Франсуа Куртесом. И оба, живой и мертвый, зашагали по направлению к мельнице. Хозяин проскользнул в тени холма следом за ними. Спрятавшись за ивами, растущими над прудом, он видел их погружение в воду и слышал их разговор под водой.

— Ох, не могу больше! Больше не могу! — стонал Куртес.

А другой, не переставая, повторял:

— Держись! Держись!

— Нет! Я чувствую, что изнемогаю, я не дотерплю до «Анжелюса»!

— Нет, нет, будь сильным! Еще два часа... Еще полтора часа... и благодаря тебе я буду спасен! Думай об этом. Твои страдания закончатся, и ты откроешь мне двери рая, где скоро ты соединишься со мной.

Фермер за ивами исходил отчаянием. Ему хотелось убежать, но он не решался двинуться... Зазвонил «Анжелюс». И тотчас из глубины пруда раздался крик:

— Франсуа!

— Пьерик!

И фермер увидел какой-то пар, который поднялся над водой и растворился в облаках. И в то же время Куртес в изнеможении упал почти к его ногам. Фермер бросился к нему, помог ему одеться и, так как тот не в состоянии был идти, донес его на руках до фермы, где бедный парень успел еще принять последнее причастие, прежде чем испустил дух.

* * *

Дети, умершие некрещеными, блуждают в небесах в виде птиц. Они издают слабый жалобный крик, похожий на писк новорожденного. Их часто принимают за птиц настоящих; но старики узнают их безошибочно. Рассеянные в пространстве, души таких детей ждут конца света. Тогда святой Иоанн Креститель совершит над ними таинство, которого им не хватает, и после этого они улетят прямо на небо. Женщины чистой, святой жизни, прежде чем попасть в рай, могут пройти через чистилище, чтобы увидеться там со своими детьми, умершими без крещения, в особенности женщины, которые много молились за души грешников.

* * *

Есть и такие среди душ, которые совершают свое покаяние в виде коровы или быка, согласно полу, какой они имели при жизни. Души богатых пасутся в бесплодных полях, где

только камни и тощие травы. Души бедных находят в изобилии, что пощипать на сочных пастбищах, где хватает и клевера, и люцерны. Те и другие отделены друг от друга только стеночкой толщиной в один камень. Зрелище бедных, которым все дается так щедро, добавляет горечи богатым, а их нищета делает радость бедных еще слаще. И правду сказать, зачем же нужен мир иной, если он не противоположность нашему?

Заяц из Коатнизана

Каждый стоящий в руинах замок имеет своего волшебного зайца.

Только в одном округе Ланньона есть заяц замка Тонкедек, заяц замка Коатрек, свои зайцы у замка Коатнизан и замка Керам и всякие другие, которых я забыл.

Все эти зайцы — это души старых владельцев, которые в таком облике отбывают свое покаяние. Они заставляли дрожать всех вокруг, когда были живыми, за это теперь, после смерти, они осуждены стать самыми пугливыми животными. Они получат спасение только после того, как охотники, которые не знают, на кого они охотятся, выстрелят в них ровно столько раз, сколько раз они стреляли или заставляли стрелять по бедным людям, которые зависели от них когда-то.

Свинец проходит через них, не убивая, они не теряют и капли крови, но страдают не меньше, чем если бы всякий раз умирали.

Вот так однажды Жером Лостис из Плюзюнета, охотясь на землях Коатнизана, увидел необыкновенно крупного зайца, который выскочил прямо из-под его ног и попытался спрятаться в голубятне.

— Вот это да, — сказал себе очень довольный Жером, — это все равно что поймать его прямо у себя в сумке.

Одно только его удивило: собака, которая, как и он, увидела зайца, вовсе не желала его преследовать. Пришлось ему одному идти в голубятню. Заяц сидел там, прижавшись к стене. И Жером вскинул ружье и нажал на курок. Пум!.. Дым рассеялся, он бросился вперед, чтобы подобрать дичь, опасаясь только, что разнес ее в клочья, стреляя с такого близкого расстояния. Но каково же было его изумление, когда он увидел, что заяц жив, как будто и не получил полного заряда свинца, и смотрит на него, не двигаясь, человечьими глазами.

— Вот безрукий-то я! — вскричал Жером Лостис, уверенный, что промахнулся, — он, который по праву слыл лучшим стрелком в окрестностях.

И он прицелился второй раз.

И тут вдруг заяц заговорил:

— Ты зря на себя сердишься, ты не промахнулся.

Жером почувствовал такой ужас, что ружье выпало из его рук. А заяц продолжал печально:

— И все-таки ты стреляй. Ты сократишь срок моего наказания, мне остается еще семьсот двадцать семь выстрелов до моего спасения.

Жером Лостис и на самом деле поднял свое ружье, но только для того, чтобы удрать со всех ног. На этот раз заяц заставил бежать охотника.

Свинья и семь черных поросят

Это произошло в Трегроме. В приходе была одна женщина нехорошей жизни, родившая семь детей, от которых она постепенно избавилась так, что никто и не заметил. Но последний ребенок стал причиной ее собственной смерти, и тогда все узнали, какую жизнь она вела.

Вскоре после ее смерти люди, проходя мимо дома, в котором она жила, увидели на дороге старую тощую свинью с семью черными поросятами.

— Смотри-ка, — сказал один из проходивших, — свинья потерялась.

Поскольку рядом с домом был пустой свинарник, он решил загнать в него свинью вместе с приплодом. Но животное тут же стало злобно хрюкать и обнажило длинные клыки, как у дикой свиньи. Тогда один старик, который был здесь же, сказал:

— Послушайте меня, оставьте эту свинью в покое, она не из тех, кого можно запереть в хлев.

На другой вечер крестьянин из ближней округи возвращался с пахоты с лемехом от плуга на плече (в те времена плуг оставляли в поле, а лемех приносили домой). Он тоже натолкнулся на старую свинью, и так как она преградила ему и без того узкую дорогу, он бросил в нее лемех, ударив по ногам. Но это было очень неосторожно. Животное бросилось на него, опрокинуло и топтало его так, что у него едва хватило сил дотащиться до своих хозяев, и, коснувшись порога дома, он скончался.

После этого жители Трегрома, заметив старую свинью в одной стороне, тут же убегали в другую. Самым странным было то, что ее черные поросята, взрослея, светлели, но не росли.

В конце концов все пошли к ректору просить его, чтобы он избавил деревню от этих странных животных. Его просили произнести над ними заклятие. Но ректор ответил, что он ничего не может сделать.

— Подождите семь лет, — сказал он. — Пройдет этот срок, и вы их больше не увидите.

И действительно, через семь лет они исчезли.

* * *

Есть такие души, которые осуждены делать брикеты из торфа в таком количестве, чтобы три года подряд отапливать чистилище; а есть еще такие, которые должны собирать хворост, чтобы в течение назначенного ряда лет поддерживать в чистилище огонь.

Два старых дерева

Это случилось в Плугазну, не так уж давно.

Жили там на бедной маленькой ферме один добрый малый и его жена, которые, не имея молотилки, молотили зерно цепом. С восхода солнца до заката они дружно трудились — муж раскачивал цеп, а жена подстраивала под него свой шаг.

Как вы понимаете, закончив день, они с удовольствием отправлялись в свою постель, хотя матрас у них был из соломы, а простыни из грубой холстины. Но, отужинав наскоро несколькими картошками и произнеся короткую молитву, они укладывались рядышком и мгновение спустя уже похрапывали наперегонки.

Но в последний вечер, когда наступил, как это называется, гвастель (конец молотьбы), муж так сказал своей жене:

— Радегонда, у богатых, когда кончается август, делают по вечерам угощение для молотильщиков. Если ты пожелаешь сделать угощение для меня, такое как мне хочется, испеки блинов, добрых гречишных блинов, как ты это умеешь делать, Радегонда.

Жена, которая падала от усталости, закричала:

— Блины, ах, бедняга! Да ты что придумал! Во- первых, у меня руки отваливаются. Разве я не работала наравне с тобой? А ведь я не такая сильная, как ты, и я больше не могу. Откуда я возьму силы развести огонь, замесить муку и сделать тесто? И потом, даже если бы я и нашла силы, я все равно не могла бы исполнить твое желание, у нас в ларе нет и щепотки муки! Или ты не помнишь, что, с тех пор как больше недели мы занимаемся урожаем, ты ни разу не ходил к мельнику?

— Ну, если дело только в муке, я займусь этим.

— Неужели ты пойдешь на мельницу? И это после того, как ты работал, словно вол?

Жестокий же у тебя хозяин — твой живот, Эрве Мингам!

Эрве Мингам ответил умоляюще:

— Ну же, Радегонда, ну один раз?..

Тогда она смягчилась:

— И вечно я, глупая, потакаю твоим прихотям... Ладно! Иди, да постарайся вернуться побыстрее, чтобы я не заснула здесь одетая, дожидаясь.

Не успела она договорить, как муж уже широкими шагами спускался к мельнице. Было светло, и он скорее бежал, чем шагал, но там, где дорога проходила между двумя высокими холмами, он вынужден был замедлить шаг. И ему пришлось идти почти на ощупь, потому что тень отбрасывали не только холмы, но и растущие здесь очень старые деревья. Так что он ступал осторожно, пробуя каждый шаг. И вот, в глубокой тишине, в неподвижном воздухе, какой бывает теплыми августовскими вечерами, он услышал, как листва над его головой вдруг как-то странно и неожиданно зашумела.

«Что такое? Что-то необычное!» — подумал он.

Он поднял глаза и, хотя было темно, узнал по серебристо-белому цвету коры, что два дерева, чья листва шумела, были два почтенных бука, которые росли друг против друга на склонах холмов, соединяя свои ветви так, словно они обнимались. А еще более странно было то, что их очень легкий шум казался шепотом двух человеческих голосов. Эрве Мингам замедлил шаг и прислушался. Никакого сомнения, два бука беседовали друг с другом. Наш славный муж, слушая их, забыл и про мельницу, и про муку, и про блины.

Первое из деревьев, справа, говорило:

— Боюсь, тебе холодно, Маарита. Ты вся дрожишь.

А другое дерево, слева, отвечало, дрожа:

— Да, Жельвестр, я правда промерзла до костей. И так всякий раз, когда наступает ночь; меня пробирает таким холодом, словно снова пришла смерть... Счастье, что этим вечером пекут блины у нашего сына: разведут добрый огонь, и, как только его жена и он лягут спать, мы сможем тоже погреться возле углей.

И снова — первое дерево:

— Я пойду с тобой, чтобы ты не ходила одна, Маарита. Но если бы ты меня послушалась, когда была жива, тебе не нужно было бы ждать, когда будут печь блины у сына, чтобы немного согреться. Сколько раз я просил тебя быть более щедрой к бедным! А ты все ссылалась на то, что у нас почти ничего нет, и не хотела ничего им давать. И вот теперь ты наказана. У тебя было холодное сердце, и вот ты наказана холодом. А я был слишком снисходителен к твоему греху и вот наказан вместе с тобой. Но я хоть не страдаю, как ты. Бедным, которым отказывала ты, я тайком от тебя давал все, что мог. Например, во время поста я давал им куски масла, завернутые в капустные листы, а в скоромные дни — куски сала в бумаге, и теперь эта бумага и эти капустные листы служат мне одеждой, которая меня согревает.

— Ах!.. — вздыхало другое дерево так горестно, что казалось, от него отлетает душа.

Эрве Мингам не стал слушать дальше. Рискуя двадцать раз сломать себе шею на каменистой дороге, он одним духом скатился со склона к мельнице Троир. Обратный путь он проделал вдвое длиннее, лишь бы не идти снова мимо двух старых буков.

— Право слово, — встретила его жена, — я думала, что ты уже не вернешься никогда.

И, заметив его странный вид, спросила:

— Да что такое с тобой? Что ты такой бледный?

— Ничего, просто я очень устал, все тело болит. После трудного дня такая пробежка, — действительно, это слишком!

— А я тебе что говорила! Ладно уж, утешься, раз уж ты принес муки, будут тебе блины.

— Да, — прошептал он, — сейчас это нужно больше, чем когда-либо.

Радегонда решила, что он хочет сказать, что теперь, когда он так долго ждал, он особенно хочет блинов, и проворно принялась печь. Обычно Эрве не испугали бы и

двенадцать блинов, но на этот раз уже после третьего он объявил, что сыт.

— Ну вот, здрасте!.. Если бы я знала, я не разводила бы такой огонь, — подосадовала жена. И, сняв сковородку, она приготовилась сгребать угли.

Но Эрве ее остановил:

— Оставь их догорать и идем спать.

Он подождал, пока она разденется, и, когда она отвернулась, чтобы забраться в постель, он подбросил в огонь еще охапку щепок. Радегонда как легла, так тут же и заснула. А он остался лежать с открытыми глазами, прислушиваясь. Сквозь щели створок закрытой кровати, стоявшей прямо напротив окна, просматривались двор и дальнее поле, — светила луна. Ночь была тихой, ни ветерка, как это бывает поздним летом. Пробило десять, потом одиннадцать. Никто не появлялся. Мужчина начал сомневаться... Но где-то около половины двенадцатого он услышал шумок, как бывает, когда волокут ветви или когда шумят листья. Мало-помалу шум нарастал и стал похож на шум ветерка в ветвях деревьев. И Эрве отчетливо увидел тени двух буков, движущихся к дому. Они шли рядком, близко держась друг к другу: можно было подумать, что их несла земля. При свете луны было видно, как блестят их серебристые стволы под пышной листвой. Наконец они пересекли дворик.

— Фру-у-у!.. Фру-у-у!.. — скрипели их огромные ветви.

Человек под одеялом стучал зубами от страха. Он даже не представлял себе, чтобы два дерева, одни, могли бы шуметь как целый лес. Но их шум теперь окружал его, был над ним, внутри его — везде.

«Они опрокинут дом», — говорил он себе.

Он услышал, как толстые ветви задели стены и солому на крыше. Трижды два бука обошли жилище, видимо, чтобы найти дверь. Внезапно она распахнулась. Человек закрыл лицо руками, чтобы не видеть, что сейчас будет. Но через три-четыре минуты, не слыша никакого особенного шума, он осмелился посмотреть сквозь щели кроватных створок. И вот что он увидел: его отец и мать сидели на деревянных скамеечках по обе стороны от очага — и были не деревьями, а такими, какими были при жизни. Они тихо разговаривали друг с другом. Старушка приподняла свою рыжую бумазейную юбку, чтобы согреть ноги перед огнем, а старик спрашивал ее:

— Ты согрелась немножко?

— Да, — отвечала она. — Наш сын позаботился бросить в огонь еще одну охапку щепок.

Тогда Эрве тихонько разбудил жену.

— Посмотри.

— Что? Куда?

— Там, у очага, двое стариков. Ты их не узнаешь?

— Ты или спишь, или у тебя лихорадка, мой бедный муж. Ничего там нет, только угли тлеют в очаге.

— Положи свою ногу на мою, Радегонда, и будешь видеть как я.

Она положила свою ногу на его ногу и на самом деле увидела двух стариков.

— Господи, помилуй усопших!.. Это же твои отец и мать, — прошептала она, сжав руки от удивления и страха.

Он ответил:

— Пожалуйста, не спугни их.

— А что они хотят?

— Я потом тебе объясню, когда они уйдут.

Возле очага старик говорил старушке:

— Ты хорошо согрелась, Маарита? Скоро наш час.

А старушка отвечала старику:

— Да, Жельвестр, мне больше не холодно. Но я не дождусь, когда же уже кончится мое суровое наказание.

При этих словах раздался первый удар полночи. Оба старика поднялись и исчезли. И

тогда снова вдоль дома зашумела листва:

— Фру-у-у!.. Фру-у-у!..

Потом шум стал затихать, по мере того как удалялись тени двух деревьев. Радегонда дрожала от страха, она не могла понять, что это она только что видела. Когда ночь снова наполнилась тишиной и покоем, муж рассказал ей, что с ним приключилось на каменистой дороге и как он узнал тайну двух умерших.

— Что ж, — сказала Радегонда, — завтра я отнесу в церковь каравай, натертый салом, для бедных, у которых нет и той малости, что есть у нас, и закажу две панихиды.

Так они и сделали, и с тех пор два бука больше не разговаривали.

ГЛАВА XIV
ПРАЗДНИКИ ДУШ

Есть в году три события, три торжественных праздника, когда в каждой местности встречаются все мертвые:

1) рождественский сочельник;

2) ночь святого Иоанна;

3) вечер накануне Дня Всех Святых.

В ночь перед Рождеством можно видеть, как по дорогам идут длинные процессии мертвых. Они тихими и нежными голосами поют рождественский кондак. Слыша их, можно подумать, что это шелестят листья тополя, если бы в это время на тополях были листья.

Во главе процессии идет призрак чуть сгорбленного старого священника, с волосами, белыми как снег. В бесплотных руках он несет дароносицу.

За священником идет мальчик из хора, позвякивающий крошечным колокольчиком.

За ними следует толпа в два ряда. Каждый мертвый держит зажженную свечу, пламя которой не колеблется от ветра.

И так они шествуют к какой-нибудь заброшенной и разрушенной часовне и служат там только панихиды по душам усопших.

Месса душ

Мой дед, старый Шаттон, возвращался однажды вечером из Пемполя, где он получал свою пенсию. Было это накануне Рождества. Весь день шел снег, вся дорога была белым-бела; в снегу были и поля, и холмы. Боясь потерять дорогу, дед пустил лошадь неторопливым шагом.

Когда он подъезжал к старой разрушенной часовне рядом с дорогой, на берегу Трие, он услышал, что бьет полночь. И тотчас зазвучал надтреснутый колокольный звон, призывающий на службу.

«Ого, — подумал мой дед, — значит, все же старую часовню Святого Христофора отремонтировали. А я даже и не заметил, когда утром проезжал мимо. Правда, я и не посмотрел в эту сторону».

Колокол продолжал звонить.

Часовня стояла как новенькая при свете луны. Внутри горели свечи, красноватые отблески освещали стекла.

Дед Шаттон спешился, привязал лошадь к ограде, которая там была, и вошел в «дом святого».

Часовня была полна народу. И весь этот народ был погружен в благоговейное молчание. Даже ни малейшего покашливания, которые всегда нарушают тишину в церкви.

Старик встал на колени недалеко от входа.

Священник был в алтаре. Церковный служка расхаживал по клиросу.

Дед сказал себе: «Во всяком случае, я не пропущу всенощную».

И он стал молиться, как и полагалось, за всех своих умерших родных.

Тем временем священник обернулся к прихожанам, чтобы благословить их. Дед обратил внимание на его странно сверкающие глаза. Удивительная вещь, эти глаза, казалось, выделили в этой толпе его, Шаттона, и замерли на нем. И вот тут-то дед почувствовал какое-то смущение.

Священник взял из дарохранительницы просфору, зажал ее между пальцами и спросил глухим голосом:

— Есть кто-нибудь, кто может причаститься?

Никто не ответил.

Священник трижды повторил свой вопрос. Та же тишина. Тогда поднялся мой дед Шаттон. Он был возмущен, что все остаются безразличными к призыву священника.

— Клянусь, господин ректор, — громко сказал он, — я исповедовался этим утром, перед тем как отправиться в дорогу, я собирался причаститься завтра, в день Рождества. Но если это вам будет приятно, я готов сейчас принять тела и крови Господа нашего Иисуса Христа.

Священник тотчас же спустился по ступеням алтаря, в то время как дед шел через толпу, чтобы преклонить колена перед оградой клироса.

— Благославляю тебя, Шаттон, — сказал священник, как только дед проглотил облатку. — Однажды рождественской ночью, когда шел такой же снег, как сейчас, я отказался пойти к умирающему, чтобы дать ему последнее причастие. Вот уже триста лет прошло с того времени. Чтобы я получил прощение, кто-нибудь из живых должен был принять причастие из моих рук. Благодарю тебя! Ты спас меня и души всех покойных, которые присутствуют здесь. До свидания, Шаттон, до свидания, до скорой встречи в раю!

И едва только он договорил эти слова, как все свечи погасли.

Дед очутился один в разрушенном здании с небом вместо крыши; он был один среди зарослей колючего кустарника и крапивы, заполонивших руины. С невероятным трудом выпутавшись из них, он оседлал свою лошадь и продолжил путь.

Вернувшись домой, он сказал жене:

— Придется тебе приготовиться к тому, что скоро ты меня потеряешь. Я уже принял свое последнее причастие. Но утешься, это причастие приведет меня прямо в рай.

Две недели спустя он умер.

* * *

В Иоаннову ночь во всех городках, деревнях, на всех хуторах Нижней Бретани разжигают *tantad* — тантады — костры. Когда пламень костра начнет угасать, все присутствующие становятся на колени вокруг груды раскаленных углей. И начинается молитва. Всегда кто-нибудь из старейших руководит этим. Молитва заканчивается, старейший поднимается, следом за ним и все остальные, и, выстроившись в цепочку, они начинают шагать в полной тишине вокруг тантада. Сделав третий круг, все останавливаются. Каждый поднимает с земли камень и бросает его в костер. Этот камень теперь называется Анаон.

Исполнив этот обряд, толпа рассеивается.

Как только исчезают живые, собираются мертвые — мертвые, которых притягивает огонь, мертвые, которым всегда холодно, даже в самые теплые ночи июня. Они счастливы, что могут согреться у остатков тантада. Они садятся на камни, на Анаон, оставленные специально для них. И до утра они греются.

На следующее утро живые приходят к месту вчерашнего костра. Тот, чей камень перевернулся, может готовиться к смерти в течение года.

* * *

Есть обычай приходить к костру на Ивана Купалу с цветком, который именно в связи с этим зовется *louzaouen Sant-Iann* — лузауан Сент-Йанн — трава святого Иоанна. Его стебель девять раз проносят над пламенем, а вернувшись к себе домой, помещают его за край какой-нибудь мебели — шкафа или буфета. Далее будет одно из двух: или он поникнет головой и высохнет, или, напротив, выпрямится. В первом случае — это знак того, что человек, сорвавший цветок, должен умереть до окончания года.

* * *

И в Верхней, и в Нижней Бретани есть обычай продавать на ярмарках золу костра святого Иоанна. Кто ее купит, тот может быть уверен, что не умрет в текущем году.

* * *

Вечером перед Днем Всех Святых, в канун праздника поминовения усопших *(Goel ann Anaon* — Гоэль анн Анаон), все покойники приходят навестить живых.

* * *

Люди, которые в ночь перед Днем Всех Святых ходят из дома в дом с пением «плача по усопшим», нередко ощущают на затылке холодное дыхание Анаона — души покойного, замешавшейся в толпе.

Часто в эту ночь можно слышать, как сухие листья шелестят по тропинкам, словно под ногами невидимых существ.

Мертвые проводят всю ночь перед их праздником греясь и лакомясь в своих прежних жилищах.

Нередко люди, живущие в доме, слышат звук отодвигающихся табуреток. На следующее утро замечают иногда, что ночные посетители передвинули посуду в буфете.

На рассвете мертвые одновременно с живыми отправляются на мессу, которую служат по ним в церкви их прихода.

Однажды, когда мой отец пошел один в церковь на поминальную службу, он вдруг услышал, как кто-то позвал его: «Эй, Йанн, подожди меня». Отец обернулся, но никого не увидел. Но он узнал голос своей матери, умершей за год до этого.

* * *

Приход Плугастель-Даулас, самый большой в Финистере, разделен на несколько братств *(breriez* — бремиез). Вечером перед Днем Всех Святых, после поминальной службы, члены каждого братства собираются у одного из них, чтобы исполнить следующий ритуал.

Кухонный стол покрывают скатертью, на которую выкладывается большой каравай хлеба, испеченный в доме хозяина. В середину каравая помещают маленькое деревце, на каждой ветке которого висит красное яблоко. Все это закрывают белым полотенцем.

Члены братства рассаживаются вокруг стола, и хозяин дома, как лицо официальное, начинает читать молитвы, ему вторят все остальные. Прочитав молитвы, хозяин снимает полотенце, разрезает каравай на столько кусков, сколько членов в братстве, и начинает продажу этих кусков по два, четыре и даже по десять су за каждый. Тот из членов братства, кто не купит «хлеба душ» *(bara an Anaon* — бара ан Анаон), рискует навлечь на себя гнев покойных родственников. И ни в чем больше не будет ему удачи.

Собранные таким образом деньги предназначены на оплату поминальных служб. А что касается дерева с красными яблоками, символа братства, чье имя оно носит, то человек, которому поручается поставить каравай хлеба в следующем году, с наступлением ночи

приходит за ним и располагает на нем яблоки по-своему до тех пор, пока не придет время их заменить.

В день поминовения усопших на всех фермах принято после ужина разжигать большой огонь в очаге. Этот огонь служит не для приготовления еды или обогрева. Никто из живущих не садится к нему и не вешает над ним котла. Это огонь Анаона, предназначенный единственно для очищения душ, для их вечного избавления от пламени чистилища. И в этот вечер никто не ест никакой пищи после ужина. Считается, что малейший кусок, съеденный в это время живым, принесет несчастье мертвым.

ГЛАВА XV
ПАЛОМНИЧЕСТВА ДУШ

Есть два паломничества, которые нужно совершить хотя бы один раз в жизни.

Первое — это паломничество в Локронан, в день, когда там проходит Тромени[40]; надо трижды обойти вокруг места, где укрывался святой Ронан.

Считается, что паломничество не состоялось, если во время прохода хотя бы один раз повернешь голову. Важно также идти по следам святого Ронана, не отклоняясь, даже если возникнет канава, или густые заросли, или овраг.

Люди, совершавшие Тромени в одиночку, для себя, часто слышали шелест в кустах или звук шагов по тропинке, хотя при этом они никого не видели. Это были души тех, кто не совершил Тромени при жизни, и теперь они отдавали свой долг после смерти.

Случается иногда, что непогода мешает выходу процессии Тромени. Но тогда таинственные колокола начинают звонить на небе, и в облаках можно видеть длинную вереницу теней. Это души умерших, несмотря ни на что, исполняют святой обряд. Их ведет сам святой Ронан, он идет впереди и звонит в свой железный колокольчик.

* * *

Другое обязательное паломничество — паломничество Сен-Серве (по-бретонски — Сан Жельвестр-ар-Пиан).

Если не совершить это паломничество при жизни, исполнишь его после смерти. В этом случае придется нести на спине свой гроб и продвигаться ежедневно не больше чем на его длину. В стене церкви Сен-Серве открывается глубокая впадина. Через нее покойники, исполнившие свой долг, уходят в землю. Достаточно засунуть голову в отверстие дыры, и услышишь, как гробы стучат о стены и грохочут, падая на дно могилы.

* * *

Когда при жизни даешь обет посетить святые места и не выполняешь его, придется делать это после смерти. Но покойник не может совершать паломничество один. Ему нужно обзавестись живым спутником. И вот он начинает приходить в *час мертвых,* то есть в полночь, к кому-нибудь из своих близких. Он будит его и разговаривает с ним «в его снах».

* * *

Жакет Граз из Ланмера, паломница по поручению, шестьдесят раз отправлялась в путь для покойников.

Каждый раз перед тем как отправиться в паломничество, она сначала шла на кладбище,

---

[40] Тромени Локронана, или Тро-менез, — процессия протяженностью 12 км, которая проходит каждые шесть лет в июле, по склону и вокруг холма Локрон в Локронане.

вставала на колени перед могилой покойного и трижды ударяла по надгробию маленьким белым посохом — знаком ее ремесла — и говорила мертвому так:

— Вы давали обет при жизни пойти на поклон туда-то. Вы этого не сделали. Во имя упокоения вашей души, я иду туда вместо вас. Будьте со мною, но не идите ни впереди, ни сзади меня, а только рядом со мною.

* * *

Однажды я возвращалась из Релека, куда я ходила молиться за умершего ребенка.

Я ушла рано, еще до рассвета, но ночь была светлой, звездной. По дороге к Морлэ я видела, как белое платье, такое как на ангелах в церкви, пересекло дорогу три раза туда и обратно.

Некоторое время спустя, когда я подходила к бумажной фабрике, я подняла глаза к небу и увидела, как упали и полетели три звездочки, оставив пустое место, словно уступив его кому-то другому, кого не было видно. И я поняла, что мое паломничество было не напрасным.

Паломничество Мари Сигорель

Однажды утром, проснувшись, я увидела, что ко мне входит Мари Сигорель — соседка, жившая за счет паломничеств, которые ей заказывали.

— Простите, — сказала она, — правда ли, что я слышала, что вы дали обет сходить к святому Самсону?

— Да, это так.

— Не хотите ли вы пойти сегодня со мною вместе? Я согласилась сходить туда помолиться за одного ребенка, которого собирались сводить к святому Самсону, но не успели, он умер.

— Спасибо, — ответила я, — с радостью.

Я быстро собралась, и мы пошли.

Поначалу все было хорошо. Но когда мы вышли за пределы нашего прихода, мне показалось, что матушка Сигорель еле волочит ноги.

— Что с вами? — сказала я ей. — Мы еще и одного лье не прошли, а вы, кажется, уже устали.

— Да, это странно, я не знаю, что со мной. Словно на плечах у меня груз, и чем дальше я иду, тем он становится тяжелее.

Тем не менее мы продолжали идти. Но с каждым мгновением мне все дольше приходилось ждать, чтобы Мари Сигорель догнала меня. Она все время беспокойно оглядывалась.

— Что это вы так смотрите? — спросила я ее.

Мне и самой было что-то неспокойно. Казалось, что я слышу за нами звук шагов — мелких, детских шажков.

— Вы слышите? — спросила Мари Сигорель в ответ на мой вопрос.

— Да, — сказала я. — Что бы это могло значить?

— Не знаю. Но, наверное, будет лучше остановиться. К тому же я больше не могу. Мне нужно расстегнуть корсаж, он стал тяжелее свинца.

Мы присели на камни. Я задумалась. Вдруг меня осенило:

— Мари Сигорель, вы помолились перед дорогой на могиле умершего ребенка?

— Правду сказать, нет. Я об этом не подумала.

— А!.. Так этим все и объясняется! Если бы вы сходили на кладбище и пригласили ребенка идти перед нами, он бы теперь не шел по нашим следам, а вы не тащили бы на плечах тяжесть его обета.

— Это моя ошибка. Но теперь-то что делать?

Если бы я могла помочь матушке Сигорель! Но к счастью, в этот момент мы увидели на дороге старушку, которая, как казалось, шла в нашу сторону. Я бросилась к ней и рассказала о неприятности, случившейся с моей спутницей.

— Вы человек пожилой, — добавила я, — у вас есть опыт в таких вещах. Пожалуйста, посоветуйте нам, что делать!

Старушка повернулась к Мари Сигорель.

— У вас в кармане есть приношение святому? — спросила она.

— Да, — ответила Мари, — я несу пять су, которые меня попросили положить под дерево.

— Хорошо! Положите их себе в башмаки, под ступню, и помолитесь Богу, чтобы он даровал блаженство бедному ангелочку. И вы сможете идти дальше без помех.

Мы осыпали старушку тысячью благодарностей.

После этого Мари Сигорель зашагала легко, а наше богомолье совершилось самым наилучшим образом.

ГЛАВА XVI
НИКОГДА НЕ НУЖНО ОПЛАКИВАТЬ ДУШУ

Девушка из Коре

Жила когда-то одна девушка в Коре, которая, потеряв мать, никак не могла утешиться.

Она только и делала, что плакала, днем и ночью. И все, чем пытались успокоить ее жалевшие ее соседи, только еще больше растравляло ее рану. Иногда она доходила почти до безумия, крича:

— Я хочу еще раз увидеть матушку! Хочу видеть матушку!

Соседи, отчаявшись, обратились к ректору — святому человеку. Он пришел к девушке, но вместо того, чтобы упрекать ее за ее сетования, стал ласково ей сочувствовать. Успокоив ее таким образом, он сказал ей:

— Вам, наверное, было бы радостно снова увидеть вашу матушку, не так ли, дитя мое?

— О! Господин ректор, нет минуты, когда бы я не умоляла Господа даровать мне эту милость.

— Ну что ж, дитя мое, Он исполнит ваше желание. Приходите ко мне этим вечером в исповедальню.

Она пришла точно в назначенное время. Ректор исповедовал ее и дал отпущение.

— Теперь, — добавил он, — оставайтесь здесь на коленях и молитесь, пока не услышите, как церковный колокол прозвонит полночь. Тогда отодвиньте потихоньку занавеску исповедальни, и вы увидите, как пройдет ваша матушка.

Сказав это, ректор ушел. Девушка осталась одна и стала молиться, как было сказано. Пробила полночь. Она отодвинула занавеску, и вот что она увидела.

Вереница душ усопших двигалась через неф к клиросу. Они шли неслышным шагом, так же бесшумно, как облака на небе погожим летним днем.

Но одна из душ, последняя, казалось, шла с большим трудом, ее тело сгорбилось, потому что она тащила ведро, до краев наполненное темной водой.

Девушка узнала в ней свою мать и была потрясена выражением гнева на ее лице.

И вот, вернувшись домой, он стала плакать еще пуще, уверенная, что ее матери было плохо на том свете. Но это ведро и эта темная вода ее заинтересовали.

Едва рассвело, она побежала все рассказать старому ректору.

— Приходите снова этим вечером на то же место, — ответил ей священник. — Может быть, вы узнаете то, что хотите знать.

В полночь души мертвых прошли чередой по церкви так же тихо, как накануне.

Девушка смотрела на них через приоткрытую занавеску. Ее мать снова прошла последней. Она еще больше сгорбилась — вместо одного ведра она несла два; она почти сгибалась под их тяжестью, и ее лицо было темным от гнева.

На этот раз девушка не смогла удержаться и позвала мертвую:

— Матушка, матушка! Почему вы такая мрачная?

Она не успела договорить, как ее мать бросилась к ней и закричала в ярости:

— Что это со мной?! Несчастная!.. Прекратишь ли ты когда-нибудь меня оплакивать? Ты что, не видишь, что ты сделала меня в моем возрасте носильщицей воды?! Эти два ведра полны твоими слезами, и, если ты с этой минуты не успокоишься, я буду принуждена тащить их до Страшного суда. Разве ты не помнишь, что нельзя оплакивать Анаон! Если души счастливы, это нарушает их блаженство; если они надеются спастись, это отдаляет их спасение; а если они прокляты, вода из глаз, которые их оплакивают, проливается на них огненным дождем, удваивая их муки и заставляя их заново раскаиваться.

Так говорила мертвая.

Когда наутро девушка передала эти слова ректору, тот спросил ее:

— И вы опять плакали, дитя мое?

— Конечно нет, и теперь я никогда не буду делать этого.

— Возвращайтесь же этим вечером снова в церковь. Я думаю, вы найдете там, чему порадоваться...

Девушка и в самом деле была обрадована, увидев свою мать теперь впереди процессии душ усопших; лицо ее было светлым, сияющим небесной радостью.

Мать, которая слишком горько оплакивала сына

У Гриды Ленн был единственный сын, которого она обожала. Ее мечта была сделать из него священника. С этой целью она отправила его учиться в скромную семинарию в Пон-Круа. Каждое воскресенье она, чтобы увидеть сына, проделывала длинный путь из Динео в Пон-Круа, больше двенадцати лье. Однажды, когда она высаживалась из повозки у дверей семинарии, ей сообщили, что ее Ноэлик (так звали ее любимого сына) тяжело заболел и врач не надеется его спасти. Грида побелела, как папиросная бумага. Три дня и три ночи она не спала и не ела, сидя у изголовья своего ребенка. Он умер. Грида привезла его тело в Динео на собственной повозке, которой она сама и правила. Она заказала ему на кладбище прекрасное надгробие из полированного камня с длинной надписью. И с этой минуты все свое время она проводила, стоя на коленях перед могилой и плакала, рыдала, умоляя Бога вернуть ей сына, ее бедного, дорогого мальчика.

Приходские священники пробовали утешить ее в горе. Но все их усилия были напрасны. Напрасно они ее уговаривали, внушали ей, что, не смиряясь с потерей, мы кощунствуем, оскорбляем мертвых, — ничто не помогало.

Иногда посреди рыданий она начинала напевать колыбельные, с которыми некогда укачивала Ноэлика, когда он был малышом.

В конце концов ректор отвел ее в сторону и сказал ей:

— Послушайте, Грида, это не может больше продолжаться. Вы так неистово требуете себе сына. Хорошо, ответьте мне: вам хватит смелости перенести его вид, если вы окажетесь с ним лицом к лицу?

— О! Господин ректор, — воскликнула Грида с заблестевшими глазами, — если бы вы только сумели помочь мне увидеть его, хотя бы на минутку!..

— Я вам помогу. Но вы должны мне пообещать, что будете себя вести потом как истинная христианка, послушная Божьей воле.

— Я обещаю вам, все что захотите.

Вы, конечно, понимаете, что ректор из Динео знал, что делал.

Он договорился встретиться со своей прихожанкой на кладбище, у могилы юного

клирика[41] с первым ударом полуночи.

— Еще одно слово, — добавил он, — вы не только увидите сына, но даже сможете говорить с ним, и он будет с вами разговаривать. Поклянитесь мне сейчас в том, что вы исполните в точности все, что бы он ни потребовал от вас.

— Клянусь Семью скорбями Пресвятой Богородицы![42]

С первым ударом полуночи Грида пришла на встречу. Она нашла священника, читавшего при свете луны по своей черной книге. Час пробил. Священник закрыл книгу, перекрестился и трижды назвал имя Ноэлика Ленна. На третий призыв могила приоткрылась, из нее появился Ноэлик в полный рост. Он был такой же, как при жизни, если бы только не глубокая тоска на лице и не землистый цвет кожи.

— Вот ваш сын, Грида, — сказал священник.

Грида лежала распростертая в ожидании на земле, за кустом дрока, посаженного ею у могилы. Услышав слова священника, она поднялась и направилась к сыну, протягивая к нему руки. Но он жестом остановил ее.

— Матушка, — произнес он, — мы не должны обнимать друг друга до Страшного суда.

Он наклонился, чтобы сорвать ветку дрока.

— Вы поклялись исполнить все, что бы я ни потребовал.

— Да, это так, я поклялась.

— Возьмите эту ветку и хлестните меня изо всех сил.

Бедная женщина отступила, задохнувшись от изумления и возмущения.

— Мне хлестать тебя! Хлестать моего сына, моего горячо любимого Ноэлика! А! Нет, никогда!

Мертвый заговорил снова:

— Вот именно потому, что вы слишком любили меня и никогда не нанесли мне не единого удара плеткой, вы должны это сделать сейчас. Только так я буду спасен.

— Что ж, если это нужно для твоего спасения, пусть будет так! — сказала Грида Ленн.

И она принялась его хлестать, но тихонько, едва касаясь тела сына.

— Сильнее, сильнее, — закричал он ей.

Она ударила сильней.

— Еще, еще сильнее! Или я погиб, погиб навсегда! — кричал Ноэлик.

Она стал бить с горячностью, с яростью. Кровь брызнула из тела сына. Но Ноэлик продолжал кричать:

— Смелее, матушка! Ну же, еще! Еще!

А тем временем часы на башне пробили последний, двенадцатый, удар.

— На сегодня все, — сказал мертвый Гриде, — но если вы дорожите мною, вы придете завтра в этот же час.

И он исчез в могиле, закрывшейся за ним.

Грида возвратилась к себе вместе со священником. Когда они шли, он спросил ее:

— Вы не заметили ничего особенного?

---

41 Клирик — священнослужитель.

42 Богоматерь Семи скорбей (Скорбящая) — одно из имен, под которым Католическая церковь почитает Деву Марию. Семь скорбей это:

пророчество Симеона об Иисусе;

бегство в Египет;

Иисус, пропадавший три дня в храме;

встреча Марии и Иисуса на скорбной дороге;

Мария, созерцающая страдания и смерть Христа на кресте;

Мария, принявшая мертвое тело сына на руки при снятии с креста;

Мария, оставившая тело сына в гробнице после положения во гроб.

— Да, — ответила она, — мне показалось, что тело Ноэлика становилось тем светлее, чем больше я его хлестала.

— Да, это именно так, — ответил ректор. И он добавил: — Теперь, когда я вас соединил с сыном, вы можете обойтись без моей помощи. Постарайтесь только сохранить силы, чтобы дойти до конца.

И вот на следующий вечер Грида Ленн отправилась одна к могиле юноши. Все произошло так же, как накануне, только мать не вынуждала сына упрашивать себя — она хлестала его, хлестала до изнеможения.

— И все же этого еще недостаточно, — сказал ей Ноэлик, когда пробил двенадцатый удар. — Нужно, чтобы вы пришли в третий раз.

Она пришла.

— Матушка, — умолял юноша, — на этот раз сделайте это от всего сердца и изо всех сил!

Она принялась бить его с таким ожесточением, что пот лил с нее, как дождь в грозу, и кровь из тела Ноэлика разлеталась брызгами, как вода из лейки.

Под конец, почувствовав, что у нее немеет рука и прерывается дыхание, она закричала:

— Я не могу больше, мой бедный мальчик, я больше не могу!

— Нет, нет! Еще! Матушка, заклинаю вас! — слышала она голос своего ребенка, и такое было в нем отчаяние, что Грида обрела второе дыхание. В голове ее стоял гул, ноги подкашивались, но она собрала последние силы и ударила. И тотчас же упала навзничь.

Благодарение Богу! Этого последнего усилия оказалось достаточно!

Лежа на траве кладбища, она увидела, как тело сына, ставшее белым как снег, стало тихо подниматься в небо, как голубь, набирающий высоту. Когда он поднялся над нею, он сказал:

— Матушка, любя меня слишком сильно при моей жизни, оплакивая меня слишком горько после моей смерти, вы едва не лишили меня вечного блаженства. Чтобы я обрел спасение, вам пришлось пролить столько же моей крови, сколько слез вы пролили обо мне. Теперь мы квиты. Благодарю!

И с этими словами он растворился в небе.

После этой ночи Грида Ленн больше не плакала. Она поняла, что ее сыну было лучше там, где он был теперь, и что лучшего места он никогда бы не нашел на земле.

ГЛАВА XVII
ПРИВИДЕНИЯ

Всякий покойник, кто бы он ни был, обязан *вернуться* [43] трижды.

Умершая мать

Камм ар Гюлюш, прозванный так, потому что он хромал на одну ногу, был сапожником в Плугрескане. Он был женат первым браком на Луизе Ивонне Марке. Она была женщина тихая, всегда немного грустная, мало кто видел, как она улыбается, видно было, что ей не суждено долго жить на этом свете. И действительно, она умерла, родив на свет дочь — точный свой портрет. Так что Камм ар Гюлюш остался вдовцом с ребенком на руках. Но он был не из тех мужчин, кто вдовеет долго. А так как он, несмотря на хромоту, был парень весьма красивый и зарабатывал неплохо, он быстро нашел себе партию.

Меньше чем через три месяца после смерти Луизы Ивонны Марке он вступил во второй брак с девушкой из Сен-Гонери, которая по характеру была полной

[43] Французское слово *revenant* — «привидение», производное от глагола *revenir* — «возвращаться».

противоположностью его первой жене. Насколько та была меланхолична, не очень любила шумные сборища, предпочитая больше оставаться дома, настолько эта обожала движение, танцы, развлечения.

— На этот раз у меня одно сплошное «Да здравствует радость!»[44], — говорил сапожник на свадьбе.

Свадьба была на пасхальной неделе, когда начинается время пардонов. В это время, как вы знаете, каждое воскресенье где-нибудь происходит праздник. Так вот, Жанна Люзюрон, новая жена Камма ар Гюлюша, решила не пропустить ни одного из них.

Муж пытался было возражать поначалу, ссылаясь на ребенка, потому как вообще-то он не был плохим отцом.

— Ба! — ответила ему жена. — Ребенок и так вырастет, никуда не денется!.. И потом, я же выходила замуж за вас, а не за эту маленькую плаксу.

Плаксой девочка, действительно, стала, но, без сомнения, потому, что чувствовала себя брошенной.

Пока ее отец и мачеха гуляли и праздновали то там, то сям, возвращаясь нередко поздней ночью, бедная малышка оставалась дома совсем одна, в своей колыбельке, неухоженная и голодная, за дверью, запертой на ключ. Правда, ключ Камм ар Гюлюш на всякий случай оставлял соседке, старухе Пебель, которую он просил время от времени приглядеть за девочкой. Но старая Пебель (Пебель-гоз), сама полубеспомощная, была больше занята вязанием шерстяных жилетов, которые она продавала рыбакам, чем ребенком Камма ар Гюлюша. Ее хватало только на то, чтобы иногда послушать, не кричит ли бедное создание. А так как старушка была еще и глуховата, то услышать она могла только необыкновенно громкий крик. Вот почему, когда на следующий день после какой-нибудь веселой прогулки, куда сапожник сопровождал жену, он спрашивал у Пебель-гоз: «Ну как, кума, малышка хорошо себя вела вчера?» — Пебель неизменно отвечала: «Как ангел!»

А самое любопытное, что это и в самом деле было так. Маленькая Розик, такая капризная, когда мачеха делала вид, что нянчится с нею, казалось, напротив, прекрасно себя чувствовала в ее отсутствие. Можно было подумать, что она счастлива, только когда ее оставляют одну. И вместо того чтобы чахнуть, она расцветала. Так что Камм ар Гюлюш мог без угрызений совести продолжать свою веселую жизнь с Жанной Люзюрон.

В поселке, однако, удивлялись, видя, как ребенок, за которым так плохо смотрели, так прекрасно рос. Другие матери судачили об этом между собою. Большинство из них намекали на то, что во всем этом было что-то сверхъестественное. Одна из них, Педрон, торговка грушами, решила все разузнать. Как-то вечером, когда сапожник и его жена слонялись где-то, она словно случайно подошла к окну их дома и заглянула внутрь. И тут же отскочила в сторону, не веря своим глазам. Маленькая Розик была не в колыбельке, а сидела на коленях женщины, которая ласкала девочку и играла с нею. И эта женщина — Педрон узнала ее сразу — была ее покойная мать, Луиза Ивонна Марке, совсем как живая, за исключением того, что она смеялась, чтобы заставить смеяться и девочку.

Сначала Педрон испугалась, но скоро ее разобрало любопытство. Она заглянула снова и на этот раз отчетливо увидела мертвую, которая расстегнула лиф, вынула круглую, наполненную молоком грудь и дала ее ребенку. Педрон тихо отошла и побежала за Пебель-гоз, чтобы та тоже посмотрела. И другие женщины пришли и тоже стали свидетелями.

Разумеется, на следующий день в поселке говорили только об этом. Дошло до Камма ар Гюлюша, и он поклялся больше не покидать дома, и его жена тоже перестала показываться на сборищах. Но ребенок вскоре начал хиреть. Мертвая мать больше не приходила кормить и нянчить девочку, и через месяц она сама ушла к матери в иной мир.

---

[44] «Vive la joie!» (*фр .*) — возглас ликования во время праздников.

Хлебопашец и его хозяйка

Старый Фанши из Кермариа-Сюлар умер, не оставив детей, и его ферма перешла к его дальним родственникам, которые тут же поспешили ее продать. Ее купила вдова Салльу. Сама она не умела вести фермерское хозяйство и потому поселила на ферме своих слуг — молодого парня и служанку.

Парень, которого звали Жобик, сказал как-то утром служанке — ее звали Монна:

— Пойду пройдусь по полям, посмотрю, что там нужно сеять. Приготовь мне обед попозже.

— Хорошо, — ответила служанка. — А я пока обойду дом и посмотрю, где что лежит.

Жобик отправился в путь. Он пересек дворик, осмотрел фруктовый сад, потом прогулялся по целине. Уже прошло примерно два месяца, как умер Фанши. В течение этих двух месяцев все заросло буйными сорняками.

— Однако, — размышлял Жобик, — сразу видно, что хозяина больше нет.

Фанши слыл самым старательным хлебопашцем в кантоне. Когда он был жив, его земли на четыре мили в округе, от Луаннека до Миниги, считали самыми ухоженными.

— Сейчас он бы их не узнал, — продолжал говорить сам с собою Жобик. — И я не уверен, что смогу один привести их в то состояние, в котором они были. Очень, очень жаль, правда!

Проговорив это, он вдруг застыл от изумления.

С того места, где он стоял, его глазам открывались самые плодородные земли владения. Так вот, там, на пологом склоне холма, какой-то человек, управляя плугом без лошадей, вел по земле поразительно ровную борозду. Лицо его было затенено фетровой шляпой с широкими полями, ее бархатные ленты падали на спину вместе с длинными седыми волосами. Он пахал молча, и комья земли переворачивались сами собою.

Жобик окликнул его, но он, как показалось, не услышал. Тогда Жобик стал внимательно его рассматривать. По росту, по походке, по одежде, которая на нем была, в нем безошибочно можно было признать Фанши.

Это отбило у Жобика всякую охоту продолжать прогулку. Он вернулся на ферму. Можно было подумать, что Монна никакого внимания не обратила на его распоряжение, которое он сделал перед уходом: хотя он вернулся даже раньше, чем собирался, обед его уже ждал. Обе миски, его и Монны, наполненные похлебкой, дымились друг против друга на столе.

— Эй! — крикнул он с порога. — Ты догадалась, что я не долго задержусь?

— Нет, — ответила служанка, — обед готов, но благодарить ты должен не меня.

Она сидела на прикроватной скамье у очага. Подойдя к ней, Жобик заметил, что на лице ее была смертная бледность.

— С тобой тоже что-то случилось? — спросил он.

— Почему со мной тоже?

— Потому что... — начал юноша, — потому что я только что встретил Фанши, который пахал землю.

— Чудеса! А я провела все утро в компании с его умершей женой. Она преспокойно вошла, как к себе домой. Я сначала подумала, что это какая-то соседка. У нее в руках была охапка хвороста, она бросила ее в очаг. Подняла повыше котелок, я и правда его подвесила слишком низко. Тогда я заговорила с ней. Но она даже виду не подала, что слышит меня. Я заглянула ей в лицо, под старый пожелтевший чепец, и узнала покойницу Фанши. У меня кровь застыла в жилах. Я почти упала на эту скамью и больше не шевелилась. Если бы ты задержался на час, я бы пропала со страху.

Жобик и Монна тут же отправились к приходскому священнику и рассказали ему, что приключилось с ними обоими.

— Вы трогали миски с похлебкой? — спросил их священник.

Они сказали, что побоялись это сделать.

— Вы поступили мудро, — сказал кюре. — Если бы вы притронулись к похлебке хоть кончиком языка, вы тотчас же умерли бы. Будьте по-прежнему осторожны. Фанши и его жена могут приходить еще долго. Делайте вид, что вы их не замечаете. В день, назначенный Господом, они будут спасены и оставят вас в покое. Пока душа не исполнит свое послушание, она должна после смерти делать то, что привыкла делать при жизни. Так что не удивляйся, Жобик, если Фанши будет пахать вместе с тобою землю; и ты, Монна, — если Греттен, жена Фанши, будет по-прежнему заниматься хозяйством вместе с тобой. Каждому свой удел, и в этом мире, и в ином. Кто хочет жить в мире, тот не стремится проникнуть в тайны Господни.

С этого дня ни Жобик, ни Монна больше не дрожали от страха. Старуха Фанши могла думать, что это она хозяйничала в доме. А Фанши мог думать, что это он растил прекрасные зеленые озими на некогда принадлежавших ему полях. И это продолжалось столько, сколько было угодно Богу.

История Мари-Жоб Кергену

Мари-Жоб Кергену была посыльной на Иль-Гранде (Большом острове), по-бретонски — Энес-Вёр, на трегорском побережье. Однажды в будний день, в четверг, она ехала в Ланньон на рынок на полуразбитой повозке, в которую была впряжена худая лошаденка. А упряжь была еще более жалкой, чем лошадь, как говорится, вся в рванье. Это чудо, что старуха и ее экипаж не застряли двадцать раз на изрезанной тинистыми рытвинами и усеянной камнями прибрежной дороге, соединявшей остров с материком во время отлива. Тем более что Мари-Жоб этот переход делала всегда ночью, выезжая утром до рассвета и возвращаясь с восходом луны, когда она была. И еще одно чудо, что ни разу не повстречалась она с лихими людьми. Потому что чего хватает в этих местах, у Плюмера и Требердена, так это всяких бродяг, а товары, которые обычно обязана перевозить рассыльная в своей повозке, могут соблазнить не слишком щепетильных людей, которые только потому и занимаются собиранием выброшенных морем обломков, что ничего лучшего они не могут найти.

Ее спрашивали иногда:

— Вы не боитесь, Мари-Жоб, ездить вот так, одна, ночью по этим дорогам?

На что она отвечала:

— Наоборот, это меня боятся. Моя повозка так гремит, что люди думают, что это повозка Анку.

И правда, в темноте можно было ошибиться, так скрипели оси, так звякало железо, да и у лошади был такой вид, словно она с того света. И потом, если уж говорить начистоту, было еще кое-что, в чем старая Мари-Жоб не признавалась: в округе поговаривали, что она была немного колдунья. Она знала «секреты», и самые дерзкие шалопаи предпочитали держаться от нее на почтительном расстоянии, чтобы она не навела на них порчу.

Однако однажды ночью с ней случилось вот что.

* * *

Это было зимой, в конце декабря. С начала недели стоял такой мороз, что камни на могилах раскалывались. Хотя Мари-Жоб к плохой погоде было не привыкать, она заявила, что, если будет такой холод, она ни за что не поедет на рынок в Ланньон, жалея не только себя, но и Можи, свою лошадь, которая, как говорила Мари-Жоб, была вся ее семья. Но вот в среду вечером, в час «Анжелюса», она увидела на пороге дома свою лучшую клиентку, Глаудиу Гофф, торговку табаком.

— Слух прошел, Мари-Жоб, что вы не собираетесь ехать завтра на рынок, это правда?

— А то как же, Глаудиа Гофф! Разве это по-христиански — гнать Можи в такую погоду, когда даже чайки клюва не поднимут?

— И все-таки я вас прошу об этом, из уважения ко мне. Вы же знаете, я всегда даю вам заработать, Мари-Жоб... Пожалуйста, не отказывайте. Мой запас табака заканчивается. Если я его не пополню в воскресенье, что я предложу камнеломам, когда они все придут после поздней обедни покупать табак на следующую неделю?

Надо сказать, что Энес-Вёр — это остров камнеломов, их здесь по меньшей мере три или четыре сотни, они рубят скалы на строительный камень. И это не всегда покладистые парни, как вы понимаете, особенно потому, что среди них столько же нормандцев, сколько и бретонцев. Конечно, Глаудиа Гофф волновалась не зря, эти люди могли разгромить ее лавку, если в ней, единственной на острове, они не получат того, что им нужно. Мари-Жоб Кергену это хорошо понимала. Именно она каждый четверг должна была ездить за табаком на табачную фабрику. И правду говоря, она бы очень огорчилась, если бы из-за нее в воскресенье у ее хорошей знакомой возникли неприятности, а может, что и похуже. Но, с другой стороны, была Можи, дорогая бедная Можи!.. И потом, у Мари-Жоб было какое-то предчувствие, что для нее самой это может плохо обернуться. Внутренний голос говорил ей: «Не меняй решения! Решила остаться и оставайся!»

Но та, другая, все умоляла ее. И тогда Мари-Жоб, которая внешне была резковата, но сердце имела чувствительное, в конце концов сказала:

— Ладно, будет вам ваш табак.

И она немедля направилась в стойло, чтобы, как она это обычно делала перед поездкой, приготовить Можи.

На следующий день, в час отлива, она покинула остров в своем обычном экипаже, как всегда в красных митенках на руках и в толстой шерстяной накидке, покрикивая «Но-о» Можи, уши которой как иглами колол холодный ветер. И старой женщине, и старой лошади было неспокойно. Однако до Ланньона они добрались без помех.

Хозяйка постоялого двора — того, что на пирсе, под вывеской «Серебряный якорь», — сказала Мари-Жоб, появившейся после того, как она выполнила все поручения:

— Иисус! Мария! Надеюсь, вы хоть обратно-то не собираетесь ехать? Вы же заледенеете, не добравшись до Иль-Гранда!

И она стала уговаривать ее остаться ночевать. Но старуха была непреклонна.

— Когда я еду, я и возвращаюсь. Дайте мне только чашку горячего кофе и стаканчик глории.

Было очень заметно, что она выглядит далеко не так, как в свои хорошие дни. Расставаясь с хозяйкой «Серебряного якоря», она сказала ей грустно:

— Думаю, что обратная дорога будет тяжелой. У меня в левом ухе какой-то скверный звон...

Но это не помешало ей хлестнуть кнутом Можи и двинуться в путь в надвигающийся ранний вечер декабря, осенив себя крестом, как настоящая христианка, которая знает, что во всем надо надеяться на Бога. До Плюмера все шло хорошо, не считая холода, становившегося все сильнее, так что Мари-Жоб, сидя на своем сиденье, среди пакетов, наполнявших повозку, чувствовала, как у нее немеют и тело, и душа. Чтобы вывести себя из оцепенения, она достала четки и, правя одной рукой, начала перебирать их другой. А чтобы не заснуть, она принялась громко читать десятистишия. Но даже звук собственного голоса в конце концов убаюкал ее, словно колыбельная, так что, несмотря на все усилия, она не то что бы заснула, но забылась. Но внезапно сквозь забытье она ощутила, как что-то необычное прошло мимо. Она протерла глаза, напрягла сознание и обнаружила, что ее тележка стоит.

— Эй, Можи?! — прикрикнула она.

Можи прянула мохнатыми ушами, но не сдвинулась с места. Мари-Жоб тронула лошадь кнутом. Она даже не шевельнулась. Тогда Мари-Жоб ударила ее кнутовищем. Можи выгнула шею под ударами, но осталась неподвижна. Было видно, как раздувались ее бока, словно кузнечные меха, и белый пар вырывался из ноздрей в морозную тьму; была уже

глубокая ночь, и яркие голубые звезды сияли на небосводе.

«Вот еще новости», — подумала Мари-Жоб Кергену.

Уже скоро семнадцать лет, как они жили, по ее словам, одной семьей с Можи, и та всегда была образцовой лошадью, которая хотела только того, чего хотела хозяйка... Что же это такое вдруг на нее нашло, да еще когда она должна была так же спешить в теплое стойло, как хозяйка — в теплую постель. Чтобы узнать это, Мари-Жоб даже решилась, правда ворча, слезть со своей скамьи. Она ожидала обнаружить какую-то преграду, может быть, пьяницу, который разлегся поперек дороги. Но напрасно она высматривала, выискивая какую-нибудь тень перед собой (они были в том месте, где дорога спускается к Троверну, чтобы затем выйти к песчаному берегу), она не увидела ничего необычного. Дорога бежала между склонами, и ничего, кроме теней, которые отбрасывали на нее дубы с обломанными сучьями, на ней не было.

— Ну же, Можи! — говорила старуха, подбадривая лошадь, взяв ее под уздцы. Но лошадь громко всхрапнула, затрясла головой и уперлась передними ногами, отказываясь сделать хоть один шаг. Тогда Мари-Жоб поняла, что это должно было быть что-то сверхъестественное.

Я уже вам говорила, что она была немного колдуньей. Другая бы на ее месте испугалась. Но она знала жесты, которые нужно было делать, и слова, которые нужно было произносить в определенных обстоятельствах.

Она нарисовала крест на дороге своим кнутом, говоря:

— Этим крестом, что я начертала моим кормильцем, я приказываю вещи или живому существу, присутствующему здесь, но невидимому, объявить — он здесь от Бога или от дьявола.

Как только она это договорила, со дна канавы раздался голос:

— Вашу лошадь не пропускает то, что я несу.

Она смело шагнула к месту, откуда шел голос, накинув свой кнут на шею. И увидела очень старого маленького человечка, сидевшего на корточках в траве, словно изнемогший от усталости. У него был такой измученный, такой печальный, такой несчастный вид, что она почувствовала к нему жалость.

— Вы что, старина, надумали оставаться здесь в такую ночь, рискуя погибнуть?

— Я жду, — ответил он, — добрую душу, которая мне помогла бы встать.

— Кто бы вы ни были, тело или дух, христианин или язычник, никто не скажет, что Мари-Жоб Кергену вам не помогла, — прошептала замечательная женщина, наклоняясь к несчастному.

С ее помощью он сумел подняться на ноги, но спина его оставалась согнутой, словно под невидимой тяжестью. Мари-Жоб спросила его:

— А где то, что вы несете и что так пугает животных?

Старичок ответил жалобным голосом:

— Ваши глаза не могут это видеть, но ноздри вашей лошади его чуют. Животные часто знают больше, чем люди. Ваша лошадь не пойдет дальше, пока она не учует, что меня больше нет на дороге, ни впереди ее, ни сзади.

— Но не хотите же вы, чтобы я оставалась здесь вечно. Мне нужно вернуться на Иль-Гранд. Раз уж я оказала услугу вам, дайте мне совет: что я должна сделать еще?

— Я не имею права ни о чем просить: это вы должны предлагать.

Наверное, первый раз в своей жизни посыльная Мари-Жоб Кергену на мгновение растерялась.

— «Ни спереди, ни сзади на дороге...» — размышляла она. И вдруг воскликнула: — В моей повозке, вот где вы не будете больше на дороге. Залезайте!

— Бог вас благословит! — сказал старый человечек. — Вы разгадали.

И он поплелся, сгорбившись, к повозке и втиснулся туда с невероятным трудом, хотя Мари-Жоб вталкивала его обеими руками. Когда он упал на единственное сиденье, показалось, что ось прогнулась, и послышался глухой удар, словно доски стукнулись друг о

друга. Добрая женщина устроилась, как могла, рядом с этим странным спутником, и Можи тотчас же пустилась рысью по дороге с таким рвением, к какому никогда и привычки-то не имела, даже когда начинала чуять запах своей конюшни.

* * *

— Так вы тоже путь держите на Иль-Гранд? — поинтересовалась Мари-Жоб через несколько минут, больше для того, чтобы прервать молчание.

— Да, — коротко ответил старик, казалось не слишком расположенный к беседе; он сидел, по-прежнему сгорбившись под тяжестью той самой невидимой таинственной ноши.

— Что-то я не помню, что я вас там встречала.

— О, вы были слишком молоды, когда я уехал оттуда.

— А вы, кажется, едете издалека?

— Очень издалека.

Мари не осмелилась больше его расспрашивать. К тому же они въехали на песчаное дно пролива, где требовалось особое ее внимание: едва заметная здесь тропа, заменявшая дорогу, была опасна глубокими рытвинами, заполненными тиной, и каменными обломками. И тут посыльная почувствовала, что колеса повозки вязнут в песке гораздо больше, чем обычно.

— Черт возьми, — пробормотала она сквозь зубы, — мы, должно быть, страшно перегружены!..

И это при том, что она взяла в городе мало покупок, а такой тщедушный весил не больше мальчугана, значит, надо было думать, все это из-за того груза, который, по словам старика, он нес на себе. Но об этом славная женщина не могла размышлять, да и Можи, наверное, тоже: несмотря на свое старание, она начинала выбиваться из сил и спотыкалась на каждом шагу; когда они наконец выбрались на твердую землю Энес-Вёра, у нее не было ни одного сухого волоска.

Здесь, вы знаете, развилка двух дорог: одна поворачивает налево, к приходской церкви, другая — в поселок, где было обиталище Мари-Жоб Кергену. Она воспользовалась тем, что Можи приостановилась здесь, чтобы отдышаться, и сказала своему молчаливому спутнику, с которым она спешила расстаться:

— Ну вот, мы и на острове, старина. Господь проведет вас по вашей дороге.

— Ладно, — простонал старичок. И он попытался подняться, но тут же упал на сиденье, со всем своим грузом, вернее, с грузом неизвестной вещи. И снова прогнулась ось, и снова раздался треск сдвинувшихся досок. — Не могу, — простонал он с такой болью, что у Мари-Жоб внутри все дрогнуло.

— Ладно, — сказала она, — хоть мне и непонятны ваши действия и как бы я не спешила возвратиться домой, есть еще кое-что, из-за чего я постараюсь быть вам полезной. Говорите!

— Тогда, — ответил он, — довезите меня до кладбища Сен-Совер.

На кладбище! В такой час!.. Мари-Жоб уже была готова ответить, что при всем своем желании она не может сделать это для него, но Можи не оставила ей времени на это. Как будто поняв слова бедного старичка, она двинулась налево, по дороге к Сен-Совер. Мари-Жоб не знала, что и думать. Когда они подъехали к ограде приходского участка, оказалось, что решетка, против обыкновения, была открыта. Странный пилигрим удовлетворенно вскрикнул.

— Видите, меня ждут, — сказал он, — правду сказать, не слишком давно.

И, обнаружив силу, которую в нем нельзя было заподозрить, он почти легко спрыгнул на землю.

— Ну что ж, тем лучше, — сказала Мари-Жоб, готовая уехать. Но на этом ее приключение не закончилось. Едва она добавила, как полагается, «до свиданья, до следующей встречи», как старичок поспешил ответить:

— О нет, пожалуйста!.. Раз уж вы приехали со мною сюда, вы не можете уйти, пока я не завершу мое дело. Иначе тяжесть, которую несу я, ляжет в будущем на ваши плечи... Я советую вам в ваших же интересах, потому что вы были так добры ко мне, — выйдите из повозки и идите за мною.

Мари-Жоб Кергену — это вам говорю я — была особой, которую трудно было смутить, но по тону, каким старичок произнес эти слова, она почувствовала, что было бы разумнее всего послушаться его. И она спустила ноги на землю, забросив вожжи на круп Можи.

— Так вот, — снова заговорил старик, — мне нужно знать, где похоронен последний умерший в семье Паскью.

— Только это? — ответила она. — Я была на похоронах. Идемте.

Она пошла между могил, надгробные плиты из серого камня теснились почти вплотную друг к другу и были достаточно хорошо видны при свете звезд. И она нашла ту, что искала:

— Смотрите! Крест совсем новый. Здесь должно стоять имя Жанны-Ивонны Паскью, жены Скерана... Меня-то родители забыли обучить грамоте.

— А я уже давно ее забыл, — бросил в ответ старик, — но посмотрим, не ошиблись ли вы.

Сказав это, он лег на землю, головой к подножию могилы. И тогда произошло ужасное, невероятное... Камень приподнялся, откинулся на сторону, словно крышка сундука, и Мари-Жоб Кергену ощутила на своем лице холодное дыхание смерти, а из-под земли донесся глухой стук, похожий на удар гроба о дно могильной ямы. Бледная от ужаса, Мари-Жоб прошептала: «Doué da bardon’ an Anaon» («Господи, помилуй души усопших!»).

— Вы спасли сразу две души, — прозвучал рядом с нею голос ее спутника. Он стоял на ногах и был совсем другим. Маленький старичок выпрямился в полный рост и казался внезапно выросшим. Посыльная наконец смогла увидеть его лицо. У него не было носа, глазницы были пусты.

— Не пугайтесь, Мари-Жоб Кергену, — сказал он. — Я — Матиас Кавеннек, о котором вы наверняка слышали от вашего отца, мы были друзьями в юности. Он пошел вместе с другими парнями острова на берег, где вы меня встретили, чтобы проводить нас — меня и Патриса Паскью — на службу в армию, — мы вытащили жребий. Это было во времена Старого Наполеона. Нас обоих отправили на войну, вместе в одном полку. В Патриса попала пуля, он был рядом со мной; вечером, в полевом лазарете, он сказал мне: «Я умираю; возьми мои деньги и постарайся, чтобы меня похоронили в месте, которое можно легко узнать. Если ты выживешь, ты сможешь перевезти мои кости на Иль-Гранд и положить их рядом с прахом моих отцов, в родную землю». Он оставил мне крупную сумму, почти двести экю. Я заплатил за его отдельную могилу, но много месяцев спустя, когда нам сказали, что война закончена и нас отпустят домой, я был так счастлив, что на радостях пренебрег поручением Патриса Паскью: забыв о своей клятве, я вернулся домой без него. Пока меня не было, мои родители покинули Иль-Гранд, они купили ферму в Локемо, и я отправился туда, к ним. Там я женился, родил детей, там я и умер пятнадцать лет тому назад. Но недолго я лежал в могиле, я должен был подняться. До тех пор пока не будет выполнен мой долг перед другом, я не имел права на покой. Я должен был отыскать Паскью. И вот пятнадцать лет я иду, передвигаясь только от заката солнца до первых петухов, а в четные ночи — пятясь назад полпути плюс половина от половины дороги, проделанной в нечетные ночи. Гроб Патриса Паскью на моих плечах весил столько же, сколько все дерево, из которого были сделаны его доски. Это их стук вы слышали иногда. Не будь вы так добры, вы и ваша лошадь, еще не один год мне пришлось бы идти к концу моего наказания. Теперь мой долг выполнен. Господь вас скоро наградит, Мари-Жоб Кергену. Возвращайтесь с миром домой и приведите все ваши дела в порядок. Это последняя поездка, которую сделали вы и ваша Можи. До скорой встречи в раю!

Он умолк, и посыльная очутилась одна среди могил. Мертвец исчез. Церковный

колокол отбивал полночь. Бедная женщина почувствовала, что она совсем окоченела. Она поспешила в свою повозку и скоро подъехала к дому.

На следующее утро, когда Глаудиа Гофф пришла за своим грузом табака, она нашла Мари-Жоб в постели.

— Неужели вы заболели? — спросила Глаудиа с участием.

— Точнее сказать, иду к своему концу, — ответила Мари-Жоб Кергену. — Это из-за вас, но я достаточно пожила и ни о чем не жалею. Только сделайте одно — пришлите мне священника.

Она умерла в тот же день, помилуй ее Господи! И сразу после того, как ее положили в землю, пришлось хоронить и Можи: лошадь нашли уже совсем холодной, когда пришли за нею в ее стойло.

Старик из Турк'ха

Это было в деревне Кераннью, в Турк'хе. Глава хозяйства, пенн-ти — *penn-ti,* женился поздно на совсем молоденькой женщине, она родила ему семерых детей, и вдруг он неожиданно умер. На его надгробной плите было написано, что ему в момент смерти было семьдесят лет. Вот почему, когда о нем заходила речь в доме, его называли не иначе как Старик — ар-потр-коз — *ar-potr-coz.*

При жизни был он человек веселый, как это водится в Корнуайе. Видно, и смерть его не опечалила. Должно быть, он сумел как-то приглянуться Господу, раз Господь был так милостив, что позволил ему пройти свое «чистилище» в родной деревне, в Кераннью.

Его никогда не видели, но всегда слышали, как он смеется где-нибудь в уголке. Не было такой шутки, какую бы он не разыграл. Шутки, правда, невинные, безобидные. Особенно он любил поддразнивать Терезу, молодую служанку, поступившую в дом сразу после его смерти, к которой он проникся симпатией, прежде всего, потому, что у нее был такой же характер, как у него, — она хохотала с утра до вечера; а может быть, еще и потому, что она была очень добра и терпелива с детьми, с семью ребятишками, которых он оставил и из которых двое последних были совсем малышами.

Живым, Старик очень любил сидр. Теперь он нес свое смертное наказание, храня яблоки, которые в

Кераннью сваливали в кучу позади дома за соломенный плетень.

Знаете поговорку: *«Mab e tad eo Cadio»* («Меньшой — сын своего отца»)? Старик любил сидр — его «меньшие» обожали яблоки. Они все время кричали, хватая Терезу за юбки: «Тереза, достань нам яблочко!»

Тереза притворялась, что она их отталкивает, а сама прямо бежала к яблокам.

— Старик, — говорила она, смеясь, — позволь мне взять по яблочку для малышей.

Старик тоже смеялся и позволял. Для порядка он их отсчитывал:

— Одно! Два! Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь!

После седьмого он ставил точку. Но вы же понимаете: яблоки съедены и тут же требуются другие.

Тогда Тереза применяла такой способ. Она находила жердь, на конце которой была острая шпилька. И эту жердь она запускала в кучу яблок и накалывала и вытаскивала одно за другим... двадцать яблок! Старик изобретал тысячи всяких трюков, чтобы ей помешать, но все впустую, он сердился, а она знай себе веселилась.

— Я тебе это припомню, Тереза, — кричал он.

Иногда ему удавалось ухватить палку за конец.

— Эй, Старик, отпусти же, — просила Тереза, — это же для малышей.

И она тянула, тянула палку к себе за другой конец.

— Так! Так! Давай! — посмеивался Старик.

И он тянул палку с такой силой, что его дряблые и желтые щеки краснели и

раздувались. Потом неожиданно он отпускал палку, и Тереза падала навзничь. А Старик и давай хохотать своим тоненьким, дрожащим голосом: «Хи! Хи! Хи!»

Шутник был Старик

Часто случалось, Тереза не могла найти коров в поле, куда она их отводила утром, или свиней в загоне, где она их оставляла.

«Ага! Опять проделки Старика», — думала служанка.

Она притворялась, что ищет, забиралась куда-нибудь повыше, чтобы видеть подальше, потом спрыгивала вниз, бежала на поле или на дорогу, крича громким голосом, с нахмуренным видом:

— Да куда подевалась эта проклятая скотина?

Это всегда приносило успех. Внезапно из зарослей дрока или из какого-нибудь кустика на поле раздавался хохоток, похожий на блеяние козы. И появлялась голова Старика с сияющим от удовольствия лицом.

— Старик, помоги мне отыскать скотину, — говорила тогда Тереза.

Старик шутил, называл ее ветреницей, никчемушной и в конце концов приводил ее туда, где были коровы или свиньи. Ему не стоило труда их найти, потому что он сам их туда заводил.

Однажды в четверг в Кераннью, как и почти везде в бретонских деревнях накануне постных дней — пятницы и субботы, пекли блины. Сковороды были поставлены на всех очагах; одна из них — на кухне — была приготовлена для главной служанки; Тереза пекла на другой, в комнате, которая называется «задняя» *(ar penn-traon*), обычно она служит чуланом.

Главная служанка была постарше, чем Тереза, и более опытной. Она умела очень ловко разливать тесто на сковороде и переворачивать деревянной лопаткой уже зарумянившийся блин. Все удивлялись, что Старик, большой любитель блинов во времена, когда он мог их есть, не воспользовался своим правом сидеть рядом с ней. Даже и в этом деле он сохранял свою привязанность к Терезе. Правда, угощался он на свой манер, подшучивая над девушкой, над ее неловкостью:

— Так, еще один не вышел, красавица!.. Нет, вы посмотрите, у него дырок больше, чем на штанах нищего... А этот, сошьем его из лоскутков... А ты не умеешь штопать, как я вижу, так же как не умеешь делать новый... Так, сделай иначе... Ну вот, а теперь блин будет такой же плотный и негодный, как коровий навоз. — И Старик давай смеяться до корчей:

— Хи! Хи! Хи! Ха! Ха! Ха!

И Тереза, как всегда, сохраняя свое доброе настроение, смеялась тоже. В задней комнате веселились от души, и это было не так уж плохо для блинов, которые между тем пеклись по Божьей милости.

— Это на какое же время, — говорила Тереза, отвечая на шутку шуткой, — вас отпустили с того света?

— Я что, начинаю тебе надоедать?

— О, конечно! Вы слишком несерьезны для мертвого. По правде, для того, что вы пришли делать здесь, вы могли бы прекрасно остаться там.

— Ты рассуждаешь, как глупышка, которая ничего не знает.

— Или как любопытная, которая хочет знать. Если бы вы были так добры, Старик, рассказать, почему вы вернулись так издалека и как долго это должно длиться.

Она говорила ласково, но не слишком серьезно.

И тогда Старик ответил наставительно:

— Чему должно быть, должно свершиться. Живой или мертвый, каждый должен исполнить свое предназначение.

И чтобы сменить тему, добавил со своей обычной жизнерадостностью:

— И раз уж тебе выпало печь блины, пеки их хорошо, пока живая, а то, боюсь, придется тебе каяться после смерти.

Были у Старика и другие развлечения.

Например, ему случалось проводить послеобеденное время играя в шары. Как-то раз вечером один пийавер *(pillawer* — игрок в шары) из Ла-Фейе, который ездил в турне по краю, попросил приюта в Кераннью.

Этот пийавер был наслышан о потр-козе.

Пийаверы — люди ловкие, но пребывают в заблуждении, думая, что они умнее, чем есть. И вот этот пийавер, набив табаком свою глиняную трубочку и разжигая ее огнем от очага, сказал Терезе, что он не прочь познакомиться со Стариком, о котором так много говорят.

— Да, пожалуйста, он как раз сейчас играет в шары наверху, на чердаке. Идите, взгляните на него. Только я должна вас предупредить, что он не очень- то любит, когда его беспокоят.

— Не волнуйтесь за меня, — ответил пийавер с насмешливым видом, — мне приходилось иметь дело с людьми и похитрее, чем этот простак. Я хочу ему предложить партию в шары.

— Осторожнее! На вашем месте я вела бы себя потише.

Но пийавер уже поднимался по лестнице. Когда он спустился, это был какой-то мешок истерзанной плоти. Его выхаживали на ферме больше месяца.

Когда он был уже вне опасности, Тереза не удержалась, чтобы не подтрунить над ним.

— А что я вам говорила, дорогой мой бедняжка!.. Вот и ваше турне теперь пропало. Придется вам возвращаться домой с пустым кошельком и с помятой спиной. Вы уж не рассказывайте о вашем приключении парням из Ла-Фейе, они вас сочтут глупцом. Но мне-то хотя бы скажите, что там произошло.

Пийавер плачущим тоном стал ей рассказывать. Ах! Он будет помнить всегда этот урок! Он действительно предложил Старику сыграть вдвоем. «Прекрасно, — ответил Старик. — Я буду игроком, а ты шаром». И, зажав в руке нашего пийавера, он начал его мять, словно простой шарик, и бросать из конца в конец комнаты. «Катись, пийавер!» К счастью, дверь чердака осталась полуоткрытой, и пийавер сумел в нее проскользнуть. Его подобрали внизу, а дальше вам все известно.

На следующий год он снова появился в Кераннью, — этот дом славился своим гостеприимством. Естественно, он даже шепотом не произнес слово «потр-коз». На этот раз он только и просил, чтобы посидеть смирно на скамье перед очагом и покурить свою трубочку. Но не успел он присесть, как его что- то толкнуло в огонь, он едва не сгорел. Он поднялся, подошел к столу и сел возле него. Но тут же невидимые руки ущипнули его до крови за ляжку и градом посыпавшиеся пощечины исполосовали его щеки. Пришлось ему поспешно уехать. С тех пор он не осмеливался даже проезжать через земли этой фермы. Старик долго еще смеялся над этим приключением.

Настоящий насмешник был этот Старик.

Когда наступала ночь и все молитвы были прочитаны, я вас уверяю — в усадьбе Кераннью все спешили побыстрее зарыться в постель. Потому что тот, кто укладывался последним, получал сзади такой шлепок, что после этого он мог спать только на животе. Ужасный Старик отпечатывал вам на коже всю ладонь и все свои пять пальцев. А отпечатанное место болело потом еще целую неделю.

Тем временем Тереза, которая стала красивой и крепкой девушкой, покинула ферму, чтобы выйти замуж. Дети выросли и теперь могли обходится без ее заботы, и вдова Кераннью не сочла нужным искать кого-нибудь на ее место. Главная служанка, которой немного повысили жалованье, взяла на себя ее обязанности. Потр-коз ее не любил. Она была *gringouse* — несговорчивая. Вечно ворчала, жаловалась, брюзжала. В общем, совсем другая песня. Или, вернее, Тереза ушла и вообще никакой песни больше не было. Прощай, славное время! Старик сделался от этого очень угрюмым и хмурым. Все видели, что он только и искал случая, чтобы устроить какой-нибудь подвох старшей — а теперь единственной — служанке. Она сама ему все время давала повод.

Старик, как я уже рассказывала, всегда с большим удовольствием смотрел, как пекут

блины. Когда их пекли в разных местах дома, он приходил именно на кухню и садился возле служанки — назовем ее, если хотите, Мона. Первый раз она его просто плохо приняла. На второй — дала ему твердо понять, что не потерпит больше его присутствия. Но Старик был не из тех, кого можно смутить. В третий четверг он по-прежнему был на своем посту. На этот раз Мона разъярилась. Она принялась бурчать:

— Надоел мне этот Старик. Сидит и смотрит на меня все время исподтишка. Ну да я ему отобью охоту к блинам!

И когда она переворачивала блин, она быстро подхватила его на лопатку и влепила горячий блин прямо в лицо Старику.

Бедняга взвыл от боли. Он прыгал, бегал по дому, словно ошпаренная кошка, потом скользнул в дверь и исчез в полях.

Служанка поздравляла себя с тем, что навсегда избавилась от этого непоседливого гостя.

Сказать правду, этим вечером все могли лечь спать спокойно. Никто не получил шлепка по заду. Мона ликовала, вытянувшись под одеялом, и заснула абсолютно счастливой. Вдруг ей почудилось во сне, что ее простыни стали твердыми, как доски, и что, лежа между верхней и нижней, она зажата, словно пшеничное зерно между жерновами. Она открыла глаза. Каково же было ее изумление, когда она поняла, что стоит и ее тело вот-вот будет раздавлено между кроватью и соседним шкафом! Она стала кричать и звать на помощь.

Все повскакали с постелей и сбежались к ней. Когда ее освободили, тело у нее было — сплошной ушиб, всю остальную жизнь она хромала.

Хозяйка Кераннью, вдова Старика, сказала ей, когда ее ужас несколько утих:

— Запомните это, Мона. Нельзя пренебрегать мертвыми.

Вдова эта — ее звали Катрин — была маленькой женщиной, очень нежной и очень скромной. Здоровье ее пошатнулось после того, как одного за другим она родила семерых детей. Вокруг все удивлялись, почему она не вышла еще раз замуж. Ей было не по силам вести самой такое большое хозяйство, каким была ферма Кераннью.

Некоторые считали, что Господь Бог жалел ее, и этим объясняли возвращение Старика на ферму после смерти. Отчасти это так и было, но главная причина крылась в другом. Это стало известно потом.

Однажды утром Катрин отправилась к священнику в Турк’х. Экономка ректора, *carabassenn* — карабассен, увидела, что Катрин бледна и лицо ее более болезненно, чем обычно.

— Я хотела бы поговорить с господином Денесом, — прошептала бедная женщина, опускаясь на стул.

Господин Денес — это был ректор, добрый священник. Он предложил вдове Кераннью пройти в столовую и плотно закрыл дверь. Он предчувствовал, что она пришла сделать ему какое-то важное признание.

Как только вдова осталась с ним наедине, она разразилась слезами. Ректор дал ей выплакаться, а потом ласково сказал:

— Расскажите же о вашем горе, Катик, вам станет легче, уверяю вас.

— Я никогда не посмею, господин Денес. Это невероятно, сверхъестественно!

В конце концов она осмелела. Она призналась, краснея от стыда, вот в чем: она почувствовала, что беременна. Но она могла поклясться всеми святыми, что ни один живой мужчина не был в ее постели с тех пор, как умер Старик. Но несколько раз она видела, как сам Старик ложится рядом с ней. Она хотела воспротивиться, но повиновалась ему из страха. Он говорил, что Бог это велел, что он *вернулся* только для этого, потому что он не *рассчитался по детям.*

— Надо полагать, что это так и есть, — произнес ректор, когда она все рассказала. — Ступайте с миром, дочь моя. Вам остается только исполнить свой долг.

— Но, господин ректор, как же мне быть спокойной? Злые языки завертятся, как мельничные колеса. Я пропащая женщина, никто и не поверит, кто это...

На самом деле, как только ее беременность стала заметной, со всех сторон поползли кривотолки. Ее обвиняли, что она сошлась с возчиком (каким-то проезжим). Ее позорили, ее поносили.

Устав от вражды, она снова пришла к священнику.

— Господин ректор, дайте мне последнее отпущение грехов. Я больше не могу. Я решилась умереть.

— Подожди до воскресенья, Катик, и приходи к обедне.

Она имела мужество прийти и сесть на свое место, несмотря на злобные взгляды и презрительное шушуканье за ее спиной.

После Евангелия ректор поднялся на кафедру, чтобы сказать проповедь.

— Прихожане, — сказал он, — кто осуждает в этом мире, тот будет осужден в ином. Здесь есть женщина, жизнь которой стала ее чистилищем на этом свете из-за ваших злых наветов. Но я говорю вам — берегитесь! Или вы будете осуждены за свое злословие. Вы и вправду вцепились в нее, как разъяренные собаки в юбку честной женщины... Катик Кераннью, поднимите голову! Не вам ее держать опущенной, а тем, кто плохо говорит о вас.

Начиная с этого дня вдову оставили в покое. Она разродилась слабеньким ребенком, который был такой же, как другие дети, за исключением одной детали: у него были пустые глазницы.

Зато он был необыкновенно умен. Понесли его крестить. Когда вернулись с ним на ферму, он заговорил, как взрослый, и рассказал матери, сколько стаканов и какие ликеры выпили в сельской таверне люди, которые были на крещении. Услышав это, все присутствующие оторопели. Они поняли, что у ректора были основания говорить так, как он говорил. И с этой минуты только и толков было в округе, что о новорожденном из Кераннью.

Вечером того дня, когда он родился, люди увидели, как пришел Старик, который не появлялся на ферме после того случая с блином. Не то чтобы он ушел. Его видели не раз в окрестностях, в заброшенных местах. Иногда показывалась голова за окном. Но он больше не переступил порога.

Тем вечером он занял свое место у очага, с той стороны, где была колыбель, возле кровати матери. Там он проводил дни и ночи. Когда ребенок плакал, он торопился к нему, чтобы его укачать, — этого он никогда не делал, когда был жив. Поэтому его движения были немного резкими. Иногда он нажимал на край колыбели, словно на рукоять плуга. И тогда ребенок его приговаривал:

— Потише, потише, потр-коз!

Ребенок прожил семь месяцев. Он прекрасно говорил и, казалось, все видел, несмотря на пустые глазницы.

Однажды утром его нашли мертвым на кушетке. Старик проводил его до кладбища и с этого времени больше не давал о себе знать. Говорят, что он ждал, когда ребенок отведет его за руку в рай.

Старый прядильщик пакли

Это было в Керибо, в Пенвенане, в двухэтажном доме. Я со своей женой и детьми занимал нижний этаж. А на верхнем этаже жил старик, по профессии — прядильщик пакли.

Старик этот скоро умер.

Тогда я был тем же, что и сегодня, — бедным сельским портным, исключая лишь то, что в те времена я был молод, энергичен и в работе у меня никогда не было недостатка. Наоборот, чаще бывало, что я даже не знал, за что взяться в первую очередь. Приходилось проводить за шитьем большую часть ночи. Жена моя, вязальщица, составляла мне компанию. Укладывали детей мы рано и занимались, каждый в своем углу, своим делом.

Однажды поздним вечером, когда мы так вот бодрствовали в тишине, моя жена Соэз вдруг мне говорит:

— Ты слышишь?

И она показал пальцем на потолок над нашими головами.

Я прислушался.

Можно было подумать, что старый прядильщик воскрес и снова стал вертеть свою прялку, там наверху, в комнате. Время от времени шум затихал, как будто, заполнив одно веретено, прядильщик прерывался, чтобы приготовить другое. Потом жужжание возобновлялось.

— Шарло, — умоляюще попросила жена, она была вся бледная: — пойдем спать. Мне всегда говорили, что нехорошо работать после полуночи в субботу.

Мы легли, но не могли сомкнуть глаз: нам мешал заснуть страх и жужжание прялки; оно умолкло только с приближением утра.

На следующий вечер — это было в воскресенье — о работе не могло быть и речи. Мы улеглись в постель почти сразу за детьми, и в эту ночь ничто не потревожило наш сон.

Но ночью в понедельник, во вторник и все другие ночи недели вплоть до субботы и включая ее, в наших ушах стояло постоянное монотонное жужжание. Это становилось невыносимым. В субботу вечером, укладываясь спать, я сказал жене:

— Надо покончить с этим. Завтра я поднимусь. Хочу все выяснить.

Я провел послеобеденное время выпивая понемногу то в одном кабачке, то в другом, с одной целью — приободриться, так что когда я вернулся домой, то был слегка в подпитии.

Мой ужин ждал меня на очаге. Я очень быстро его съел и крикнул:

— Соэз Шаттон, зажги шандал, чтобы я пошел узнать, что нужно старому торговцу паклей!

— Ни за что на свете, Шарло! Ты этого не сделаешь! С нами случится беда!

Я становлюсь упрямым, когда не пропускаю мимо носа полные стаканы. Я сам зажег свечу, и вот я уже на лестнице... Я не поднялся и на шесть ступенек, как остановился, словно пригвожденный. Сверху дул ужасный ветер, ледяной ветер, который чуть не сбросил меня вниз.

Вся моя выпивка разом испарилась, а вместе с нею и моя смелость.

Я спустился вниз.

— Это тебе послужит уроком, — сказала мне жена.

Хотите — верьте, хотите — нет, но целый год мы безропотно слушали над собою жужжание веретена, и год закончился, но наше терпение мертвецу не наскучило. Впрочем, мы уже привыкли к этой пытке. Жужжание почти не беспокоило нас. И даже если оно иногда запаздывало, мы начинали тревожиться, нам чего-то не хватало.

Я часто говорил Соэз:

— Лишь бы старый прядильщик не будил детей, это все, что нужно.

Но через год дети подросли. Как-то поздно вечером один из наших вдруг резко выпрямился на кровати:

— Мама, кто же это прядет?

Жена бросилась к нему и снова уложила в постель:

— Никто не прядет. Спи.

И я крикнул от стола, где обычно работал:

— Это барашки шумят в хлеву.

Ребенок в конце концов заснул.

И все-таки это не могло больше так продолжаться.

Я отправился к сыну нашего прядильщика пакли, который был фермером в соседнем приходе, в Плугьеле.

— Вот что, — сказал я ему, — странные вещи происходят у нас. Твой отец *вернулся.* Он прядет и прядет, как при жизни, в своей старой комнате. Мое мнение, что нужно по нему отслужить панихиду. Если не закажешь ты, тогда я сделаю это сам.

— Я должен посмотреть на это, — ответил мне он.

И он пошел со мною и услышал то, что слышали мы.

Он был добрый христианин. Ранним утром он пошел к настоятелю Пенвенана и заказал за шесть франков молебен за своего отца. С этого времени мы зажили спокойно. И даже мне случалось работать в субботу вечером за полночь.

Осколок зеркала

Я слышал это от моего деда с отцовской стороны, он был лоцманом на острове, как и все Питоны, из поколения в поколение.

Один испанский корабль — или бразильский, не знаю точно — пошел ко дну на рифах Сейна, и из всех, кто был на борту — экипаж и пассажиры, — не спасся ни один человек, несмотря на все попытки помочь им. В течение следующих дней море было покрыто трупами и вещами и обломками корабля. Первых похоронили по-христиански, вторые — их уж никто не мог потребовать — собрали и разделили между собою. Мой дед, как и другие, взял свою долю вещей. Среди них было зеркало, очень толстого стекла, в красивой раме резного дуба. Зеркало местами немного помутнело после пребывания в воде, но других изъянов у него не было. И когда дед его немного почистил и повесил в главной комнате своего дома, оно вызывало восхищение у всех, кто его видел: в то время зеркала были редкостью в наших краях.

Зала, где повесили зеркало, была комнатой парадной, она предназначалась для приезжих гостей, важных людей, оптовых торговцев морскими продуктами или омарами, с которыми мой дед был в деловых отношениях и которые раз или два в год наносили ему визит.

В обычные дни зала стояла закрытой. Никто туда не входил, кроме бабушки: она вытирала пыль или мыла пол, и, естественно, славная старушка не упускала возможности посмотреться в красивое зеркало, проходя заодно по нему тряпкой.

И вот пять или шесть месяцев спустя после кораблекрушения, о котором шла речь, крестница моего деда, жившая в Одиерне, сообщила письмом, что собирается приехать на пардон святого Геноле — это праздник острова. Она была настоящая барышня, как все городские девицы, и было решено устроить ее ночевать в зале, чтобы оказать ей честь. Итак, в день приезда моя бабушка проводила ее на второй этаж, в отведенную ей залу, и не преминула, как вы понимаете, сказать ей с порога:

— Посмотрите, Мари Дрогон, какое у нас красивое зеркало!

Но почти тут же она воскликнула изменившимся голосом:

— Ой, да что же это такое?

Стекло, которое она так тщательно протерла накануне, затянулось туманом, и сверху вниз по нему текли капли воды, похожие на слезы.

— О, да это ничего, — сказала девушка, — немного влаги, наверное.

Бабушка не стала спорить, но она была встревожена, и вечером, когда она была уже в постели, наедине с мужем, она сказала ему:

— Ты знаешь, Питон, с зеркалом явно что-то не так. Сегодня мы застали его плачущим.

Старик посмеялся над ней:

— Ну, конечно! А ты, дожив до своих лет, разве не знаешь, что зеркало иногда запотевает?

— Запотевает!.. Запотевает!.. Но не в разгар лета и не в самом сухом месте дома!

— Та, та, та!.. Глупости!.. Не мешай мне спать.

Прошла ночь. Когда утром бабушка встала, чтобы приготовить кофе, она услышала наверху шаги крестницы, которую, видимо, разбудили колокола пардона и которая, должно быть, наряжалась, чтобы в лучшем виде появиться среди женщин острова. Потом звук шагов прекратился и вдруг раздался громкий крик.

— Господи Иисусе! Что такое? — спрашивала бабушка, спеша подняться по лестнице.

Она толкнула дверь комнаты: Мари Дрогон, едва не лишившись чувств, показывала

пальцем на зеркало. И теперь настала очередь старушки отступить в ужасе: в зеркале проступало женское лицо — не ее лицо и не крестницы, а совсем незнакомое. Это было, рассказывала она потом, бледное лицо, с белыми глазами, без зрачков, и с длинными мокрыми волосами, с которых стекали капли.

Бабушка с трудом позвала мужа.

Он прибежал полуодетый. Но тем временем видение растворилось.

— Это зеркало не должно больше и минуты оставаться в моем доме, — заявила бабушка.

И дед был вынужден тотчас же вернуть морю то, что оно ему принесло.

ГЛАВА XVIII
ПРИВИДЕНИЯ В ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОМ РОМАНЕ

Жан Карре

Жан Карре был бедным сиротой, оставшимся без отца и матери в возрасте трех или четырех лет. Но была у него крестная, богатая и незамужняя. Она взяла своего крестника к себе и воспитала его в доме, как своего ребенка. Когда он достиг возраста учения, она поместила его в коллеж. Жан Карре мог бы, как и всякий другой, стать священником или нотариусом. Но он рожден был искателем приключений. В девятнадцать лет, приехав на каникулы, он сказал своей крестной:

— Если вы любите меня, не отправляйте меня больше в коллеж.

— Ты что же, почувствовал отвращение к книгам?

— Я не испытываю отвращения к книгам, крестная. Но мне не нравится все время сидеть в комнате, где я скучаю.

— И какой же профессией ты рассчитываешь овладеть, дитя мое?

— Я хотел стать моряком.

— Хорошо, Жан Карре, — сказала крестная, — я предпочла бы, чтобы ты оставался подле меня. Но я обещала не мешать твоему призванию. Ты хочешь быть моряком — будь моряком. А я построю крепкий корабль, так как я не могу допустить, чтобы мой крестник был простым матросом. Я хочу, чтобы ты сразу стал капитаном. Ты сам наберешь себе экипаж.

Хотя Жан Карре недолго учился в коллеже, он, однако, обладал достаточными познаниями, чтобы его взяли капитаном. Он получил свой диплом, пока строился корабль.

В день спуска корабля на воду Жан Карре сказал той, которая всегда была так добра к нему:

— Вы моя крестная. Будьте же крестной и моему судну.

И на корме корабля написали имя «Барбаика» — так звали эту замечательную женщину.

Я не скажу вам, была ли это шхуна или трехмачтовый бриг. Одно только точно: корабль делал честь верфи, откуда он сошел со стапелей. И еще он мог гордиться тем, что в лице Жана Карре имел капитана, какого встретишь редко.

И вот все паруса развернуты по ветру — и «Барбаика» в открытом море. Дай ей Бог счастливого плавания!

Жан Карре решил совершить двухлетнее плавание в Средиземном море. В первые шестнадцать месяцев все было чудесно. Хорошая погода, прекрасное море, попутный ветер.

— Все это прекрасно, — сказал однажды молодой капитан своему экипажу. — Но мы должны поспешить, чтобы снова увидеть родину. Мы берем курс на Нижнюю Бретань.

Сказано — сделано.

Уже бретонская земля вырастала на горизонте на их глазах.

— На колени! — скомандовал Жан Карре. — Возблагодарим Бога за то, что

благословил наше путешествие.

Но с реи большой мачты ему ответил голос матроса:

— Самое трудное еще впереди, капитан. Я вижу, на нас идет корабль, не предвещающий ничего хорошего.

Жан Карре навел подзорную трубу в указанном направлении.

— Действительно, — сказал он, — нам предстоит встреча с морским грабителем. Эй, парни, будьте готовы!

«Барбаика» подняла флаг, но пират продолжал двигаться к ней, не отвечая на сигнал вежливости.

— Хорошо же! — выругался Жан Карре. — Если ему нужен урок, он его получит и дорого заплатит.

У него на борту было двенадцать пушек крупного калибра, так как крестная все делала основательно. Двенадцать выстрелов раздались одновременно. Морской разбойник, который предполагал, что перед ним простое торговое судно, не ожидал приветствия такого сорта. Пиратский корабль трижды перевернулся и затонул.

Жан Карре не был злым человеком. Он приказал спустить шлюпки на воду и спас все, что было живого на вражеском корабле.

Так вот, пираты везли с собою шестьдесят на редкость красивых девушек.

— Откуда у вас эти девушки? — спросил Жан Карре главаря пиратов.

— Мы их похитили.

— И куда вы их везете?

— Я собирался их продать.

Среди этих красавиц была принцесса, на вид не старше семнадцати или восемнадцати лет. Свежая, как роза, светловолосая, с глазами, прозрачными, как небо. Она была со своей служанкой, которая никогда не оставляла ее.

— За сколько вы продадите мне эту юную принцессу? — спросил Жан Карре.

— Поскольку вы спасли нас, я уступлю ее вам за тысячу экю.

— А горничную?

— Я отдам ее вам в придачу. Лишь бы вы нас высадили живыми и невредимыми в первом же порту.

— Договорились! — сказал Жан Карре и тут же заплатил тысячу экю.

И в первом же порту он высадил пиратов живых и невредимых.

Потом он поднял паруса и направился в порт, где должен был стоять его корабль. Там он поселил принцессу и ее горничную в лучшей гостинице, поручив ее заботам доброй хозяйки. А сам оседлал коня и помчался прямо к замку, где жила его крестная. Вы, конечно, понимаете, что она встретила его с распростертыми объятиями.

— Ну что, какие новости? — спросила она, после того как крепко прижала его к сердцу.

— Ничего особенного, разве вот только покупка, которую я сделал.

— Какая?

— Боюсь, что она не придется вам по вкусу.

— Но что это?

— Едем со мной, и вы увидите.

Крестная не заставила себя долго просить. Приехав в гостиницу, она увидела принцессу, и девушка ей сразу полюбилась.

— А когда свадьба? — спросила она, повернувшись к Жану Карре.

— Когда вам будет угодно, крестная.

— В таком случае как можно быстрее.

И через две недели состоялось бракосочетание. Поверьте, эта была замечательная свадьба. Через тринадцать месяцев принцесса родила сына, которому дали имя Жан Барбаик.

Отец, Жан Карре, прожил два года рядом с крестной, женой и сыном, занятый единственно тем, чтобы любить всех троих. Но на третий год он начал потихоньку скучать.

— Чего-то тебе не хватает, — сказала ему однажды крестная.

— Да, мне не хватает моря.

— О чем ты думаешь? Покинуть жену, сына? Я уж не говорю о себе, твоей крестной.

— Что вы хотите? Я не умею жить грея ноги у очага, как другие. Позвольте мне отправиться в путешествие. Я скоро вернусь и больше вас не покину.

— Ты клянешься, что это будет твое последнее путешествие?

— Я клянусь.

— Тогда отправляйся.

Тем же вечером крестная объявила принцессе, что Жан Карре собирается в свое последнее плавание.

— Ну что ж! — сказала принцесса, — раз уж вы уезжаете, прикажите написать мой портрет, портрет нашего ребенка и моей горничной на корме вашего корабля. Я думаю, для вас не будет слишком трудно зайти — на пути туда или обратно — в порт Лондона. Зайдите туда ради любви ко мне. Там вы пришвартуете корабль не носом, как принято, а кормой, так чтобы все три портрета были видны людям на берегу. Это все, о чем я вас прошу. Я думаю, что вы исполните эту мою просьбу в обмен на то горе, которое вы мне причиняете, уезжая.

— Я сделаю это, — отвечал Жан Карре.

И он действительно приказал своим матросам зайти в порт Лондона. Корабль пришвартовался там так, как этого пожелала принцесса.

Надо сказать, что у короля и королевы Англии был большой сад на террасе, выходившей на набережную. Там король с королевой прогуливались, наблюдая, как входили и отправлялись корабли.

— Посмотри, — сказал тем утром король королеве, — видишь корабль, который только что вошел в порт?

— Да... ну и что?

— Ты не замечаешь, что у него корма там, где должен быть нос?

— Да, вижу.

— Должно быть, кораблем командует редкостный дурак. Спустимся вниз, я хочу видеть это поближе. Чтобы никто потом не говорил, что любой корабль может приставать, как ему вздумается, к моей лондонской пристани.

Король был в гневе.

— Что за идиот капитан на этом корабле? — спросил он, оказавшись рядом с «Барбаикой».

— Его зовут Жан Карре, — ответил юнга, — но если вы желаете с ним разговаривать, вам придется быть повежливее, у него очень острый слух.

Пока шли эти переговоры, королева с любопытством рассматривала корабль и удивилась, увидев лица, изображенные на корме.

— Чем сердиться, — сказала она мужу, потянув его за руку, — посмотри лучше на эти три портрета. Не находишь ли ты, что это — портрет нашей дочери, а тот — ее горничной. Я, правда, не знаю, кто этот ребенок между ними. Все это очень странно. Пойди-ка и спроси у капитана — вежливо. А то, если тебя понесет, то мы ничего не узнаем. Тебе ведь должно быть известно, что в гневе ты делаешь только глупости.

Как раз в это время Жан Карре появился на мостике.

— Извините, капитан, — сказал король, приподнимая шляпу, — не будете ли вы столь любезны сказать мне, как эти портреты попали в вашу собственность?

— Черт побери! Но это я и велел их написать!

— А оригиналы?

— Это моя законная супруга, а это — ее горничная, ну а ребенок... могу с удовольствием сказать, что я — его отец!

— Как! Ваша супруга? — вскричала королева. — Но обнимите же меня, ведь вы мой зять!

— Обнимите меня тоже! — закричал король.

— Вот дьявол, — заметил Жан Карре, — знал бы я, что у меня есть родственники в городе Лондоне!

Но тем не менее он обнял короля и королеву.

Потом он рассказал им, как он выкупил их дочь у пирата, как она стала его женой.

— Все это замечательно, — сказал король, — главное, что она жива. Вот уже более двух лет, как мы оплакиваем ее гибель. Но вы, мой зять, вы должны побыть немного с нами, чтобы мы ближе узнали друг друга. Я хочу, чтобы вы поселились в нашем дворце. Ваш помощник заменит вас на корабле. А я позабочусь о довольствии экипажа.

— Договорились! — ответил Жан Карре.

И он отправился во дворец вместе с родителями своей жены. Два месяца он вел роскошную жизнь. Король посчитал для себя честью показать ему все свое королевство, и уж не пешком, уверяю вас.

* * *

Однажды, когда они прибыли в большое селение, они увидели, что все улицы полны народу.

— Что бы это значило, такое скопление людей? — спросил Жан Карре.

Они протиснулись сквозь толпу. Страшное зрелище предстало перед ними. Два здоровенных молодца волокли за ноги труп. Голова казненного с глухим стуком ударялась о мостовую. Народ горстями швырял в него грязь.

— В какой это стране мы живем? — закричал Жан Карре громовым голосом. — Разве не обязаны мы почтительно относиться к смерти?

Один из мужчин, тащивших тело, ответил:

— Но этот не оплатил свои долги перед смертью. Поэтому мы с ним так и обращаемся. Так всегда было заведено у нас, и так будет. Злостные должники — как сорная трава. То, что они умирают, — этого мало. Надо, чтобы их пример не посеял зерна. То, что вы видите, это еще пустяки. Когда мы дотащим его вон до того карьера, мы изрубим его на кусочки, как фарш, и разбросаем его на корм диким зверям и хищным птицам.

— Будь вы в Нижней Бретани, это вас бы изрубили на куски, — выругался Жан Карре. — Какой долг оставил после себя этот несчастный?

— Сто франков!

— Прекрасно! Вот вам ваши сто франков! Надеюсь, теперь его останки — мои?

— Да, можете делать с ними, что хотите.

— Я похороню его со всей пышностью, чтобы показать вам, англичанам, как бретонцы почитают умерших.

Король слушал его и не осмеливался вступиться, боясь не угодить своим подданным, и еще больше — своему зятю.

Жан Карре организовал похороны по обычаям страны и оплатил все расходы. Потом он заказал самым лучшим каменщикам надгробную плиту, на которой были выбиты имя умершего и его собственное.

Король, слегка обеспокоенный, сказал ему:

— Может быть, теперь мы можем вернуться в Лондон?

— Черт возьми, конечно! — ответил Жан Карре. — То, что я здесь увидел, меня ничуть не располагает к дальнейшему путешествию.

Они тронулись в обратный путь.

Вернувшись в Лондон, Жан Карре объявил тестю и теще, что он считает, что уж слишком давно не видел своей жены. И поспешил вернуться на борт «Барбаики».

— Вы уйдете в плавание, — сказал ему король, — но не на том корабле, на котором пришли. Помните, что вы мой зять. Зять короля Англии не может плавать на корабле тоннажем в три сотни, как простой хозяин каботажного судна. Я отдал приказ приготовиться моей эскадре. Она полностью в вашем распоряжении. Адмирал флагманского корабля будет

всегда при вас, как матрос при капитане.

В глазах Жана Карре вся эскадра английского короля, с адмиралом или без него, не стоила «Барбаики».

Но все-таки он отправился в плавание на флагманском корабле.

В чем очень скоро ему пришлось горько раскаяться.

Рулевым на борту этого флагмана был один дворянин по имени Хуан, довольно красивый мужчина, но я за него не дал бы и двух лиардов.

К вечеру первого дня плавания Жан Карре был несколько удивлен, увидев, что другие корабли эскадры сравнялись скоростью с тем, на котором плыл он.

— Послушай, — недовольно сказал он Хуану, — почему это мы так тащимся? У корабля есть все, чтобы идти впереди. Ты плохой рулевой!

— Нет, я не плохой рулевой! Но как можно управлять кораблем, если штурвал не на своем месте?

— Я посажу вас на две недели на гауптвахту! Штурвал был на своем месте, когда мы снимались с якоря.

— Смотрите сами!

— Сейчас увидим.

Когда Жан Карре наклонился, чтобы посмотреть, Хуан схватил его за ноги и перебросил через борт.

— На помощь! На помощь! — закричал бедный капитан.

Увы! Плачевно, но ему оставалось только погибнуть. На море была буря. Его закрутило в глубину между валами. Хуан так быстро сделал свое дело, что никто и не заметил исчезновения королевского зятя. К тому же адмирал навряд ли позаботился бы о том, чтобы его вытащить. Он был слишком раздражен тем, что ему приходилось подчиняться простому капитану бретонского судна.

Итак, корабль продолжал свой путь, как будто ничего не случилось.

— Придется умереть! — сказал себе Жан и стал читать короткую молитву.

И в этот момент он был поднят из глубины большой волной.

Он посмотрел на окружавшую его воду скорбным взглядом умирающего. И вдруг увидел силуэт шагавшего к нему по волнам человека. И человек сказал ему ласковым голосом:

— Не печалься, мой бедный Жан! Есть люди, которые предают, но есть, которые помнят!

— Как же мне не печалиться? Я больше никогда не обниму ни крестную, ни жену, ни сына! А я им обещал, расставаясь, что это будет мое последнее плавание. Разве я мог подумать?

— Не падай духом! Я спасу тебя!

И странный человек протянул руку Жану Карре.

— Забирайся ко мне на спину, — сказал он.

Жан Карре повиновался.

Человек снова зашагал по морю. Он двигался между волнами, как пахарь по борозде. И так он донес Жана Карре до острова, скалистого, но покрытого травой, который ни одному моряку не был известен. Он положил Жана в тени пальмы.

— Ну, товарищ, — сказал он Жану, — главное, что тебе сейчас нужно сделать, это высушить одежду. Видишь, солнце уже горячее. Через час-другой ни одной мокрой нитки не останется, и ты немного отдохнешь. И тогда мы продолжим наш путь.

— Как скажете.

Морепроходец исчез. Оставшись один под высокими пальмами, овевавшими его легким ветерком, Жан Карре скоро уснул.

Не будем тревожить его сон!

* * *

А в это время эскадра английского короля, развернув все паруса, двигалась к берегам Нижней Бретани.

По мере того как они становились все ближе, адмирал ощущал все большую тревогу. Что сказать принцессе? Как сообщить ей роковую весть? Даже и для адмиралов существуют труднопроходимые фарватеры. Адмирал не огорчался из-за гибели Жана, но расстраивался из-за того, что он должен объявить о ней. А что до Хуана, то этот изображал ужасную печаль. В глубине души он ликовал.

Когда эскадра причалила, над кораблями подняли черный флаг. Принцесса, гулявшая с ребенком на руках в своих владениях, заметила издалека это лес мачт и рей и траурные вымпелы, трепетавшие на вантах.

Она упала на колени, ее душу стеснило предчувствие. В этот момент адмирал направился к ней, сняв шляпу.

— Принцесса, — начал он.

— Не продолжайте. Жан Карре мертв, не так ли?

— Как прикажете, принцесса!

— Возвращайтесь в страну, откуда вы прибыли.

— Без вас?

— Перед морем я даю клятву. Сообщите о ней моему отцу. Я клянусь вернуться в Англию только тогда, когда смерть соединит меня с Жаном Карре!

Тем же вечером адмирал снова вышел в море. Но Хуан бежал с корабля.

Под покровом ночи, когда корабли уже скрылись за голубой линией горизонта, он прокрался в замок Кердеваль, где были вместе крестная Жана Карре и его вдова.

Он застал их плачущими, в объятиях друг друга.

— Прошу прощения, — сказал он с порога, — один я знаю, как погиб тот, кого вы оплакиваете. Я видел, как адмирал бросил его через борт.

И он стал безутешно рыдать, и так правдоподобно, что его слезы отвлекли женщин от их горя.

— Подойдите, согрейтесь у огня, — сказали обе.

Он рассказал им, что дезертировал с корабля, чтобы не подчиняться приказам такого преступника, как адмирал. Короче, он сумел так расположить к себе и крестную, и вдову, что они даже предложили ему приютить его у себя в доме. Поверьте, он сумел с выгодой употребить время, которое он там пробыл. Говоря постоянно с печалью и с симпатией о Жане Карре, он сумел проникнуть в сердце бедной принцессы. Она приняла его ухаживания и согласилась стать его женой. Не то чтобы она забыла Жана Карре. Наоборот, она думала, что верна его памяти, избрав его преемником мужчину, у которого на устах всегда была похвала ему. Крестная и сама была очарована им. Она первая поддержала принцессу, когда та решилась выйти замуж за Хуана. Свадьба была решена. Остались только последние приготовления.

* * *

— Ну что, Жан, твои вещи просохли? — спрашивал тем утром Жана таинственный человек.

Жан Карре с трудом открыл один глаз, потом другой.

— Черт возьми, — воскликнул он, — я так славно вздремнул!

И он попытался подняться. Но не смог, голова все время падала назад.

— Да что же это со мной?

— Да просто волосы и борода у тебя так отросли, пока ты здесь лежал, что они вросли в землю.

— Да, это правда! Как же это получилось?

— Потому что ты спишь здесь уже два года, — спокойно ответил ему странный

человек.

— Два года!

— Ни днем меньше, ни днем больше. Я надеюсь, что ты достаточно хорошо отдохнул.

— Должен был отдохнуть!

— Нужно было отдохнуть. Потому что твои несчастья еще не окончены. Забирайся мне на плечи, и мы снова тронемся в путь.

Так, один на другом, они пересекли затянутое туманом море. Странный человек шел по морю три дня и три ночи. Днем дорогу ему указывал столб пены, который двигался впереди, ночью — яркая звезда.

На третью ночь он сказал Жану Карре:

— Узнаешь эту землю?

— Да, это земля, где я родился.

— Больше я тебе не нужен. Здесь начинается песчаный берег. Не медли. Иди прямо в Кердеваль. Ты найдешь там свою жену, которая выходит замуж за Хуана, того, что столкнул тебя когда-то в море. Не стриги ни волос, ни бороды. Постарайся наняться слугой в дом на любую работу. Я знаю, что там ищут дровосека. Ты можешь взяться за эту работу. А теперь, прежде чем я предоставлю тебя твоей участи, скажи мне, Жан Карре, имею ли я право, если меня спросят об этом, утверждать, что я оказал тебе услугу?

— Ты имеешь право заявлять это везде! Если бы не ты, я бы пропал!

— Благослови тебя Бог за эти слова! Они открывают мне рай. Я тот самый мертвец, долги которого ты оплатил когда-то и которому ты дал могилу. В свою очередь, я обязался отдать тебе свой долг. Ты снял его с меня. Отныне я спасен. Доброго пути, Жан Карре, и благодарю тебя.

— Это я должен благодарить тебя, — вскричал Жан Карре, но на песчаном берегу не было никого, кроме него самого и его тени, которую нарисовала луна.

Чтобы быстрее прийти в Кердеваль, он пошел напрямик. Ворота замка была еще заперты. Ему пришлось подождать, сидя на на пороге, пока не занялась заря, а с зарей проснулись служанки.

— Извините меня, — сказал он, — я не разбойник. Я просто ищу работы за кусок хлеба.

С этими словами он обратился к своей крестной. Он сразу узнал ее, а она узнать его не смогла, потому что волосы у него падали до спины, а борода доходила до груди. К тому же у старушки ослабело зрение, и из-за старости, и потому, что с так называемой смерти Жана Карре она не переставала лить слезы.

— Входите, добрый человек, — сказала она. — Вы умеете рубить лес?

— Увидите, если возьмете меня.

— Сначала съешьте миску похлебки, а потом пойдете в лес. Видите там, наверху, на склоне холма поваленные деревья? Нарубите их на дрова. Сегодня вечером будет подписан брачный контракт моей крестницы. Я хотела бы, чтобы вы нарубили много дров для праздничного огня, который должен предшествовать свадебной церемонии.

— Положитесь на вашего слугу. Вы будете довольны.

И вот Жан Карре проглотил свою похлебку и пошел в лес.

Когда он ушел, его старая крестная сказала:

— Судя по длинной бороде, это, должно быть, отшельник, который ходит из дома в дом и ищет работу для умерщвления плоти.

И так думал каждый.

* * *

Горничной принцессы было поручено гулять с маленьким Йанником — каждый день от полудня до четырех часов. Обычно она ходила с ним в поля, где мальчик с интересом смотрел, как работают люди. В тот полдень она ему сказала:

— Я покажу тебе замечательного отшельника, он рубит дрова, чтобы заслужить царствие небесное.

И вот они пошли в лес, где Жан явно не терял времени — издалека слышался стук его топора по стволам деревьев.

Когда они подошли к отшельнику, ребенок стал пристально его рассматривать. Закончив свой осмотр, он с серьезным видом и очень спокойно произнес:

— Батюшка, вы очень тяжко трудитесь. Один вы делаете столько, сколько три поденщика вместе.

— Что ты сказал, малыш? Я не твой батюшка.

— Не говорите так: этого не знают чужие, а я знаю.

Жан Карре рассмеялся.

— Смотрите, — снова заговорил ребенок, — у вас на щеке такая же складочка, как у меня. Я хорошо ее вижу под бородой.

Горничная поначалу не вмешивалась в этот разговор. Но последние слова мальчика ее поразили.

— Мама, — закричал маленький Йанник, как только они вернулись в замок, — я видел отца!

— Увы, мой мальчик, уже два года, как твой отец погиб.

— Мой отец не погиб. Поверьте мне, я знаю, что он жив.

— И я тоже это знаю, — произнесла горничная. И она рассказала своей госпоже о том, что произошло в лесу.

Услышав это, принцесса почувствовала растерянность. Она не переставала любить Жана, но смертельно боялась обмануться. Она поделилась с крестной.

— Пошлем за отшельником, пусть придет сюда, — сказала крестная.

Жана потребовали в замок. Он пришел, глаза его были полны слез.

— Почему вы плачете? — спросили его.

— От радости. Правду говорят, что устами младенца глаголет истина!

И тогда он рассказал, ничего не упуская, о своем приключении — и о вероломстве Хуана, и о помощи благодарного покойника.

Горничная сбегала в соседнюю деревню и привела оттуда брадобрея. И его руки сразу же сделали Жана Карре таким же, каким он был два года тому назад. Ему приготовили баню и после нее одели на него свадебные одежды, которые его жена в память о нем бережно хранила у себя в шкафу.

Как вы хорошо понимаете, Хуан не догадывался о том, что произошло. Он наблюдал во дворе за подготовкой праздничной иллюминации, отдавая приказы наглым тоном выскочки, с радостью предвкушая, что скоро он станет хозяином дома.

Одна за другой прибывали кареты, привозившие дальних и близких родственников. Хуан спешил навстречу каждому, рассыпался в любезностях. Жандармы из кантона тоже были там. Они были приглашены, отчасти, чтобы поддерживать порядок, но, главным образом, чтобы придать блеску завтрашней брачной церемонии.

И вдруг все увидели, как во двор спустилась принцесса. Она отвела в сторону бригадира и что-то прошептала ему на ухо.

— Будет сделано, — ответил командир жандармов.

И он приказал разжечь костер. Занялось высокое пламя, потрескивая и сверкая искрами. И в это мгновение появился Жан Карре, с сыном на руках и в сопровождении своей крестной. Вот это был удар! Как в театре! Хуан позеленел, как недозрелый кочан капусты! Жандармы ухватили его за куртку и бросили в костер. Он вспыхнул, как обыкновенная спичка.

Но гости от всего этого ничего не проиграли. Вместо одной свадьбы была другая, повторная. Вместо одного угощения было двадцать. Целых восемь дней крутились вертелы, лилось из бочек — люди ели, пили и начинали все сначала. И не было ни одного, кто остался бы недоволен тем, что хозяин снова владеет своей женой, своим добром, — разве что Хуан,

но тому уже было не возвратиться, чтобы сетовать. Из костра Кердеваля он прямиком отправился в огонь ада, где, надо надеяться, будет жариться вечно.

Если вы помните, принцесса когда-то поклялась, что вернется в Англию только тогда, когда смерть соединит ее с Жаном Карре. Жан Карре решил, что надо выполнить это обещание, ведь, по существу, он смог соединиться с женой только благодаря умершему. Крестная разделяла его мнение. Они погрузились на корабль и отправились в Лондон. Но когда вскоре король и королева Англии скончались, Жан Карре, его жена и крестная снова возвратились в свой замок в Нижней Бретани. И с тех пор живут там в счастье и довольстве. Чего и вам желаем, и без лишних хлопот!

ГЛАВА XIX
ЗЛОВРЕДНЫЕ ПОКОЙНИКИ

Самые зловредные призраки ничего не могут сделать против *трех крестин вместе* — то есть против трех человек, если они оказались вместе и если все трое крещеные.

* * *

Чтобы защититься от проклятия фантома, достаточно ему крикнуть:

— Если ты пришел от Бога, скажи, что ты хочешь, если от дьявола — уйди с моей дороги, как я уйду с твоей.

Главное, обязательно надо ему говорить «ты». Если ему нечаянно скажешь «вы», то ты погиб.

* * *

Если вы хотите, чтобы призраки не смогли вам навредить, никогда не пускайтесь в путь ночью, не взяв с собою что-нибудь из рабочих инструментов. Рабочие инструменты священны. Любое колдовство против них бессильно.

Один портной, увидев, что к нему приближается привидение, перекрестился своей иглой. Призрак тотчас же исчез, крикнув: «Если бы не твоя игла, раздавил бы я тебя всмятку!»

* * *

В Леоне[45] верят, что, когда поднимается вихрь, это мчится водоворот разъяренных проклятых душ, жаждущих навредить людям. И тогда нужно сразу броситься на землю лицом. Иначе злые души закружат вас и увлекут за собою в ад.

Злоба первого мужа

Мой брат был таким знаменитым каменотесом, что его наперебой звали повсюду, где в Бретани шло большое строительство. Поэтому он часто и надолго уезжал из дому. Но если он отсутствовал целый год, он обязательно приезжал повидать нашего отца. Наш отец! Эх, жаль, вы его не знали!

Вот уж кто бы вам понарассказывал всяких историй!.. И красных, и черных, и серых, и голубых!.. Вся детвора была без ума от него. Ну, так вот, в какое-нибудь прекрасное утро раздавался стук в дверь, это был мой брат Ивон. В обеих руках он держал по бутылке водки.

---

45 Леон — провинция на севере Бретани.

— Эй, отец, — кричал он радостно с порога, — вы, конечно, сейчас будете меня ругать, что я долго не появлялся. Но, пожалуйста, давайте лучше начнем с выпивки. А потом я спою вам славные песни, которые я выучил. Всегда что-нибудь подхватишь в другом краю.

Отца не надо было долго упрашивать, он был сама снисходительность.

Вот так однажды мой брат и приехал совсем неожиданно. Он громко смеялся, однако вид у него был очень смущенный.

— Батюшка, — сказал он, — приготовьтесь сделать мне внушение. Я решился взять себе жену.

— Ба! — воскликнул отец. — И на ком же ты женишься?

— На Наик, из здешних мест.

— На вдове Наик! На пьянице! Я не стану тебя поздравлять, но благословение свое дам — каждому свое!

— В добрый час! С вами всегда можно столковаться.

— Мельница должна крутиться в ту сторону, куда дует ветер!

— Я знаю все, что говорят про Наик. Но вот она мне полюбилась, и я ей открылся — *зажег ее своим огнем.* Уже шесть месяцев она носит дитя под сердцем.

— Что сделано, то сделано. И когда же свадьба?

— В понедельник, через две недели.

В указанный день контракт был подписан, но венчания в этот день не было, не помню почему.

Свадебный ужин был устроен в ресторанчике при постоялом дворе. Все отужинали, хотя стол не был благословлен священником. Мне ужин показался великолепным, другие гости со мной согласились, и — честное слово! — у всех головы были в тумане, когда мы вернулись домой.

Сначала мой брат не собирался быть этой ночью со своей женой. Но, проводив ее к ней домой, как велел долг, он там и остался. А этого делать было нельзя, пока его брак не был освящен в церкви. Э, да что вы хотите, мужчины есть мужчины, а эта Наик и вправду была обольстительница.

Возможно, они сначала выпили за здоровье друг друга. А потом легли в одну постель.

Не успел мой братец улечься рядом с нею под одеяло, как ему в голову пришла странная мысль.

— Слушай, — сказал он своей новобрачной, — видел бы Жан-Мари Кор нас с тобою сейчас...

Жан-Мари Кор — это был первый муж вдовы.

И, не договорив до конца, брат вдруг вскочил. Перед ним за столом со стаканом, из которого он только что пил, сидел Жан-Мари Кор.

— Наик, — зашептал брат, — взгляни-ка!

— Что такое?

— Ты не узнаешь этого, который там?

— О ком ты говоришь? Я никого не вижу.

— Ты не видишь Жана-Мари?

— Да оставь ты в покое Жана-Мари! Если тебе нечего больше мне сказать, давай спать.

И Наик повернулась лицом к стенке. Она крепко выпила днем. Через минуту она уже похрапывала.

Брат больше не пытался ее будить. Но сам он остался сидеть на своем месте, глаза его были прикованы к по-прежнему неподвижному призраку Жана-Мари Кора. Он чувствовал, что волосы у него на голове встают дыбом, словно зубья гребня для расчесывания льна.

Мертвый не двигался и не произносил ни слова.

В конце концов брат не выдержал.

— Жан-Мари Кор, — сказал он ему, — скажи хотя бы, что тебе нужно.

Ах, друзья мои, никогда не окликайте мертвого! Это поистине чистая правда: услышав свое имя, призрак Жана-Мари Кора одним прыжком сорвался со скамьи, где сидел, и

очутился в кровати рядом с братом. Бедный Ивон зарылся с головой в простыни. Так он ничего не видел. Но мертвый оседлал его, он сжимал ему бока своими острыми коленями. Это была страшная мука. Брат хотел кричать, но не мог, ему не хватало дыхания. Из горла его рвался хрип, словно воздух из дырявого кузнечного меха.

Уверяю вас, если кто и благословил восход солнца наутро после этой ночи, то это был мой брат, Ивон Ле Флем.

На рассвете мы увидели, как он входит к нам в дом, с искаженным лицом, на котором лежала печать смерти. Когда он попытался заговорить, ему перехватило горло. Он только и сказал: «Больше я не буду ночевать в доме Наик».

— Как же, — ответил наш отец шутливым тоном, — раз начав, надо продолжать.

И тогда Ивон рассказал ему, что произошло. Добрый старик сделался серьезным.

— Это потому, что на твоем брачном контракте нет подписи Бога, — заключил он.

Брат вернулся в дом Наик только после того, как все было устроено, как надо. И лучше бы он не входил туда никогда!

Ночной крикун

Ноэль Гарле был поденщиком из Бегарда. Он жил в поселке, но каждое утро ездил работать на фермы, иногда весьма отдаленные, а возвращался почти всегда очень поздно.

Случалось ему, и не раз, слышать зов ночного крикуна, но издали, так что он с ним никогда не встречался. Однако, когда заходила о нем речь, он говорил, что был бы не прочь увидеть его поближе и понять, как это он устроен.

И вот однажды ночью, когда он возвращался после работы, проходя мимо какого-то пригорка, поросшего колючим кустарником, он услышал, как ночной крикун завыл прямо ему в ухо: «У-у... у-у-у...»

Ноэль Гарле посмотрел кругом, но никого не увидел. Он пошел дальше через кустарник, не издавая ни звука. Он знал, что нехорошо отвечать хоппер-нозу (ночному крикуну).

А тот, прокричав, умолк, явно ожидая ответа Ноэля.

Ноэль ускорил шаг. Он почти прошел через пустошь, как позади него, на пригорке, голос хоппер-ноза стал жалобно причитать: «Ма мамм, ма мамм!» («Матушка моя, матушка моя!»)

Казалось, что это крик покинутого ребенка. Этот крик взволновал Ноэля до глубины души. И на этот раз он не удержался и ответил:

— Как! Бюгель-ноз (ночное дитя), и у тебя тоже есть мать?

Ноэль Гарле произнес эти слова, не думая о плохом, только потому, что ему стало жалко бедное существо, зовущее мать.

Но как только он произнес это, он увидел, как рядом с ним стал все выше и выше подниматься человек — такого огромного роста, что, казалось, головой он уходил в облака. Человек этот наклонялся к Ноэлю, и Ноэль видел его лицо, искаженное, как у младенца, плачем, а во рту мелкие и белые как снег младенческие зубки.

Ноэлю Гарле стало очень страшно: на всякий случай он перекрестился.

Гигантское существо сразу же исчезло, но сзади, в кустарнике, тот же голос — голос брошенного ребенка — залепетал:

— Да, да, да, да, и у меня тоже есть мама. У меня есть мама, как и у тебя!

Нельзя говорить плохо о мертвых

Один мельник из окрестностей Конкарно сказал обидные слова об одном умершем. И вот однажды, когда мельник точил свои жернова, внезапно перед ним появился этот

покойник:

— Ты плохо говорил обо мне, мельник, мучной вор. Ты должен искупить свою несправедливость.

Мельник решил, что он может успокоить его, предложив ему хороший ужин.

— Согласен, — сказал тот, — но хватит ли у тебя хлеба, чтобы я наелся досыта?

— Я потрачу столько муки, сколько нужно, — ответил мельник.

И он приказал испечь двенадцать огромных хлебов. В назначенный час явился покойник и сел за стол, заставленный едой, рядом с мельником и его женой. Но он отказался от приготовленных блюд.

— В моем положении, единственная еда — это хлеб, — заявил он.

Ему подали первый каравай; он проглотил его в мгновение ока. То же самое было со вторым, третьим... Не прошло и пяти минут, как начался ужин, а уже оставалось всего два каравая.

— Господи Иисусе! — вскричала женщина. — Что он сделает с нами, когда и эти исчезнут?

В это мгновение служанку, которая их обслуживала, к счастью, осенило: готовясь нарезать одиннадцатый хлеб, она трижды перекрестила его ножом. Мертвец тотчас же вскочил со своего места и бросился к выходу, на пороге он обернулся и крикнул мельнику:

— Тебе повезло! Не будь этих трех крестных знамений, я научил бы тебя уважать мертвых.

Больше его никогда не видели.

Та, что стирала по ночам

Фанта Лезульк’х из Сен-Тремера, чтобы заработать несколько су, нанималась на поденную работу к окрестным фермерам. А потому своим хозяйством она могла заниматься только по вечерам. И вот одним таким вечером, вернувшись домой, она сказала себе: «Сегодня суббота, завтра воскресенье. Надо выстирать рубашки мужу и детям. Они успеют высохнуть к утренней мессе, ночь обещает быть теплой и ясной».

И в самом деле луна сияла ярко.

И Фанта взяла белье и отправилась стирать его на реку. И давай его намыливать, тереть, бить, засучив рукава. Стук ее валька отдавался вдалеке, в ночной тишине, усиленный эхом: «Плик! Плак! Плок!»

Она вся ушла в свою работу. Что бы она ни делала, она всегда так работала — без остановки, не покладая рук. Поэтому она и не заметила, что пришла еще одна прачка.

Это была худенькая женщина, гибкая, как козочка, а на голове она несла огромный узел белья, и так легко, словно это был тюк с пером.

— Фанта Лезульк’х, — сказала она, — для тебя существует день, ты не должна занимать мое место ночью.

Фанта, которая думала, что она здесь одна, вздрогнула от неожиданности и сначала даже не нашлась что ответить. Она только пробормотала:

— Но мне все равно, где стирать, я могу вам уступить это место, если вам оно нравится.

— Да нет, — ответила только что пришедшая женщина, — это я шутки ради так сказала. Я не хочу тебе причинять неудобства, наоборот. Я готова тебе помочь, если ты согласна.

Фанта Лезульк’х, успокоенная этим словами, ответила Мауэз-ноз — Ночной женщине:

— По правде, не отказалась бы. Да только мне неловко пользоваться вашей помощью, у вас белья, кажется, больше, чем у меня.

— О, я не спешу.

И Ночная женщина бросает свой узел, и уже вдвоем они давай намыливать, тереть,

отбивать — с одинаковым рвением.

Не прерывая работы, они разговорились.

— Нелегкая у вас жизнь, Фанта Лезульк’х?

— Да, можно так сказать. Особенно сейчас. От утреннего «Анжелюса» и до поздней ночи — в поле. И так будет до конца августа. Смотрите, скоро десять, а я еще и не ужинала.

— Так знаете что, Фанта Лезульк’х, — сказала незнакомка, — пойдите домой и поешьте спокойно. Вы и третьего глотка не сделаете, как я вам принесу ваше белье, выстиранное как полагается.

— Воистину вы добрая душа, — ответила Фанта. И она мигом побежала к дому.

— Уже?! — воскликнул ее муж, увидев, как она входит. — Как ты быстро.

— Да, спасибо одной удачной встрече.

И она рассказала мужу, что с ней было на реке.

Муж слушал ее, лежа на кровати, докуривая свою трубку. С первых же слов Фанты лицо его приняло озабоченное выражение.

— О, — произнес он, когда она закончила, — и это ты называешь удачной встречей? Боже тебя сохрани от таких встреч! Ты не подумала, кто эта женщина?

— Сначала я немного испугалась, а потом быстро успокоилась.

— Несчастная! Ты приняла помощь Мауэз-ноз!

— Господи, мой Боже! У меня была такая мысль... А что теперь делать? Она сейчас принесет белье.

— Заканчивай ужинать, — ответил муж, — потом аккуратно разложи все кухонные принадлежности у очага. Главное, повесь на свое место таган. Затем вымети дом, но так, чтобы в воздухе не осталось пыли, переверни метлу и поставь в угол. Потом вымой ноги, брызни этой водой на ступени перед порогом и ложись спать. Только делай все быстро.

Фанта Лезульк’х поспешила послушаться. Она выполнила пункт за пунктом все указания мужа. Таган занял место на своем крюке, пол был выметен даже под мебелью, метла перевернута ручкой вниз, вода, которой Фанта вымыла ноги, разлита по входным ступеням.

— Все, — проговорила Фанта, запрыгнув в банк-тоссель, не раздеваясь и укрывшись одеялом.

И в это мгновение Ночная женщина постучала в дверь.

— Фанта Лезульк’х, откройте! Это я, я принесла вам ваше белье.

Фанта и ее муж затаились.

Через секунду Ночная женщина в третий раз попросила открыть ей дверь.

Та же тишина внутри дома.

И тут снаружи донесся шум поднявшегося вихря. Это разгневалась Мауэз-ноз.

— Раз христианин мне не открывает, — проревел разъяренный голос, — ты, таган, открой мне дверь!

— Я не могу, я подвешен к моему крюку! — ответил таган.

— Тогда ты, метла!

— Я не могу, меня поставили вниз головой.

— Тогда ты, вода от вымытых ног!

— Увы, посмотри, от меня осталось лишь несколько капель на ступеньках!

И сразу стих ветер. Фанта Лезульк’х услышала, как гневный голос, уходит все дальше и дальше, ворча:

— Разыграли спектакль! Она может поздравить себя с тем, что нашла кого-то поученее, чем она, чтобы он преподал ей этот урок.

Три женщины

Я слышала этот рассказ от одного угольщика из Аргоата[46]. Он ходил из села в село, как все угольщики, продавая уголь тем, кто хотел его купить. У нас он останавливался регулярно; ему предлагали ужин и ночлег. А он, в свою очередь, рассказывал нам о своих приключениях. Бывало так, что ночь настигала его в пути, вдали от жилья. И редко в таких случаях обходилось без чего-нибудь необыкновенного.

Ночью, о которой я вам рассказывала, он оказался на песчаной равнине в Понмельвезе. Настоящая пустыня. Два лье плоскогорья без единого дерева. Ни одного склона, чтобы защититься от ветра. И вот именно той ночью ветер был дьявольский, с гор, резкий и ни на минуту не ослабевающий, который щиплет кожу до крови. Темно, хоть глаза выколи. И в довершение всех несчастий порывом ветра задуло фонарь угольщика. Он вел свою лошадь за узду, вслепую. Была бы это обычная дорога, он узнавал бы ее по канавам вдоль обочин. На этой же словно выбритой ланде он продвигался, честно сказать, только по милости Божьей.

Очень он сожалел в эти минуты, что задержался в Понмельвезе, чтобы выпить там с каменщиками, строившими новую церковь. Прибавьте к этому, что он не успел поужинать и теперь его желудок просил еды.

— Честное слово, — говорил он себе, — я охотно отдал бы два-три мешка угля за охапку соломы под любой крышей и за кусок любого хлеба.

И вдруг Бог будто услышал его молитвы. Недалеко впереди он увидел мерцающий свет — видимо, какое-то жилье. «Торговец черным хлебом» пошел прямо на него. И вскоре он оказался перед жалкой хижиной, крытой дроком, спускавшимся почти до земли.

— Эй! — крикнул он. — Откройте христианину ради Иисуса Христа, Пречистой Матери и всех святых Бретани!

Трижды он повторил свою просьбу. Трижды никто на нее не ответил.

— Однако, — подумал угольщик, — там, где горит свет, должна же быть хоть одна душа, живая или мертвая.

И, оставив перед хижиной лошадь и повозку, он пошел в обход жилища, стараясь отыскать дверь.

Он нашел ее в конце концов.

Это была мягкая соломенная решетка вроде тех, которыми закрывают чуланы саботьеров[47].

Угольщик потянул ее к себе и вошел.

Внутри — пустота: ни мебели, ни ларя, ни даже кровати. Но был тем не менее очаг, а в очаге горел слабый огонь, и на его бледном пламени грелась сковорода, и на этой сковороде женщина с мертвенно-бледным лицом пекла блины.

— Вашему огню не помешало бы подкрепиться, — произнес угольщик вместо приветствия. — Если бы вы согласились приютить меня до утра, я подарил бы вам мешок угля — такого сухою угля, что он загорится мигом, как пакля.

— Мне хватает моего огня, — ответила женщина, не оборачиваясь.

«Не очень любезный прием, — сказал про себя угольщик, — но, пока меня не выставят вон, клянусь, я останусь».

И он сел на землю у очага.

Женщина продолжала печь блины, не подавая и виду, что заметила его присутствие. Допекая блин, она выкладывала его лопаткой на блюдо, стоявшее рядом.

Но странная вещь! Угольщик заметил, что блюдо все время оставалось пустым, словно блины испарялись один за другим.

«О-о-о! — прошептал он про себя. — Тут что-то не так. Поостережемся!»

Он уже начал набивать трубку, но тут он быстро сунул ее в карман куртки из козьей

---

46 Аргоат — «Лесной край», лесной массив в центре Бретани.

47 Саботьер (sabotier, *фр.)* — мастер, изготовляющий сабо, бретонские деревянные башмаки.

кожи и стал осматриваться вокруг. И тогда он увидел, что в хижине находились еще две женщины. Одна из них была занята тем, что заглатывала кость, которая сразу же выходила у нее через затылок; другая пересчитывала деньги, без конца ошибалась и начинала считать сначала.

Теперь угольщик предпочел бы снова оказаться на равнине, какой бы сильный ветер там ни дул. Но он боялся шевельнуться, чтобы не случилось беды, и сидел, затаившись, ожидая с нетерпением рассвета и первого пения петухов, чтобы поскорее унести отсюда ноги.

Когда уже в сотый раз он ругал себя за то, что ему вздумалось забраться в это логово колдуний, женщина, которая пекла блины, обернулась к нему и сказала:

— Если хотите, угощайтесь!

— Спасибо, — ответил он, — я не голоден.

Тогда та, что глотала кость, устремилась к нему и произнесла:

— Может быть, вы предпочитаете мясо? Угощайтесь!

— Спасибо, — ответил он снова, — я сыт.

Та, что считала деньги, тоже подошла к нему:

— Возьмите хотя бы деньги, чтобы покрыть ваши расходы на дорогу.

— Не нужно, — ответил угольщик, — мой уголь покрывает все, что я пью и что я ем.

И только он высказал все это, как исчезли и женщины, и хижина. Угольщик очутился на пустынной равнине — один со своей лошаденкой, которая брела мимо молодых побегов тростника рядом с ним. За горами Арре начинало светать. Угольщик увидел, что он сильно отклонился от главной дороги. Он собирался вернуться на нее, поворачивая вправо, как вдруг перед ним возник длиннобородый старик с располагающим и внушающим почтение лицом.

— Угольщик, — обратился к нему старик, — ты повел себя как умный человек.

— Вы что же, знаете, что со мной произошло?

— Я знаю все, что произошло, происходит и произойдет.

— Раз вы все знаете, не можете ли вы сказать мне, кто эти три женщины?

— Все три были порочными женщинами при жизни.

Первая пекла блины всегда только по воскресеньям.

Вторая раздавая еду во время трапезы, оставляла все мясо себе, а людям давала только кости.

Третья обсчитывала каждого, чтобы накопить побольше денег.

Ты только что присутствовал при наказании, которое они несут в вечности.

Ты не взял от них ни блинов, ни мяса, ни денег. Ты сделал правильно. Если бы ты поступил иначе, ты бы не только не спас их, но и сам был бы осужден до скончания времен есть блины, которые пекла одна, грызть кость, которую глотала другая, и пересчитывать деньги вместе с третьей.

Огненный кнут

Это чистая правда: я знаю это от своего деда.

Он жил в то время в приходе Каван, он там взял в аренду земли вдовы прежнего мэра — ее звали Перин Жегу. Если бы Богу было угодно, чтобы никогда не подписывал он этот арендный договор! Он бы избавил от неприятностей и себя, и нас, своих внуков, и, может быть, не были бы мы теперь такими бедняками, без гроша в кармане.

Владелица этих земель в Керамене была женщиной жадной, самой скаредной и самой безжалостной из всех тех, кого сохранила человеческая память под этим благословенным солнцем. Она остригла бы коров и продала бы их шерсть, если нашелся бы на нее покупатель. Я уверена, что она пересчитала даже листья на деревьях, что росли по краям ее полей. И вот случилось так, что старую сухую ветку полусгнившего дуба сломало ветром, и

мой дед велел своей жене растопить ею огонь в очаге — ветка лишь на это и годилась. Не такой уж большой грех, не правда ли? Так вот! Владелица подала на него за это в суд и заставила судей выслушать из уст своего адвоката, что дед не только сжег дерево, не имея на то никакого права, но что он, несомненно, и ветру помог его сломать.

Правосудие, как вы знаете, существует только для богатых: деду присудили значительное возмещение убытков; и он еще должен был почитать за счастье, как говорили эти господа судейские, что его избавили от тюрьмы. Это в Ланньоне с ним так обошлись. Он вернулся домой разбитый горем. У бабушки было несколько сэкономленных экю, которые она бережно хранила за стопкой белья в шкафу. Увы! Это была всего лишь пятая часть расходов по процессу, которые надо было покрыть. Дед совсем пал духом. Он сидел в уголке на кухне, и его старуха сказала ему, чтобы подбодрить:

— Не отчаивайся так, Йанн!.. Я пойду к хозяйке. Или у этой женщины каменное сердце, или я все-таки смягчу ее своими мольбами и она хотя бы даст нам отсрочку.

— Поступай, как хочешь, — ответил бедняга, — только что до надежды смягчить сердце этой женщины, то, думаю, ты скорее сотрешь своими слезами каменные ступени нашего крыльца.

Через полчаса бабушка возвратилась: она села перед мужем, с другой стороны от очага, закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Ты еще не знаешь, Йанн, — простонала она наконец, когда смогла заговорить, — она собирается наложить арест на наше имущество.

— Я ждал этого, — коротко ответил дед.

Всю ночь они не сомкнули глаз, ни он, ни она: они видели, как уходили с торгов их лошади, их коровы, их поросята и вся их небогатая недвижимость.

На следующее утро первое, что они услышали, был грохот кабриолета судебного исполнителя, въезжавшего во двор. А в следующее воскресенье, после вечерни, по постановлению суда в Керамене состоялась распродажа. Вы, наверное, думаете, осмелилась ли вдова Жегу прийти туда? Более того, она была в первых рядах, покупая по бросовой цене все, что другие не захотели приобрести.

Уже ничего не оставалось в продаже, даже последней солонки, и уже аукционист собирался закрыть торги, когда эта мегера заметила висевший на гвозде забытый кнут. Она закричала:

— Минуточку, извините! Еще остается кнут!

— Да, это так, — сказал мой дед, до этого не открывший рта, — надеюсь, что никто его у вас не оспорит. Забирайте же его, и пусть он станет орудием вашего наказания и в этом мире, и в том!

Без всякого смущения она схватила кнут и прошипела:

— Деньги есть деньги.

Вечером, лежа в постели, которую закон им оставил, дед сказал бабушке:

— Мы разорены, но этот кнут отомстит за нас.

И действительно, с этого дня Перин Жегу больше не знала покоя. По ночам она просыпалась от жгучей боли, словно ее тело стегал горячий ремень. От ужаса она совсем обезумела. Бросала в огонь проклятый кнут, сжигая его в пепел, думая, что так она обретет спокойствие. Но муки ее становились только сильнее. Не прошло и месяца, как ее понесли на кладбище. А ночью после того дня, когда ее положили в могилу, ее домочадцев разбудил шум безумной беготни и громкие крики. Все повскакали с кроватей, чтобы посмотреть. Да, это была мертвая, она бегала, бегала вокруг жилища и служб, испуская ужасные вопли. Огненный кнут охватывал ее шею, она тщетно пыталась избавиться от него и кричала душераздирающим голосом:

— Снимите с меня кнут, снимите кнут!

Ее тело дымилось. Это было страшно! Естественно, никто не осмеливался приблизиться к ней. Следующей ночью она появилась снова, и следующей тоже, и все последующие ночи, пока не наступило новолуние. В тот вечер видели, как она бросилась в

колодец; вода из него еще долго сохраняла привкус серы.

ГЛАВА XX
АД

Адская дорога — большая, широкая и содержится всегда в полном порядке; она всегда готова принять путника. Вдоль нее стоит девяносто девять постоялых дворов, в каждом можно остановиться на сто лет. Любезные и хорошенькие служанки, какие бывают только у дьявола, наливают всякие ликеры, которые становятся все вкуснее и ароматнее, чем ближе ад. Если путник сумеет устоять, не пьет без удержу и к последнему постоялому двору приходит трезвым, он может вернуться обратно: ад больше не имеет на него прав. Но в противном случае его вталкивают в кабак, где вместо освежающих напитков его ждет ужасная смесь крови ужа с кровью жабы. Отныне он принадлежит дьяволу, и все кончено.

* * *

Тот, кто хочет продать душу дьяволу, должен встретиться с ним ночью:

или на кладбище, где только что выкопали новую могильную яму (их обычно выкапывают накануне похорон);

или на перекрестке трех дорог;

или в поле о трех углах;

или в разрушенной часовне, где больше не служат мессы и где в алтаре нет престола.

* * *

В Трегоре есть такая поговорка: *«An diaoul zo eun dun honest? Na c'houll man evit man»* («Дьявол — человек честный: он ничего не требует даром»).

* * *

Имена дьявола:

Поль; Полик (уменьшительное от предыдущего); Поль гоз (старик Поль); Тонтон Жан Поль (в районе мыса Сизён); Ар Потр брав (Красавчик); Ар Марк'хадур глау (Продавец угля); Сатан гоз (Старый Сатана); Потр ху дрейд Марк'х (Парень с копытами); Ар Потр Руз (Рыжий); Ар принс ру (Рыжий Принц); Лукатан; Лукас коз (Старый Лукас); Ан Эруан (Царь-змей); Корник (Рогатый); Потр хе ивино уарн (Человек с железными когтями).

* * *

В Леоне, когда бывает буря, говорят, что это дьявол уносит свою жертву.

* * *

Дьявол никогда не спит, и для него ночи — это дни. Поэтому, когда с ним заключают договор, он может потребовать его исполнения, когда этого еще не ждут: шесть месяцев — и дни, и ночи — для дьявола — это год.

Глауд-ар-Сканв

Знавал я в Дюо одного бойкого молодчика, которого звали Глауд-ар-Сканв (Клод Гуляка). Он слыл почти язычником, мессе в церкви предпочитал «службу» в кабаке и не

молился ни утром, ни вечером. В округе над ним шутили: «Когда Клод Гуляка ложится спать, шляпу он снимает последней».

Однажды вечером, когда он был пьян и ругался на чем свет стоит, он что-то не поделил с дьяволом. Полик явился за ним, подхватил его сзади себя на лошадь и утащил в ад.

Старуха-мать Глауда была в отчаянии. Она любила своего сына, который с нею вел себя порядочно, и к тому же она была его единственной опорой. Она пустилась искать его по горам и долинам. Но напрасно стучалась она во все кабаки, какие были на шесть лье по округе, — никто не видел Глауда-ар-Сканва. Бедная женщина, отчаявшись, решила обратиться к Богоматери Локету, в Локарне, которую считают всемогущей в этой области. Один только святой Серве пользуется такой же милостью у Господа Бога.

— Только что же могу я предложить Богоматери Локету, — сказала себе старая Маарита, мать Глауда, — чтобы заслужить ее благосклонность?

Она обошла дом, ища глазами какой-нибудь предмет, который мог бы понравиться Святой Деве Локарнской. Увы! Это был дом бедняка, где стояли только жалкая кровать, сундук, две скамьи и колченогий стол. Богоматерь Локарнская имела кое-что получше.

И Маарита задумалась.

— Да что же это я! — закричала она внезапно, хлопнув себя по лбу. — У меня же еще есть моя телка!

И она побежала в хлев.

Там стояла телка — хорошенькая телочка, рыжая с белыми пятнашками, которую Маарита купила на последней ярмарке в Бре на с трудом сэкономленные деньги. Маарита тихонько окликнула ее:

— Коантик, иди ко мне, иди, моя маленькая!..

И телочка подошла к ней, полагая, что хозяйка, как всегда утром, даст ей корму.

Маарита накинула ей на шею веревку и повела ее по дороге в сторону Локарна. Представляете, каким горем была для нее эта разлука с Коантик. Вот как любила она своего шалопая-сына и как сильно хотела его вернуть!

Она вошла вместе со своей телочкой в часовню и, привязав ее к алтарной преграде, сказала Богоматери:

— Богородица моя Локету, вот это Коантик, моя телочка. Если Господь ее сохранит, она скоро станет доброй коровой. Я отдаю ее вам, как бы дорого мне это ни стоило, и прошу, чтобы вашим заступничеством через восемь дней мой сын возвратился к своему хозяину, владельцу фермы Керберенес.

После чего Маарита пять раз прочла «Отче наш», пять раз «Богородицу» и пошла в Дюо, оставив жалобно мычавшую Коантик Богоматери Локету.

Восемь дней спустя, когда люди Керберенеса ели свою вечернюю похлебку во дворе фермы, они увидели перед собою человека с обожженной кожей, которая ужасно пахла паленым. Сначала они его не узнали. Но он поздоровался с фермером, назвав его по имени. И сразу разразился общий хохот.

— Да это же Глауд-ар-Сканв! Глауд-ар-Сканв!

Не смеялся только Глауд.

— Бери свою ложку, — сказал ему хозяин Керберенеса, — ты поспел прямо к ужину. За похлебкой расскажешь нам, откуда ты пришел.

— Откуда я пришел? — ответил Глауд-ар-Сканв. — Оттуда, куда не пожелаю попасть вам, — из ада! Если бы не моя матушка — отважная женщина, я бы и сейчас еще был там.

С этой минуты никто больше не сделал и глотка. Все окружили Глауда, трогали его одежду, руки, лицо. Подумать только! Человек живым вернулся из ада!

Тут же сообщили Маарите. Она прибежала так быстро, как позволили ей ее семидесятилетние ноги. Глауд горячо обнял ее и поклялся, что с этой минуты будет жить по-христиански, почитая Господа и всех святых, а особенно — Святую Деву Локету. Трогательная это была сцена, все плакали.

Этой ночью никто не спал в Керберенесе.

Глауд-ар-Сканв рассказал о своем путешествии. Он встретил в аду людей из своего прихода, которые поведали ему о своих муках. Самое жуткое, что он видел, это были люди, тела которых чесали, как паклю, гребнем с острыми раскаленными зубьями. Рассказ Глауда длился несколько ночей. Один местный стихотворец из этих рассказов сложил плач. Несмотря на все мои поиски, я так и не смог его раздобыть.

Лошадь дьявола

Жан-Рене Кюзон возвращался однажды ночью с ярмарки в Ландерно. Дорога из Ландерно в Фау длинная. Жан-Рене шел и посвистывал, чтобы и ноги шли бодрее, и самому было бы веселее.

— Славно свистишь! — услышал он вдруг голос за спиной.

Жан-Рене обернулся и увидел человека на лошади, ехавшего медленным шагом.

— Ты куда направляешься? — спросил человек, поравнявшись с Жаном-Рене.

— В Фау.

— Я в ту же сторону. Поедем вместе.

И он поехал рядом.

— Ваша лошадь ступает так тихо, — заметил Жан- Рене, — можно подумать, что она не подкована.

— Она просто еще очень молода, у нее нежные копыта.

Разговор продолжался дружески.

Они поговорили о жителях Фау. Человек, казалось, знал всех и в городе, и в округе, от самого богатого до последнего бедняка. О каждом он рассказывал всякие чудные истории. «Такой-то пьяница... такой-то скупердяй... этот бьет свою жену... другой — рогоносец... тот — ревнивец...» И, называя каждое имя, он рассказывал какую-нибудь историю, подтверждающую его слова. Нескучный был попутчик. Жан-Рене благодарил ангелов, что он его встретил.

Судача таким образом, они добрались До поворота с дороги на городскую улицу.

— Мне нужно здесь задержаться, — сказал всадник, — я должен выполнить поручение вон в том замке, за деревьями. Не будешь ли ты так добр подержать мою лошадь, пока я там буду? Я вернусь через несколько минут.

— Охотно. Но только я боюсь, что вы зря туда идете. Навряд ли там кто-нибудь на ногах в такой поздний час.

— О нет! Меня ждут.

— Ну тогда идите.

— Будь осторожен, не упусти лошадь.

— Не бойтесь, я справлялся и с более ретивыми конями.

Всадник спрыгнул на землю, взял мешок, притороченный к седлу, и пошел по улице.

А Жан-Рене намотал уздечку на руку и для надежности крепко взял лошадь за гриву.

— Христианин! Христианин! — вздохнула лошадь. — Ты делаешь мне больно. Пожалей, не тяни меня так за гриву!

Жан-Рене от изумления вскрикнул:

— Как, теперь и лошади начинают разговаривать!

— Это я сейчас лошадь!.. Но при жизни я была женщиной. Посмотри на мои ноги и увидишь.

Жан-Рене взглянул и действительно увидел, что ноги лошади были человеческими — хорошенькие, изящные ножки, как у молодой женщины.

— Господи Иисусе! — охнул он. — Что же это за человек ездит на тебе?

— Это не человек, это дьявол!

— О-о-о!..

— Он остановился здесь, чтобы пойти в замок и забрать душу девушки, которая только

что скончалась. В эту минуту он кладет ее в тот мешок, который — видел? — он взял, и сейчас он потащит ее в ад. И ты можешь дождаться той же участи, если не исчезнешь отсюда, пока он не вернулся к нам...

Жан-Рене не стал ее слушать дальше. Он уже мчался по направлению к Фау и прибежал туда задыхаясь. Три дня он не мог говорить. И только на четвертый нашел в себе силы, чтобы рассказать близким о своем приключении.

Жан-Золото

Жил один человек, у которого в сердце была одна страсть — богатство. За это его прозвали Жан-Золото. Был он крестьянином, хлеборобом, работал день и ночь с одной только целью накопить через какое- то время полный сундук шестифранковых экю. Но напрасно он надрывался в поту, это время не приходило и не приходило. Нижняя Бретань, как вы знаете, кормит своих жителей, но не делает их богатыми. И Жан-Золото решился оставить эту скудную землю. Он слыхивал о других чудесных краях, где, как рассказывали, только поскреби слегка ногтем, и откроешь настоящие золотые залежи. Правда, находятся эти края на другом конце Божьего мира, в обители дьявола. Жан-Золото был крещеный, как вы и я, и совсем не стремился попасть в лапы сатаны. Но его страсть к деньгам была такой сильной, что он таки отправился в дорогу. «Ведь никто же не доказал, — говорил он себе, — что эти золотые залежи — собственность дьявола. Так говорят только для того, чтобы отпугнуть простаков, которые вздумали бы завладеть кладом. Когда Господь разделил мир между собою и сатаной, не был же он столь глуп, чтобы отдать своему смертельному врагу такую драгоценность».

Жан-Золото, как видите, судил о Боге по себе.

Решив так, он сказал себе: «В любом случае надо сходить туда. По крайней мере, буду знать, чем дело обернется. Если это опасно, всегда не поздно вернуться».

И вот он, отмеряя лье за лье, скоро добрался до черты, которая отделяет мир Божий и мир дьявола.

Он встал на колени по эту сторону черты и давай скрести землю.

Но только ободрал в кровь ногти о камни — такие же твердые и такие же ничего не стоящие, как и в Нижней Бретани.

— Черт побери, — выругался он, — и стоило шагать ради этого так долго. Хотел бы я знать, вправду ли дьявол богаче Бога. Я только посмотрю, а трогать не буду.

Он перешагнул черту, опустился на колени и снова начал скрести. Здесь земля была мягкой, как песок. И только он запустил туда руки, как сразу вытащил камешек величиной с куриное яйцо — камешек чистого золота, прекрасного золота, сияющего, как пламя. Потом второй камень, величиной с точило, потом третий — широкий, как мельничный жернов. Этот Жан-Золото даже не мог приподнять; и уж тем более те, которые он стал откапывать потом, — целые плиты из золота.

— Вот это здорово! — кричал он, расчищая эти сокровища. — И как же я буду богат, если унесу отсюда только десятую часть всего этого!

И тут он вспомнил, что дал себе зарок ничего не брать.

«А! — сказал он себе, охваченный жадностью, — Я только положу этот в карман, а этот за пазуху. Ничего не случится. Дьявол даже не заметит».

Он опустил в карман камешек величиной с яйцо, а за пазуху тот, что был величиной с точило.

Он уже убегал, как перед ним возник, как вы догадываетесь, Полик.

Надо вам сказать, что как раз в этот день сатана объезжал свои владения. Он видел, как пришел Жан-Золото, и следил за всеми его движениями, спрятавшись за кустом.

— Эй, эй! Приятель, — насмешливо окликнул он Жана, — разве так уходят, даже не пожелав доброй ночи тем, кого обворовали.

Жан-Золото готов был провалиться сквозь землю. Но он даже и подумать не мог, чтобы убежать. Сатана крепко держал его за плечо, и его рука была страшно тяжелой и горячей, словно из раскаленного железа. Жан-Золото кричал, пытался вырваться, умолял. Но у дьявола кулак тяжелый, а сердце из брони.

— Без глупостей, следуй за мной!

Сатана свистнул своей лошади, которая ждала рядом, оседлал ее, бросил Жана поперек седла, словно простой куль с углем, и... айда!

Жан-Золото спросил жалобным голосом:

— Что сделаете со мною, господин дьявол?

И дьявол отвечал:

— Тело твое будет зажарено на ужин моим слугам, а кости — высушены и отданы в пищу моим лошадям.

У бедного Жана-Золото совсем упало сердце.

Они прибыли в ад.

Перед входом какой-то демон бросился к сатане и сказал ему:

— Хозяин, слугу на конюшне сожрали звери.

— Проклятье! — воскликнул дьявол таким страшным голосом, что в бассейне с кипящей смолой, находившемся неподалеку, как карпы в пруду, начали подпрыгивать осужденные, отчаянно крича.

Но внезапно дьявол утих. Взгляд его остановился на Жане-Золото, которого он только что сбросил на землю, — Жан сидел на корточках и стонал, закрыв лицо руками.

— Вставай, негодяй, — сказал он ему, — подойди ко мне!

Жан-Золото повиновался с угрюмым видом.

— Слушай, тебе повезло. До нового распоряжения твое тело не будет зажарено, а кости высушены. Но не воображай, что я тебя здесь буду держать без дела. Вот в чем будет твоя работа. У меня три лошади в конюшне, включая эту, на которой я ездил сейчас. Будешь ухаживать за ними. Каждое утро будешь их чистить скребницей, мыть, расчесывать им гривы и кормить сушеными костями вместо сена. Старайся, работа должна быть сделана тщательно, иначе ты знаешь, что тебя ждет.

Не очень-то было лестно Жану-Золото стать слугой на конюшне дьявола. Но выбирать не приходилось, и лучше уж было ходить за лошадьми, чем стать их едой.

Первые две недели все шло хорошо. Жан-Золото не щадил своих сил, стараясь угодить своему страшному хозяину.

Но наступил вечер, когда он, растянувшись на своей кровати, в углу конюшни, прежде чем заснуть, долго оплакивал свою участь и тосковал о Бретани. Как он теперь раскаивался в своей жадности!

Однажды ночью, когда он крутился так на своем соломенном ложе, он почувствовал на лице горячее дыхание: это была одна из лошадей, она отвязалась и тянула свою морду к Жану-Золото.

«Что от меня нужно этой несчастной скотине?» — подумал он, эта была как раз та верховая лошадь, на которой его привезли в это проклятое место.

Он уже собирался хлестнуть ее кнутом, как она вдруг заговорила:

— Не шуми, чтобы не разбудить других лошадей. Я подошла к тебе в твоих же интересах. Скажи, Жан-Золото, тебе нравится здесь?

— Господи, конечно нет!

— Значит, мы с тобой думаем одинаково. И я хотела бы вернуться в благословенные земли, ведь я тоже христианка, как ты.

— Но как же мы уедем отсюда?

— Это моя забота. Я предупрежу тебя, когда настанет час. А пока давай мне двойную порцию корма каждый день, и не сушеных костей, а сена и овса. Мне надо набраться сил для дальней дороги.

С этой ночи Жан-Золото особенно заботился об этой лошади.

Несколько недель протекли, не принеся ничего нового.

Но однажды утром лошадь сказала Жану-Золото:

— Час настал. Я только что видела сатану, он пошел на прогулку пешком. Седлай же меня хорошенько, садись и — в путь. Возьмешь с собой только ведро для воды, скребок и гребень.

И вот они уже на пути в святые земли.

Лошадь мчалась галопом целый день. Наступил вечер. Лошадь повернула голову и сказала Жану-Золото:

— В эту минуту дьявол вернулся домой. Он уже знает о нашем бегстве. Обернись, ты ничего не замечаешь?

— Нет, — ответил Жан-Золото.

И лошадь продолжила свой бег.

Наступила ночь, но было светло. Лошадь попросила снова:

— Посмотри назад. Ничего не видно?

— Видно, — ответил Жан-Золото, — теперь я вижу дьявола, он быстро приближается.

— Бросай же ведро, — сказала лошадь.

И едва ведро прикоснулось к земле, как из него вырвался поток. Он тут же превратился в реку, а река — в громадное озеро.

Дьявол боится воды. И вместо того чтобы пересечь озеро, он пустился в обход. Наши беглецы выиграли на этом время.

Через час или два лошадь снова спросила:

— Жан-Золото, ты ничего не видишь?

— Да, — отвечал Жан-Золото, — дьявол обошел озеро.

— Теперь бросай гребень, — скомандовала лошадь.

Едва гребень коснулся земли, как каждый ее зубец стал гигантским деревом, и дьявол оказался перед непроходимой чащей. И прежде чем он сумел продраться через нее, Жан-Золото и его лошадь ускакали на большое расстояние.

Через час или два лошадь в третий раз окликнула своего всадника:

— Видишь что-нибудь?

— Вижу дьявола, он выходит из леса, он спешит, он близко.

— Брось скребок.

И едва скребок долетел до земли, как на месте, куда он упал, поднялась высокая гора, в двадцать раз выше, чем Менез-Микел[48]. А в ширину еще больше, чем в высоту. Дьявол решил не обходить ее и стал на нее карабкаться.

Все это время лошадь мчалась как ветер. Уже виднелась святая земля, зеленеющая вдали, с ее полями, лугами, равнинами.

— Жан-Золото, Жан-Золото, — спрашивала, задыхаясь, лошадь, — дьявол все еще гонится за нами?

— Он спускается с горы, — отвечал Жан-Золото.

— Теперь проси Бога, чтобы Он нам помог, больше спасения ждать неоткуда.

Сатана уже мчался по их пятам. Он уже почти настиг их, когда лошадь сделала последний рывок — рывок отчаяния. Ее передние ноги коснулись святой земли ровно в то мгновение, когда дьявол схватил ее за хвост. Но все, что он смог унести к себе, был лишь клок шерсти. Лошадь, приняв человеческий облик, сказала Жану-Золото:

— Здесь мы расстанемся. Я иду в чистилище, а ты возвращайся в Нижнюю Бретань и больше не греши.

Жан-Золото возвратился в Нижнюю Бретань, счастливый тем, что вывел душу из ада, а еще больше тем, что вышел оттуда сам, и полный решимости сделать все возможное, чтобы туда больше не возвращаться — ни при жизни, ни после смерти.

---

[48] Менез-Микел — одна из вершин Аррейских гор, часть Армориканского массива.

Адский танец

Если вам угодно меня послушать, я спою вам простую песню, которую сложил молодой крестьянин из города Трегье.

Ее сложил молодой крестьянин, в ночь на праздник Королей — на Богоявление — в ожидании рассвета — скучно ему было лежать в постели.

Он думал о том, что вот подходит праздник и вся молодежь пойдет на пристань плясать.

Все в нарядных одеждах, в дорогих украшениях, — а их отцам и матерям так тяжело живется.

Все в кружевных чепцах, с рукавами, расшитыми бархатом, — а их отцам и матерям приходится добывать свой хлеб.

Отцы-проповедники зря поднимаются на свои кафедры, чтобы отвратить молодежь от танцев.

Танцуйте, танцуйте же, молодые люди, танцуйте здесь, в этом мире!.. В ином мире вы тоже будете танцевать, только не так, как сейчас.

В аду приготовлен зал, прекрасный зал, для танцоров. Он весь утыкан железными шипами, во всю длину.

Они стоят так же тесно, как зубья в гребне, и такие же тоненькие, как усики цветов, а длиной не более кончика мизинца.

Они раскалены страшным огнем гнева Господня... Вы будете плясать на них без башмаков и без чулок...

Я не поведу вас ни в Париж, ни даже в Руан, чтобы показать вам зеркало, в котором вы могли бы увидеть себя без труда.

Я поведу вас не дальше чем в оссуарий, где покоятся мертвые. Как и им, нам тоже предстоит умереть.

Вот их голые черепа; черепа молодых, черепа старых; здесь они все вместе, глухие и немые, — и днем и ночью.

Они потеряли свои прекрасные украшения, свои розовые лица, свои белые руки... Их души... я не знаю, что с ними стало!.. На этом я умолкаю.

ГЛАВА XXI
РАЙ

Между землей и раем есть девяносто девять постоялых дворов. В каждом нужно сделать остановку. Если нечем заплатить за постой, приходится возвращаться на дорогу в ад.

Гостиница на полпути называется «Битекле».

Милосердный Господь свой обход совершает здесь раз в неделю, в субботу вечером. Он забирает с собой в рай тех посетителей, кто не слишком пьян.

Двое пьяниц

В «Битекле» хватает пьянчуг, которые там задерживаются дольше разумного. В их числе, как рассказывают, — Лор Керришар и Анн Тоэр (Иосиф Кровельщик), оба из Пенвенана. Уже пять лет, как они ушли, а все никак не пройдут «Битекле». При жизни они были добрые компаньоны, самые славные ребята в мире, но они выпили бы море, если бы в нем был сидр, а не соленая вода. Милосердный Господь не потребовал бы от них большего, чтобы приоткрыть им двери рая. К несчастью, всякий раз, когда он делал перекличку в «Битекле», стоило ему дойти до имен Лора Керришара и Анна Тоэра, как повторялась старая история. Язык у обоих молодцов так заплетался, что они были не способны ответить «Здесь!». Наутро они раскаивались, что опять пропустили свой случай. А чтобы утешиться, снова начинали пить. Это длится уже пять лет, и нет никаких оснований думать, что это закончится до Страшного суда.

* * *

Прежде чем попасть на небо, надо пройти через три ряда облаков: первый ряд — черный, второй — серый, третий ряд — белый как снег.

* * *

Святой, которому поручено препроводить душу, завершившую свое покаяние в чистилище, — это, по словам одних, святой Дени, а согласно другим — святой Матюрен.

* * *

Перед воротами в рай стоит святой Михаил. Ему доверена миссия взвешивать души и решать, могут ли они быть допущены. Вот почему в церквах его всегда изображают с весами.

Путешествие Йанника

Вы, наверное, знаете поместье Кербельвен. Это одна из самых старинных и самых красивых усадеб в приходе Пенвенан. Епископы Трегье сделали из него свою загородную резиденцию — это было в те времена, когда в Трегье были еще епископы. До того как это поместье стало епископским владением, оно принадлежало одному священнику, очень почитаемому в здешним краю. Звали его Дом Йанн. Он был последним потомком старинной благородной семьи, чье имя угасло вместе с ним. Он жил здесь, как дворянин и как человек святой. Его земли обрабатывали бедные крестьяне, и так он не давал им умереть с голоду — он дарил им почти весь урожай, который собирали в его поместье. А сам проводил дни в молитве в усадебной часовне, которая в наше время служит складом.

Как-то пришел к нему один бедняк и попросил его стать крестным его сыну.

— Охотно! — ответил святой человек и над крестильней дал ребенку свое имя — Йанн, или Жан.

Потом он приказал отнести матери новорожденного самое лучшее вино из своего подвала — сам он к вину не прикасался. На праздничном ужине после крещения он прочитал

«Бенедесите» («Benedecite»[49]) и ушел, сказав:

— Дитя, рождение которого мы сегодня празднуем, увидит вещи, пока еще скрытые от глаз христианина.

Ребенок этот вырос.

Когда пришло время его первого причастия, священник взял его к себе в Кербельвен, чтобы заняться его обучением. Он научил его служить мессу, и уже другого церковного служки ему было не нужно. Мальчик привязался к своему крестному всем сердцем. Каждое утро и каждый вечер он шел в Кербельвен, помогая Дому Йанну в его благочестивом служении и во всех его добрых делах.

Считается, что святые не доживают до старости. Они спешат возвратиться к Господу, а Господь спешит обрести их рядом с собою. Дом Йанн заболел и слег. Единственно, что он мог теперь сделать, — в хорошую погоду подняться после обеда, чтобы пойти помолиться в часовню. Он проделывал этот путь, опираясь на плечо своего крестника, Йанника. После молитв он просил провести его по аллее. Там росли столетние деревья, и среди них — каштан высотой в восемьдесят футов[50]. Священник любил сидеть в его тени, лицом к морю, синевшему вдали между Бюгелесом и Пор-Бланом. Он оставался там до вечерней прохлады, беседуя с Богом и перебирая, как листы книги, страницы своей совести, чтобы проверить, все ли долги оплачены.

Крестник присаживался рядом на земле у его ног, юношу раздирали два противоположных желания: сохранить своего крестного в этом мире и видеть, как тот наслаждается радостями, обещанными в другом мире избранникам.

Однажды после полудня, когда они вот так оба сидели под каштаном, Дом Йанн сказал Йаннику:

— Что ты думаешь обо мне, мой мальчик?

— Я думаю, что вы самый святой человек, который когда-либо был в христианском мире после апостолов.

— Но, однако, дитя мое, я совершил самый большой грех, какой только может совершить человек.

— Это невозможно, крестный!

— Это так, говорю тебе. В тот день, когда я был рукоположен, я дал обет совершить паломничество в Рим. И вот конец мой близок, а я так и не выполнил своего обета. То, что я не сделал при жизни, я буду принужден сделать после смерти. Вот так задержится мое вечное спасение. Это омрачает мои последние дни.

— Могу ли я облегчить ваше горе, крестный?

— Ты мог бы, если крепка твоя вера.

— Я верую так, как вы меня учили. Моя вера так же крепка, как каменные голгофы на перекрестках наших дорог, которые даже гнев Божий не может разрушить.

— И ты пошел бы в Рим вместо меня?

— Я пошел бы в Рим, я пошел бы даже в ад без страха, лишь бы вы указали мне дорогу.

Дом Йанн положил ладонь на голову крестника.

— У тебя сердце истинного бретонца, Йанник. Я прибегну к твоей преданности. Но сначала я должен проверить, любишь ли ты меня так, как говоришь. Я больше не вернусь к этой теме. Не сообщай никому об этом нашем разговоре, но постарайся о нем не забыть.

Вскоре после этого святой отец умер. Не буду рассказывать о всех знамениях, которые предваряли или сопровождали его кончину. Он был похоронен в часовне, где привык молиться. На могилу положили камень, на котором было начертано его имя и все его заслуги. Люди, которые ему служили, домоправительница и слуга, отправились жить в

---

49 «Бенедесите» (Benedecite, *лат.)* — первое слово молитвы «Благослови, Господи...».

50 Один фут равен 32,4 см.

другое место на ренту, которую он им оставил. Дом опустел, земли остались невозделанными. А что до Йанника, казалось, крестный нарочно забыл упомянуть его в завещании. Родители подростка были этим сильно раздосадованы, но не он. Его привязанность и благодарность Дому Йанну ничуть от этого не уменьшились. Он оставался верен умершему, как был верен живому. Каждый божий день он шел в часовню, чтобы с благоговением преклонить колена на его могиле.

Так вот, всякий раз, когда он становился на колени, надгробный камень трескался посередине, так как это произошло на гробнице Лазаря, когда Христос приказал ему встать.

«Может быть, и мой крестный собирается восстать тоже», — думал мальчик.

И он ждал с надеждой и страхом.

Однажды утром он заметил, что трещина стала шире, чем была, и глубже, до земли.

Йанник подумал: «Это произойдет сегодня».

И действительно, когда он дошел до аллеи, чтобы идти к себе домой, он увидел крестного, сидевшего на своем любимом месте в тени большого каштана. На нем было самое красивое священническое облачение, в которое его обрядили перед тем, как положить в гроб. Его руки были скрещены на коленях, глаза открыты и полны света.

Йанник на цыпочках приблизился к нему. Священник смотрел, как он подходит, и глаза его сияли все ярче и живее. Когда Йанник был уже рядом, священник сказал ему:

— Йанник, крестник мой, теперь я не сомневаюсь в твоей преданности. Твоя вера и правда крепка. Но по-прежнему ли ты готов совершить вместо меня паломничество в Рим?

— Да, крестный, по-прежнему.

— Ну что ж! Сегодня пойди на исповедь — нужно, чтобы твоя совесть была чиста, — а завтра утром отправляйся в путь.

— А какой дорогой, крестный?

— Тебе нужно только следовать за этой белой палочкой. Она была когда-то очень давно вырезана из креста Спасителя, тогда, когда этот крест был еще деревом с ветвями в лесу Иерусалима. Держи ее в правой руке. Смотри не потеряй ее, а не то пропадешь сам. Пока ты ею владеешь, она твой проводник и твой талисман. Что бы ты ни увидел, ничего не бойся. Она защитит тебя от всех напастей. Запоминай хорошенько все подробности твоего странствия, чтобы, вернувшись, ты смог мне дать точный отчет. Ведь ты совершаешь паломничество за меня. И нужно, чтобы я знал все так же хорошо, как если бы я сделал это сам.

— Я все понял, крестный, — ответил Йанник, — я буду стараться и повиноваться вам во всем.

Священник отпустил мальчика, пожелав ему доброго пути.

Вечером Йанник исповедовался, а на следующее утро, ничего не сказав родителям, отправился в дорогу, держа в правой руке белую палочку. Солнце только окрасило небо, когда он переступил порог своего дома. Но, едва выйдя из дому и сделав первые шаги, он с большим удивлением обнаружил, что опустилась глубокая ночь. Но она была совсем не похожа на обычные ночи, которые мы все знаем. Она не была ни темной, облачной, ни светлой, звездной. Скорее, это была не ночь, а просто отсутствие света. Все было видно, но как-то странно, словно во сне.

Первое, что разглядел Йанник, был овраг, заросший колючим кустарником, он был весь в шипах. Йанник пошел прямо через него. И тотчас перед ним, вернее, перед палочкой в перепутанных зарослях открылась дорожка. Он смело ступил на нее. По мере того как он продвигался вперед, сзади дорожка закрывалась. Йанник шел, словно пловец в море терний, колючих и острых, как кинжалы.

Он вышел оттуда без единой царапины.

Он оказался на открытом плато. И внезапно на этом плато выросли две гигантские горы. Они были такие высокие, что их вершины терялись в небе. Они закрывали собою горизонт, каждая со своей стороны. Та, что слева, была черной, справа — белой. И Йанник увидел, как они вздрогнули обе и обрушились друг на друга с сокрушительными натиском.

Они столкнулись с такой силой, что разлетелись на осколки со страшным грохотом, и в течение нескольких мгновений воздух был темен от града белых и черных камней. Можно было подумать, что это тучи ворон смешались с тучами голубей. Жуткое это было зрелище — битва двух гор. Йанник думал, что они изничтожили друг друга до песчинки, так страшно было их столкновение. Но он снова заметил их стоящими на горизонте, словно они собирали силы для нового взрыва.

«Поторопимся пройти», — сказал он себе.

И, воспользовавшись промежутком, который пока еще разделял два каменных монстра, он проскользнул мимо.

Тропинка по крутому склону привела его к песчаному морскому берегу. От кромки берега, как из глубокой воронки, поднимался красный пар, кровавый туман.

Йанник всмотрелся и понял, что это море в ярости пожирало само себя. Громадные волны вздымались и набрасывались одна на другую, как дикие звери с отчаянным воем.

«Если моя палочка пойдет туда, — сказал себе Йанник, — мне оттуда не выйти живым».

Но палочка повела именно туда. Кровавый туман разорвался перед нею, и Йанник прошел и по этому страшному пути без помех, разве только волны, как разъяренные псы, ревели ему прямо в уши.

Выбравшись на другой берег этого моря, он оказался в убогой до жалости местности. Одна каменистая, вся в рытвинах, равнина с несколькими чахлыми кустиками болотного тростника. Мерзость и запустение. Даже представить невозможно что-нибудь более нищенское и печальное.

«На этот раз, — подумал Йанник, — я на противоположном конце „хлебной страны“. Не важно! Идем дальше!»

И тут он увидел тридцать коров, они паслись в этих мертвых местах. Насколько трава, которую они щипали, была редкой и хилой, настолько же коровы были тучными, с крутыми боками, шкура у них была чистой и лоснилась. Вымя у каждой было тяжелым, полным, оно свисало почти до земли. И вид у них был очень довольный.

Йанник решил ничему не удивляться.

Он перешагнул через низкую каменную ограду и оказался в новом месте, совершенно противоположном предыдущему. Это был луг, такой широкий, что не охватить взглядом. Трава на нем росла высокая, густая, радовавшая глаз яркой зеленью. Однако она не соблазняла те пятьдесят коров, что паслись там. Они казались полумертвыми от голода, кожа на них была дряблой, из под нее проступали кости, ноги у них подгибались от слабости. Вместо того чтобы щипать траву, они стояли, свесив морды над каменной стенкой и глядя с яростью на своих товарок, наслаждавшихся на скудном пастбище, в то время как они в краю изобилия мычали от голодухи.

Йанник пошел дальше.

Он вошел в большой лес, там росли деревья всех пород и размеров. Вокруг каждого дерева порхали стаи птах. Йанник заметил, что они кружились, кружились без конца и никогда не садились на ветки. Полет их был тихим и полным тайны, как полет ночных птиц. Оперение у них было или серым, или черным.

Йанник шел дальше через лес.

Вскоре он увидел стайки белых птиц. Они рассаживались по высоким ветвям деревьев и принимались петь такими мелодичными голосами, что Йаннику показалось на минутку, что он в лесу Кербельвена радостным весенним утром.

— В добрый час, — прошептал он, — вот это радость сердцу.

И он зашагал с новой отвагой. И так он отмерял лье за лье.

Внезапно перед ним встала одна из гор Менеза, такая высокая, что она закрыла все небо, словно огромная темная стена. Подножие горы обросло тонким мхом, мягче бархата. Легкий ветерок разносил сладостный запах, шедший неведомо откуда. Йаннику захотелось улечься здесь, на мягкий мох, и долго вдыхать этот аромат. И как будто этого очарования

было мало, вдруг зазвучали нежнейшие голоса. Их были сотни и сотни тысяч, и пели они чудесно, только немного печально. Мальчик охотно остался бы здесь на годы, не двигаясь и слушая пение голосов. Но он мог наслаждаться ими только на ходу. Палочка тащила его за руку. Он должен был следовать за нею.

Подъем на Менез был трудным и долгим. Надо было цепляться за кусты, карабкаться на скалы.

Взойдя на вершину, Йанник обернулся. Позади себя он увидел множество детей, своих ровесников, которые пытались, как это сделал он, вскарабкаться по склону, цепляясь за неровности. Но они скатывались вниз, как только им удавалось подняться. Пучки травы или дрока, за которые они хватались, оставались в их руках; камни, за которые они держались, падали и тащили их за собою.

«Бедные ребятишки! — подумал Йанник. — Хотел бы я им помочь, но их слишком много».

К тому же палочка не оставляла ему свободного времени. Теперь она вела его к часовне, стоявшей на самой вершине горы, почти так же, как капелла Святого Эрве на горе Менез-Бре. Дверь часовни распахнулась. У алтаря стоял священник в черной ризе с большим серебряным крестом — так, как служат панихиду по умершим.

Как только Йанник вошел, священник обернулся к нему.

— Поможешь мне отслужить мессу, мой мальчик? — спросил он.

Йаннику показалось, что он где-то слышал этот голос.

— Да, конечно, отец мой!

Не успел Йанник произнести свое «да», как часовня и вместе с нею священник исчезли.

Белая палочка снова пустилась в путь, и мальчик по-прежнему шагал за нею.

Они пришли на перекресток, куда выходили три дороги. Они были проложены так близко друг к другу, что казалось, будто дорога одна. На перекрестке стояли два человека, в руках они держали косы, скрестив их над дорогой.

«Сейчас они меня разрубят», — подумал Йанник.

Чтобы миновать страшную арку, образованную косами, он низко наклонил голову, набрал в легкие воздуху и рванулся вперед.

Ему было очень страшно, но благодаря своей палочке он снова прошел препятствие без помех.

Неподалеку от этого места слева от дороги он увидел замок, его фасад был пробит тысячами дыр. Все они алели ярким светом, как будто внутри горел огонь кузни. Трубы выбрасывали клубы густого дыма, который не поднимался, а тут же опадал пеплом на землю. Йанник видел, как двигались странные силуэты в освещенных огнем окнах. Он слышал резкие, пугающие крики. Невыносимый запах серы душил его. Он поспешил уйти подальше от этого места.

И вот еще несколько пройденных лье, и он достиг другого замка. Но этот был совсем иным. Представьте себе лес башенок, таких же легких и стройных, как башни Бюлата или Крейскера[51]. Йанник ничего подобного никогда не видел. Флюгеры вращались над башенками и издавали — нет, не скрип, а сладостные звуки. На пороге замка палочка остановилась. Она постучала три раза в дверь, и дверь открылась. Войдя, Йанник очутился внизу великолепной лестницы. Он поднялся по ней. Наверху начинался коридор, он становился все шире, когда Йанник шел по нему. Коридор освещался звездами, висевшими под потолком. Каждая звезда сверкала волшебным огнем. Коридор замыкал портик, под его аркой покачивалась люстра, от которой шел свет, яркий, как солнце. С другой стороны портика открывалась анфилада нарядных комнат. Йанник обошел их все; широко раскрытыми глазами смотрел он на эти богатства и все-таки старался запомнить до мелочей

---

[51] Бюлат-Пестивьен и Крейскер — коммуны в департаменте Арморисканский Берег (северо-запад Бретани), известные своими церковными зданиями.

все, что видел справа и слева.

В первой комнате распевали птицы.

Во второй стояли четыре кресла и на каждое были положены по короне и по поясу.

В третьем — только два кресла. На одном — еще одна корона и еще один пояс. В другом кресле сидел священник, лица которого Йанник не рассмотрел.

После этой комнаты шли другие, дальше виднелись еще, но белая палочка не повела Йанника дальше. Паломничество явно было окончено, и палочка вернулась на дорогу в Кербельвен.

Возвращение тоже было черной ночью. Если бы Йанник выпустил палочку из рук в этот момент, ему ничего другого не осталось бы, как умереть от отчаяния, словно слепому, оставшемуся в одиночестве в незнакомом месте. Вот почему он крепко держал палочку в руке.

Сколько времени шел он так в потемках, он не мог бы сказать.

Наконец ему показалось, что тьма стала рассеиваться. Но это еще не был день. И даже не предрассветные сумерки; это все еще была серая мгла, но глаза уже начинали потихоньку в ней что-то различать. По канавам вдоль обочин он признал дорогу в Кербельвен и увидел, что он уже недалеко от поместья. И действительно, скоро он ступил на аллею. Под каштаном он увидел свет, и, залитый сиянием, перед ним оказался его крестный на том самом месте, где оставил его Йанник.

— Ну что, мой крестник, — заговорил священник, — вот ты и вернулся, живой и здоровый, как кажется.

— Да, это так, крестный.

— Ты запомнил то, что ты видел, и сможешь рассказать мне подробности?

— Точь-в-точь, крестный.

— Так начинай же. А я буду объяснять все шаг за шагом.

— Сначала, крестный, я должен был пройти через овраг, где были только колючие кустарники и терновник.

— Это первая дорога в рай, мое дитя.

— Затем я видел две горы, которые бились друг с другом.

— Это люди, недовольные своей участью и ревнующие к участи другого. Они разбиваются сами, стремясь разбить другого. Потом?

— Потом я оказался перед красным туманом, он был как кровавое дыхание волн разъяренного моря.

— Волны — это люди, женатые неудачно или которых женили против их воли. Они все время кусают друг друга, пока не перегрызутся до смерти. Дальше?

— Дальше я увидел тучных коров, которые находили удовольствие там, где нечего было есть.

— Это были люди, смиренно принимающие все, что бы ни случилось; даже полную нищету они переносят, не сетуя на божественное провидение.

— После этого я пришел на луг, где истощенные коровы умирали от голода, стоя по брюхо в сочной траве.

— Это скряги, мой мальчик, те, кому хотелось бы весь мир собрать в одну яичную скорлупу. Они не насытятся, пока остается хоть самая малость, которая им не принадлежит.

— Я вошел под сень огромного леса. Птицы, черные или серые, кружили над деревьями, но не могли сесть на ветви.

— Это те, кто присутствовал на мессе телом, а не душой. Они молились губами, а мысли их были далеко. Бормотали «Господи, помилуй», а сами думали: «Дали ли корму поросенку?», «Положила ли служанка сало в суп?» Их дух без конца порхает и не может задержаться на одном самом важном занятии — на спасении.

— Когда я углубился в лес дальше, я встретил тучи белых птиц. Они сидели на белых ветвях и чудесно пели.

— Это те, кто не заслужил рая, но чист и не нуждается в очищении. Они несут

сладостное покаяние между небом и землей.

— Я подошел к подножию горы. Там была лужайка с травой, нежнее бархата. Легкий ветерок проносился над ней и нес с собою сладкий запах. Потом какие-то голоса начали петь так красиво, но печально. Никогда я не слышал такого чистого и грустного пения.

— Эта мягкая лужайка, крестник, нежная плоть младенцев, умерших без крещения. Сладкий запах — это аромат крещения, который ждет их в день Страшного суда. Они поют так чудесно, потому что петь их учат издалека ангелы. Но голоса их печальны, потому что они сожалеют о том, что потеряли своих матерей, но не нашли Бога.

— Когда я поднялся на вершину горы, обернувшись, я увидел толпу детей моего возраста, которые тоже пытались, как я, одолеть гору, но это им не удавалось. Признаюсь, это ранило мое сердце, крестный.

— Это мальчики, умершие до своего первого причастия. Они смогут взойти на гору, когда Иисус Христос хлопнет трижды в ладоши, чтобы призвать их к себе.

— На другой стороне Менеза, крестный, была часовня. У алтаря стоял священник. Он спросил, не помогу ли я ему отслужить мессу. Но как только я сказал «да», он исчез.

— Этот священник, дитя мое, это я. Все остальные между нами, это те, кто совершил какой-то проступок, который нужно искупить; они ждут перед ступенями алтаря, чтобы мальчик из хора, помогавший во время службы при их жизни, сделал то же самое и теперь, когда они мертвы.

— И потом я пришел на перекресток трех дорог, которые, как казалось, шли в одном направлении. Я испугался двух мужчин, закрывавших проход косами, скрещенными над ним.

— Это три дороги в рай — из чистилища и из ада. Два человека, охраняющие их, — два дьявола.

Они стараются устрашить проходящих людей, чтобы овладеть ими.

— А потом я увидел замок, казалось, он весь был в огне.

— Это ад, крестник.

— А потом — другой замок, но этот был прекрасный, такой красивый, такой красивый, что слепил глаза. Нет слов, чтобы описать его великолепие.

— Я верю тебе, крестник. Этот замок — рай. Ты прошел только преддверие. Но скажи мне, что ты там приметил?

— Я запомнил комнату, где пели птицы.

— Это ангелы, которые должны приветствовать входящих. А потом?

— Потом, в следующей комнате, я увидел четыре кресла, на которых лежали четыре пояса и четыре короны.

— Эти кресла ждут первых четверых, кто умрет безгрешным и чистым. Потом?

— А потом, в третьей комнате, я увидел два других кресла. Одно было пустым, в другом сидел священник...

— Да, мой мальчик, и этот священник, лицо которого было в тени, — тот же, что был в часовне, это твой крестный, который благодарит тебя за то, что ты сделал для него, и который, чтобы вознаградить тебя, объявляет тебе, что через шесть месяцев ты займешь место рядом с ним в пустом кресле. Теперь же верни мне палочку, Йанник, а вместо нее возьми эту книгу. Все ее страницы чистые. Ты будешь заполнять их своей рукой по одному листу в день. Когда заполнится последний лист, наступит твой час.

— А что я скажу своим родителям, когда я их увижу? Они, должно быть, были сильно обеспокоены моим отсутствием, хотя я и не знаю, сколько времени оно продолжалось.

— Оно продолжалось двадцать лет, крестник. Ты найдешь своих родителей сильно постаревшими. Но не тревожься ни о чем. Они ни о чем не станут спрашивать. В день, когда ты ушел, твой ангел-хранитель заменил тебя в доме. Ни отец, ни мать даже не подозревают о том, что произошло.

На этом священник и его крестник расстались до встречи в раю через шесть месяцев.

И только тогда Йанник, который теперь уже был достаточно взрослым, чтобы его

называли Йанном, заметил, что солнце стояло высоко в небе. И он поспешил к дому. А теперь, если позволите, я тоже потороплюсь к себе домой.